

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. В.П. Астафьева»

А.Л. Заика

ЛИЧИНЫ НИЖНЕЙ АНГАРЫ

Монография

Красноярск
2013

ББК 63.4

З 172

Рецензенты:

Дэвлет М.А.,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН

Мартынов А.И.,

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

З 172 **Заика А.Л.** Личины Нижней Ангары: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2013. – 178 с.

ISBN 978-5-85981-608-8

Посвящена антропоморфным личинам – самым загадочным образам древнего наскального искусства Нижней Ангары. Приводится полная историческая сводка исследований петроглифов на данной территории в период с середины XVII до начала XXI вв., дается историографический анализ работ, предлагаются новые методические разработки полевых исследований петроглифов. Впервые публикуется свод сюжетов и композиций с участием антропоморфных образов. На основе проведенной систематизации и классификации личин Нижней Ангары решаются вопросы, связанные с определением культурно-хронологической принадлежности рисунков, их места в развитии наскального искусства Северной Азии.

Рассчитана на историков, археологов, этнографов, искусствоведов и всех читателей, интересующихся древним искусством и культурой Сибири.

ББК 63.4

Издается при финансовой поддержке проекта № 06/12 «Исследование проблем развития человека на базе гуманитарной технологической платформы "Инновационный человек"» Программы стратегического развития КГПУ им. В.П. Астафьева на 2012–2016 гг.»

ISBN 978-5-85981-608-8

© Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2013

©Заика А.Л., 2013

*Посвящается первому Учителю,
наставнику и замечательному Человеку
Валерию Алексеевичу Снопкову*

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена исследованию одного из наиболее сложных видов археологических памятников – петроглифам. Наскальные изображения представляют собой ценные источники, характеризующие как материальную, так и духовную культуру древнего населения, и свидетельствуют о различных этапах развития мировоззрения, психологии, художественного творчества и мышления у наших предков.

Первые русские поселенцы Сибири скалы с рисунками называли «писаными камнями», в которых они, по всей видимости, видели не просто рисунки, а загадочные письмена¹, сами же рисунки – «письменами», «писанцами» или «писаницами»². Последнее название позже прочно закрепилось в научных трудах, посвященных наскальному искусству Сибири. Традиционно местное сибирское понятие «писаницы» обозначало как рисованные, так и рельефные изображения, и автор, не только отдавая дань традиции, но и стремясь избежать неоправданной и лишней терминологической путаницы, в понятия «наскальные рисунки», «петроглифы» и «писаницы» вкладывает одинаковый смысл, использует в своей работе данные термины как синонимы³.

История изучения петроглифов Нижней Ангары насчитывает около 300 лет. Она связана с именами таких известных исследователей древностей, как Д.Г. Мессершмидт, И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, Д.А. Клеменц, И.А. Лопатин и др. Тем не менее вплоть до конца XX в. Нижнее Приангарье в этом отношении оставалось малоизученной территорией. Открытия писаниц имели случайный характер, работы с петроглифами производились попутно, в контексте решения других научно-исследовательских задач. Введение в научный оборот новой информации о наскальном искусстве региона раскрывает дополнительные возможности в решении актуальных проблем реконструкции различных сторон жизни древнего населения, формирования и развития древних форм религии, взаимодействия культур во времени и пространстве, этногенеза коренных народов Сибири.

Антропоморфные личины являются одной из сложных по форме и содержанию категорий древнего наскального творчества. Вопросы, связанные с определением их культурно-хронологической принадлежности и семантики изображений, наиболее дискуссионные в современной науке. Это, в свою очередь, подчеркивает актуальность данной работы.

---

¹ Даже спустя много лет в сибирской топонимике мы встречаем: «Писаный Камень» на р. Вишере и «Писаный Камень» на р. Ирбит (Урал), «Писаный Камень» (Писемский утес) на р. Ангаре, «Писаная гора» у улуса Сулек (Хакасия), «Писанское плесо» на р. Мане, д. Писаная напротив Томской писаницы и др.

² Народное название наскальных рисунков – «писаницы», – по всей видимости, скалькировано с тюркоязычных названий, обозначавших петроглифы у народов Сибири: хакасское «пичигтиг хая», тувинское «бижиктиг хая», алтайское «бичигтиг кая», т.е. «скала с надписями». «Бэдизлиг кайя» – одна из многих древнетюркских надписей (VIII–IX вв. н.э.) на скале Тепсей, которая переводится как «скала, покрытая рисунками», «узорчатый утес» [Кляшторный, 1976, с. 68].

³ Термин «петроглифы» заимствован из научной литературы Запада и в строгой трактовке обозначает рельефные изображения, в отличие от терминов «писаницы», «росписи», «наскальные рисунки», под которыми ряд авторов понимают рисованные краской изображения. Как показывает практика, нередко можно встретить наскальные изображения, выполненные в комбинированной технике. Также часто присутствуют на территории одного памятника как рисованные, так и, например, выбитые фигуры. Соответственно, жесткое применение вышеуказанных терминов как в общем, так и в частном порядке неизбежно поставит исследователя в тупик и внесет лишнюю путаницу при ознакомлении любого специалиста с результатами работ.

В силу своей открытости петроглифы постоянно подвержены разрушительному влиянию внешней среды, соответственно, информация различного характера о памятниках наскального искусства, результаты их исследований представляют научную ценность как в настоящем, так и в будущем.

Территория исследований охватывает участок нижнего течения р. Ангары (около 550 км) от верхней ступени Аплинского порога (на востоке) до устья (на западе) и прилегающей территории Ангаро-Тунгусского (на севере) и Ангаро-Канского (на юге) междуречий в границах территории Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов Красноярского края.

В работе представлены материалы исследований ранее неизвестных или недостаточно изученных писаниц и рисунков, обнаруженных автором на территории Нижнего Приангарья в 1994–2001 гг. Кроме того, привлекаются результаты полевых исследований петроглифов бассейна р. Маны (Восточный Саян), Западного Саяна, Хакасско-Минусинской котловины.

Данная монография подготовлена на основе кандидатской диссертации, защищенной в 2003 г. в Алтайском государственном университете (г. Барнаул). Выражаю глубокую признательность научному руководителю, доктору исторических наук Николаю Ивановичу Дроздову за поддержку предпринятого исследования; алтайским коллегам, принявшим активное участие в обсуждении работы, подготовке и проведении самой защиты: доктору исторических наук Юрию Федоровичу Кирюшину, кандидатам исторических наук Алексею Алексеевичу Тишкину, Александру Борисовичу Шамшину, Сергею Петровичу Грушину и др. Искренне благодарен своим оппонентам: доктору исторических наук, академику РАН, заслуженному деятелю культуры Российской Федерации Анатолию Ивановичу Мартынову, кандидату исторических наук Артуру Леонидовичу Кунгурову. Особо запомнились выступления на защите докторов исторических наук Михаила Александровича Демина, Алексея Павловича Уманского, Александра Христиановича ЭлERTA. Замечательный отзыв принадлежит известной исследовательнице древнего наскального искусства доктору исторических наук Марианне Арташировне Дэвлет.

Надо отметить, что основными источниками данного исследования являются результаты полевых работ с наскальными рисунками. Активное участие в полевых исследованиях принимали: дивногорский художник Игорь Николаевич Емельянов, фотограф Андрей Петрович Березовский, видеооператор Виктор Вениаминович Военков, студенты (сейчас уже аспиранты) Тимофей Александрович Ключников, Сергей Петрович Журавков и др.

Успех экспедиций во многом зависел от содействия и помощи местных ангарцев, со многими из которых мы крепко сдружились: Александр Викторович Каява, Евгений Петрович Косов, Николай Чурилкин, Вячеслав Владимирович Скубарев. К сожалению, не дождался выхода книги, безвременно ушли из жизни житель Манзи Николай Николаевич Бурмакин, школьный учитель и сотрудник Мотыгинского музея Веза Павлович Аннонен, рулевой-моторист Михаил Иванович Терехов («Мишаня»)… Всем им я безмерно благодарен.

В экспедиционных исследованиях, камеральной обработке полевых материалов участвовали сотрудники лаборатории археологии В.П. Леонтьев, В.И. Макулов и др., студенты исторического факультета КГПУ им. В.П. Астафьева. При подготовке материалов к изданию ценными были технические консультации со стороны Ивана Владимировича Стасюка, методические рекомендации Александра Сергеевича Вдовина.

Хочется отметить вклад Николая Дмитриевича Оводова, палеонтолога, ученого необычайной широты интересов и знаний, просто прекрасного человека, который в процессе работы над книгой неоднократно прочитал данный труд и сделал ряд ценных замечаний.

Надеюсь, что данная книга будет интересна как специалистам, занимающимся проблемами наскального искусства Северной Азии, так и широкому кругу читателей.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕТРОГЛИФОВ НИЖНЕЙ АНГАРЫ

1.1. История изучения петроглифов Нижней Ангары

Изучение памятников древнего наскального искусства в Нижнеангарском регионе неразрывно связано с историей становления и развития археологических исследований на территории Приенисейской Сибири.

В отечественной историографии, как правило, выделяются три основных этапа в истории изучения древностей Приенисейского края [Мартынов, 1964, 1968; Вадецкая, 1973]. В своей монографии, посвященной начальному периоду (XVIII – первая треть XX в.) изучения древних памятников Южной Сибири, Ю.Г. Белокобыльский в основном следует принятой периодизации:

- первый период связан с работой первых академических экспедиций в Сибирь и, соответственно, охватывает XVIII в.;
- второй период – XIX – начало XX в. (до 1917 г.) – характеризуется становлением сибирской археологии как самостоятельной отрасли общерусской исторической науки (вторая половина XIX – начало XX в.);
- третий период охватывает все последующее время «...от Великой Октябрьской социалистической революции до 1980 г.» [Белокобыльский, 1986, с. 6] и подразделяется на три этапа. Первый этап автор ограничивает 20-ми годами XX в.

Начальный период развития сибирской археологии, а именно цели и результаты работ Д.Г. Мессершмидта, подробно рассматриваются в работе Л.Р. Кызласова (1962). Основательно историю археологических исследований (XIX – конец 20-х гг. XX в.) на территории Приенисейской Сибири проанализировал в своей работе красноярский исследователь А.С. Вдовин [Вдовин, 1999].

Что касается истории изучения енисейских петроглифов, то дореволюционному периоду был посвящен небольшой очерк Т.Н. Николаевой и Б.Н. Пяткина (1979). Они довольно подробно описывают открытие различных писаниц Среднего Енисея, уделяя определенное внимание вопросам формирования методики копирования наскальных рисунков. Более полный свод информации об известных писаницах с краткой исторической справкой позже был приведен на основе архивных данных Э.Б. Вадецкой (1986). Отдельные аспекты истории исследования памятников наскального искусства на Енисее были изложены в известных монографиях Я.А. Шера (1980), Б.Н. Пяткина и А.И. Мартынова (1985), Л.Р. Кызласова и Н.В. Леонтьева (1980), в ряде работ М.А. Дэвлет (1984, 1985, 1987, 1989 и др.) и других исследователей.

Обобщающим трудом, посвященным истории изучения и методике исследований петроглифов Енисея в период XVIII – начало XX вв., является вышедшая сравнительно недавно монография М.А. Дэвлет (1996). Данная работа является итогом многолетнего труда исследователя, который буквально по крупицам сумел собрать исчерпывающий материал по данной тематике в различных архивах и фондах как центральных, так и провинциальных музеев, научных учреждений. «... Я считаю нужным вернуть к новой жизни материалы и сведения о писаницах этого региона... по мере возможности воссоздать историю их из-

учения, вспомнить о замечательных людях-исследователях наскального искусства Енисея» [Дэвлет, 1999, с. 4–5]. В настоящее время монография М.А. Дэвлет является единственным всеобъемлющим трудом историографического характера, посвященным изучению древнего наскального искусства Енисейского региона. В своей работе М.А. Дэвлет дореволюционный период исследований хронологически подразделяет на три этапа, каждому из которых дала свою оценку:

1. Академические экспедиции XVIII в. Участники академических экспедиций, рассматривавшие древности как один из объектов землеописания, зарегистрировали большое количество писаниц. Основное внимание при археологическом изучении края они уделяли памятникам енисейской рунической письменности и каменным изваяниям. Петроглифы рассматривались преимущественно в связи с изучением «рунической» письменности. «Главное внимание было сосредоточено на накоплении фактов и лишь отчасти на их научной интерпретации» [Дэвлет, 1996, с. 13–14].

2. Изучение петроглифов Енисея в начале – третьей четверти XIX в. В первой половине XIX в. полевые исследования на Енисее имели эпизодический характер. Вместе с тем появляется целый ряд статей, специально посвященных писаницам. «Среди исследователей... проявлявших интерес к наскальным изображениям Енисея, прежде всего, следует отметить работы неутомимого собирателя источников по истории Сибири известного ученого-лингвиста, археолога, этнографа, издателя Г.И. Спасского...» [Дэвлет, 1996, с. 16].

3. Изучение наскальных изображений в последней четверти XIX – начале XX вв. С последней четверти XIX в. определяется подход к наскальным изображениям как к самостоятельным памятникам, «заслуживающим пристального внимания и специального изучения». В этот период «...осознается необходимость накопления материала в виде копий, снятых с писаниц, а также сбора всесторонних сведений о памятниках наскального искусства...» [Дэвлет, 1996, с. 38]. Особое внимание автор уделяет известным исследователям Приенисейского края И.Т. Савенкову и А.В. Адрианову.

Автор ставила перед собой цель – вернуть к новой жизни материалы и сведения о писаницах региона, собрать весь корпус источников, чтобы «новое не стало хорошо забытым старым», и блестяще, на высоком уровне справилась с ней.

Краткий обзор исследований петроглифов на Среднем Енисее в последующие периоды до середины 1990-х гг. был дан в статье О.С. Советовой (1997).

Необходимо отметить, что вышеуказанные работы в большей степени были посвящены истории изучения археологических памятников, в том числе петроглифов, расположенных в южной части Приенисейской Сибири (Хакасско-Минусинская котловина). Истории археологического изучения более северных районов Приенисейской Сибири, а именно Северного Приангарья, которое включает среднее и нижнее течение Ангары, посвящены отдельный раздел монографии Р.С. Васильевского, В.В. Бурилова и Н.И. Дроздова (1988), соответствующие главы диссертационных исследований [Привалихин В.И., 1993; Леонтьев В.П., 1999] и ряд статей [Макаров, 1989; Дроздов и др., 2001 а; Дроздов и др., 2001 б].

Не отклоняясь от общепринятой периодизации, авторы выделяют три основных периода в истории археологического изучения региона:

1. XVIII в. – 1917 г.;

2. 1917 – нач. 1940-х гг. Данный период исследователи подразделяют в соответствии с «принятой периодизацией истории советской исторической науки и общим процессом развития археологии в нашей стране» на два этапа: первый охватывает время «от Великой

Октябрьской социалистической революции до сер. 20-х гг», второй – от середины 20-х до начала 40-х гг. [Васильевский и др., 1988, с. 11];

3. С 1948 г. по настоящее время¹. Многие исследователи подразделяют этот период на два этапа: первый – конец 40 – сер. 60-х гг., второй – сер. 60-х гг. – современность [Васильевский и др., 1988, с. 14; Привалихин, 1993, с. 9; Леонтьев, 1999, с. 5–8].

В контексте общей истории археологических открытий на территории региона упоминаются и памятники наскального искусства.

Придерживаясь общепринятой периодизации, считаем нужным конкретизировать хронологические рамки каждого этапа применительно к истории изучения петроглифов Нижнеангарского региона: первый период – XVII – конец XIX вв.; второй – нач. 20-х – 1940 гг.; третий – с конца 50-х гг. по настоящее время. Последний период можно подразделить на два этапа: конец 50 – начало 90-х гг. и начало 90-х гг. – современность.

Начиная с XVII века на сибирские писаницы обратили внимание первые поселенцы Сибири. Накопление сведений о писаницах шло одновременно с освоением новых областей на востоке России, в ходе продвижения русских с Запада на Восток.

В это время начало познания Сибири, ее древней истории было положено отдельными путешественниками, а также несколькими посольствами (Иван Петлин, Избранд Идес, И.Ф. Байков, Н. Спафарий и др.), которые по повелению московских царей направлялись через Сибирь в Китай. Им вменялось собирать сведения о местностях, которые им приходилось посещать, и проживавших на них народах². Эти описания включали не только путевые заметки путешественников, но и сведения, полученные от местных информаторов. В это же время появляются труды репродуктивного характера, посвященные Сибири. Так, довольно крупным для того времени считается сочинение Витзена [Witsen, 1785], практически не бывавшего в Сибири, но собравшего о ней много сведений во время своего пребывания в Москве.

Первым, кто отметил сибирские наскальные изображения, был неизвестный русский путешественник, автор хронографа, датируемого около 1645 года³. Он коротко и образно описал рисунки известной Томской писаницы: «Не дошед (Кузнецкого. – З.А.) острогу, на край реки Томи», по его словам, «лежит камень велик и высок, а на нем писано звери и скот и птицы и всякие подобия». Далее автор делает интересное замечание: «...а егда по некоторому прилучаю отторгается камень, а внутри того писано якожи и на краи...» [Андреев, 1960, с. 155–156].

Ценный вклад не только в отечественную, но и зарубежную науку внесли труды Н. Спафария, которые «...долгое время служили одним из источников для ознакомления

---

¹ Начало данного периода ряд исследователей соотносят с началом 50-х гг. [Дроздов и др., 2001, с. 123].

² «...Путешествия... были очень медленные, в судах вверх по течению рек, сухим путем по волокам, с продолжительными остановками в городах и острогах ради постройки судов и получения рабочей силы и животных для передвижения или ради зимовок...» [Обручев, 1931, с. 5]. Соответственно, эти путешествия продолжались годами, что позволяло их участникам хорошо ознакомиться с новыми краями, местными народами, сделать довольно обстоятельное (для того уровня развития науки) их описание.

³ Информация о писаницах была опубликована на стр. 389–404 в книге «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции», которую собрал и издал А.Н. Попов в 1868 году в Москве. По утверждению А.И. Андреева: «Хронограф... должен быть отнесен ко времени не ранее 1645 г., а упомянутые статьи его... должны относиться также к 1645 г. и близки к нему по годам...» [Андреев, 1960, с. 155].

Западной Европы с примыкающими к Китаю русскими владениями...» [Лебедев, 1949, с. 131]¹. Н. Спафарий впервые упомянул о «енисейских писаницах». В 1675 г., проезжая через Енисейск, он в июле совершил двухдневную поездку по Енисею, а затем поднялся по Ангаре и 12 сентября достиг Байкала. Сведения о наскальных рисунках он получил путем расспросов информаторов, «людей любознательных и наблюдательных», самому же осмотреть «енисейские петроглифы» Спафарию не удалось².

Вот что он пишет в своем дорожном дневнике: «А до большого порогу не доезжая, есть место, утес каменной по Енисею. На том утесе есть, вырезано на камню неведомо какое письмо и меж письмом есть и кресты вырезаны, также и люди вырезаны, и в руках у них булавы и иные многие дела, как сказывают, что в том камню вырезаны на пустом месте... а никто не ведает, что писано и от кого...» [Спафарий, 1882, с. 85].

Примечательно, что в данном случае путешественником была отмечена техника выполнения рисунков: «вырезано на камню» и «...были сделаны первые шаги в типологическом разделении изображений на 2 группы...» [Окладников, 1966, с. 6], т. е. были выделены, собственно, фигуративные изображения («люди вырезаны») и знаковые символы («неведомо письмо», «кресты»).

До настоящего времени у исследователей нет однозначного мнения, о каких петроглифах Спафарий ведет речь. М.А. Дэвлет, взяв за основу географическую привязку к «большому порогу», попыталась аргументированно отнести данные петроглифы к территории, прилегающей к Большому порогу в верхнем течении Енисея, где он прорезает Саянский каньон. Тем более что здесь имеется ряд известных писаниц (Джойский навес, Сосновка Джойская и др.), на которых встречаются как фигуративные, так и символические изображения. Вместе с тем автор, учитывая технику выполнения рисунков, вполне справедливо ставит под сомнение свои предположения, так как «...рисунки, упомянутые Н. Спафарием, вырезаны в камне, тогда как изображения в нижней части Саянского каньона накрашены охрой...» [Дэвлет, 1996, с. 6–7].

По нашему мнению, в сообщении Н. Спафария, скорее всего, речь ведется о петроглифах, расположенных в более северных районах Енисея. Совершая летом 1675 г. поездку вверх по Енисею, он за два дня мог преодолеть при самых благоприятных обстоятельствах только половину пути между Енисейском и Красноярском³. Учитывая обратную дорогу, Н. Спафарий мог достичь за это время только с. Рождественского или погоста Казачий Луг (современное с. Казачинское), находившихся в 130–150 км от Енисейска и, соответственно, в 50–70 км южнее с. Усть-Тунгуски, расположенного напротив устья Ангары. Откуда он мог по возвращении отправиться вверх по Ангаре. Учитывая опыт традиционных путевых

---

¹ Спафарий Николай Спатарь Милеску («Гаврилович», как его именовали в официальных русских документах), происходивший из молдавских греков и родившийся в Молдавии в 1625 г. (по другим данным – в 1635 г.), получил образование в Константинополе и Италии, при наборе «ученых греков» был послан в 1671 г. в Россию и назначен переводчиком в Посольский приказ [ССЭ, 1933, с. 974–975]. В 1675–1678 гг. он по поручению российского правительства осуществил путешествие с дипломатической миссией в Китай «...для улаживания недоразумений на приамурской границе и завязывания торговых отношений...» [Лебедев, 1949, с. 128]. Одной из задач, поставленных перед ним, было описание новых владений Московского государства в Сибири.

² Ряд отечественных исследователей ошибочно считают, что Спафарий сам непосредственно зафиксировал енисейские петроглифы [Лебедев, 1949, с. 138; Белокобыльский, 1986, с. 9].

³ Г.Ф. Миллер, например, расстояние между Енисейском и Красноярском в 1735 г. преодолел по зимнику за 5 дней, в августе 1739 г. – за 17 дней.

заметок Г.Ф. Миллера в период 1735–1738 гг. [Элерт, 1990, с. 59]¹, можно сделать вывод, что сведения о петроглифах Н. Спафарий мог получить попутно только от местных жителей Енисейского уезда. Соответственно, ни о каких писаницах Саянского каньона в верховьях Енисея здесь и речи не могло быть. Более того, сам Спафарий с «обычной осторожностью» отмечает отсутствие каких-либо достоверных сведений на то время о верховьях Енисея: «...А не пишем про Енисей и для того, что вершина той реки не знаетя откуда начинается, только сказывают, что вершины ее недалеко от обских. И слышатся лебеди, когда крычат от вершины Енисея и до вершины Оби, как иноземцы сказывают...» [Лебедев, 1949, с. 138]. Крайняя скудность информации о верховьях Енисея, которая в XVII в. граничила с мифами и легендами, наличие большого количества более доступных и насыщенных примечательными петроглифами скал по берегам Енисея от устья Ангары до Саянского каньона лишней раз показывают сомнительность предположений М.А. Дэвлет. Гораздо труднее согласиться с мнением Ю.Г. Белокобыльского, который, ссылаясь на путевой дневник Н. Спафария, указывает на писаницы «южнее Красноярска» [Белокобыльский, 1986, с. 9], где, как известно, не существовало столь «страшных» порогов, по которым «никто не смеет ходить на судах» и которые «...ходят только дорогой и обходят... по 5 дней...» [Спафарий, 1882, с. 85].

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что в сообщении Спафария речь ведется о более близко расположенном к Енисейску и, соответственно, к устью Ангары речном препятствии, одном из крупных енисейских порогов, трудно проходимом даже для современных судов, – Казачинском пороге. Он находится в 235 км ниже по Енисею от Красноярска и в 100 км выше устья р. Ангары, ниже которого, в 70 км, расположен Енисейск². Примечательно, что в XVII в. Казачинский порог являлся естественной административной границей между Енисейским и Красноярским уездами: «...выше порога на реке Караульной, или Межевой, стояла Надпорожинская Спасская слобода Красноярского уезда, а ниже порога – Подпорожинская слобода Енисейского уезда...» [Бахрушин, 2000, с. 697]³. Соответственно, в 1675 г. у местных жителей-информаторов Н. Спафария для пространственной привязки енисейских петроглифов наиболее удобным репером (как в естественно-географическом, так и в административном планах) мог являться именно Казачинский порог.

Таким образом, в сообщении Спафария, скорее всего, речь ведется о петроглифах, расположенных на русловом участке Енисея между Казачинским порогом и устьем р. Ангары, т. е. на территории сопредельного или входящего в Нижнеангарский регион участка Приенисейской Сибири. В определенной степени этим заключением можно объяснить

---

¹ Г.Ф. Миллер, путешествуя по тракту или реке, мог опрашивать только «...тех людей, которые жили в непосредственной от них близости... приводил опросы русских крестьян, промышленных людей, ясачных сборщиков, встречавшихся в пути и собираемых специально во время остановок...» [Элерт, 1990, с. 59].

² Казачинский порог протяженностью более 7 км включает ряд перекатов (Верхний Порожинский, Верхний и Нижний сливы, Нижний Порожинский), образован скальными выступами, каменистыми грядами и россыпями, которые пересекают русло реки по всей его ширине и сужают его с 650 до 300 м. Падение реки достигает 1 м/км, скорость течения возрастает до 16–18 км/ч. «...Подводные камни и выступы дна, большие скорости течения, свальные и затяжные течения, майданы и буруны представляют здесь большую опасность для судоходства. Казачинский порог является единственным в СССР участком, где для взводного судоходства используется специальное буксирное судно – туер... берега – холмистые, большей частью скалистые, покрыты лесом. Отвесным утесом проектируется на фоне местности скала Орел...» [Лоцманская карта..., 1974, л. 24].

³ Причиной появления подобной сравнительно четко обозначенной границы на Енисее послужило то, что к 1650 г., «...когда енисейский и красноярский воеводы стали одновременно заводить поселения на Енисее в том месте, где сходятся оба уезда, между ними возник спор... красноярские воеводы жаловались на захваты енисейских воевод... но сами причислили к Красноярскому уезду более 40 верст берега Енисея...» [Миллер, 2000, с. 100].

И.Г. Гмелин

столь пристальное наше внимание к результатам поездки по Енисею Н. Спафария как первого информатора о не только соседствующих, но, возможно, и непосредственно относящихся к наскальному искусству Нижнего Приангарья «енисейских писаницах».

К сожалению, в настоящее время нет фактических данных о наличии «до большого порогу не доезжая» петроглифов на береговых утесах Енисея¹. По всей видимости, это связано с тем, что целенаправленных поисков наскальных рисунков между порогом и устьем Ангары не производилось. Случайно обнаружить их неподготовленному специалисту при проведении археологических исследований на территории региона также могло быть не под силу. Как показывает наша практика, рельеф петроглифов под воздействием воды, льда и вследствие выветривания скальных

пород со временем мог быть сnivelирован практически до уровня каменной основы и визуально плохо просматриваться. Более того, многие писаницы Енисейского региона к настоящему времени сохранились фрагментарно, часть их разрушена полностью как по естественным причинам, так и вследствие антропогенного воздействия [Заика, 2001]. Косвенно о существовании петроглифов ниже порога (как в прошлом, так и в настоящем) могут свидетельствовать последние открытия в районе Казачинского порога на местонахождении «Островки» [Мельникова и др., 2000, с. 69–70]. На горизонтальных плоскостях береговых валунов (во время паводка или при сбросе воды Красноярской ГЭС нижние плоскости затпливаются) были зафиксированы выполненные путем выбивки антропо- и териоморфные изображения, знаковые символы.

Таким образом, наша версия имеет право на существование и может внести определенную ясность в летопись истории открытий енисейских писаниц.

Первым ученым, осуществившим научное исследование Сибири, был Д.Г. Мессершмидт (1675–1735) – руководитель первой Академической экспедиции, направленной в Сибирь в 1718 г. Петром I.

В 1725 г., вернувшись из путешествия по Забайкалью в Иркутск, он на лодке с 23 июня по 14 августа проплыл по Ангаре до Енисейска. Во время экспедиции 8 июля им впервые были обнаружены и описаны рисунки на р. Ангаре у д. Климово (ныне д. Климино Кежемского района) на скале «Писанный камень». Это были изображения двух всадников. Выполнены они были охрой на ровной скальной поверхности [Радлов, 1902, с. 20]. Исследователь произвел определение географической широты Писанного камня, зарисовку петроглифов, их описание [Messerschmidt, 1968]².

¹ Ниже порога встречается немало скал по обеим сторонам Енисея: обширные скальные массивы протяженностью до 3 км (горы Степановы, Рычковские, Согра и др.), а также отдельные скалы (Баркова, Захаровка, Белокопытовская, Рычковский Бык, Савинский Бык и др.). Есть упоминание у А.П. Окладникова о возможном существовании петроглифов на скале Савинский Бык (правый берег Енисея, в 15 км выше устья Ангары), где, по словам местных ангарских жителей, изображен «Спаситель» [Окладников, 1966].

² «...Без четверти двенадцать (я достиг) Писанного камня, на правом берегу Тунгуски (р. Ангара), около 2/3 старых верст удаленного от д. Климовой, возле которого я велел причалить, чтобы рассмотреть нарисованные на скале древние фигуры и занести их... (писаница) состоит лишь из двух нарисованных бежевым цветом фигур... величиной около 11° 0' 0" рейнской меры в перпендикуляре, окрашенных красной, не тускнеющей краской. Скалы серого камня, по перпендикуляру сверху до низу они покрыты трещинами и как будто наложены одна на другую таким образом, что острый выступ направлен на восток, к правому берегу Тунгуски...» [Федоров, 2000, с. 153].

Вслед за Мессершмидтом у писаной скалы побывал И.Г. Гмелин, участник следующей Великой Северной (Второй Камчатской) академической экспедиции. И.Г. Гмелин, видимо, был разочарован, так как он не обнаружил здесь, по его словам, «ничего более, чем фигуры двух всадников на лошадях, грубо намалеванных красной краской» [Окладников, 1966, с. 7].

Позже, повторяя маршрут Д.Г. Мессершмидта, эти же рисунки были упомянуты Г.Ф. Миллером, который, как и Гмелин, работал в составе Академической экспедиции по изучению Сибири в течение 1733–1744 гг. После описания впечатляющих Ирбитской и Томской писаниц он указывает, что «...далее подобная же скала находится на реке Тунгуске, которая в верхней своей части называется Ангарой... На правом берегу... в 13 верстах ниже устья реки Чадобца и в 17 верстах выше устья реки Муры. Но ни по числу, ни по разнообразию изображений она далеко не может быть приравнена к вышеописанным скалам. Когда я, проезжая мимо, рассматривал ее, то мог заметить на ней только изображение всадника, почему и не счел нужным снять с нее рисунок...» [Миллер, 1999, с. 528–529].

Критически настроенный исследователь резко осуждал стремление видеть в сибирских петроглифах настоящие письма древних жителей Сибири. Отвергая мнение Страленберга об иероглифическом смысле рисунков, Г.Ф. Миллер вместе с тем дал во многом несправедливую оценку наскальным рисункам Сибири как историческому источнику. По его мнению, древние писаницы представляют собой не что иное, как простые и грубые рисунки «праздных людей, неопытных в искусстве письма и живописи, когда они делают... беспорядочные изображения. Я не наблюдал там ничего, что было бы похоже на связный ряд изображений. Здесь изображения людей, там – животных, ничем органически не связанные...» [Миллер, 1999, с. 523].

Г.Ф. Миллер не видел в писаницах Сибири также и доказательства их какой-нибудь древности: «В самих произведениях нет никакого признака древности, и потому я не вижу причины, почему они должны быть приписаны к древним обладателям этого края, а не нынешним обитателям его» [Миллер, 1999, с. 532].

После большого перерыва интерес к ангарским петроглифам появился много позже – в конце XIX в.¹

В 1882 г. Н.И. Витковский при поддержке ВСОРГО впервые с конкретными научными целями совершает археологическую поездку по р. Ангаре от Иркутска до устья р. Тасеевой. Необходимо заметить, что большая протяженность маршрута (более 1600 км) при кратком интервале работ затрудняла тщательное исследование памятников, но тем не менее Н.И. Витковским были обнаружены наскальные рисунки на Каменных островах (Средняя

Г.Ф. Миллер

¹ Возможно, это связано с активизацией археологического изучения петроглифов на Енисее многими сибирскими исследователями (А.В. Адрианов, Д.А. Клеменц, И.Т. Савенков и др.) и экспедициями (под рук. М.А. Кастрена, И.Р. Аспелина и др.), а также открытиями писаниц на Ангаре в районе Братска [Пьяских, 1955] и близ с. Большекадинского [Пласковицкий, 1888]. «Если ученые и краеведы до последней четверти XIX в. в основном рассматривали петроглифы в связи с поисками истоков письменности, то с последней четверти XIX в. определяется подход к наскальным изображениям как к самостоятельным памятникам, заслуживающим пристального внимания и специального изучения наряду с древними надписями, осознается необходимость накопления материала в виде копий, снятых с писаниц, а также сбора всесторонних сведений о памятниках наскального искусства...» [Дэвлет, 1996, с. 38].

Н.И. Витковский

Д.А. Клеменц

Ангара). На Нижней Ангаре во время работ на известном памятнике «Писанный камень» он отметил и описал ранее не известные изображения лошади и оленя, выполненные красной охрой [Витковский, 1889]¹.

Несколькими годами позже, в 1889 г., Д.А. Клеменц совместно с известным собирателем древностей красноярским геологом И.А. Лопатиным предпринял поездку в низовья Ангары. О результатах поездки он сообщил в своем письме Археологической комиссии, где указал на неизвестные до того в литературе рисунки в двух местах у с. Рыбное (прежний Рыбинский острог) [Письмо Д.А. Клеменца..., 1889]. О наскальных рисунках И.А. Лопатину сообщили местные жители. Первое место отмечено Клеменцем в границах с. Рыбное, на утесе Кармакулы: «... На правом берегу, где стоит с. Рыбное, прежде всего обращает на себя внимание высокий сланцевый зеленоватый утес, вдающийся в реку... На самом этом утесе имеется писаница, по словам Лопатина, но снять ее мне не удалось, потому что добраться до нее можно только на лодке (помешал сильный ветер)...» [Окладников, 1966, с. 9]. Второе местонахождение – «в 8 верстах ниже» по реке от с. Рыбного, где изображены «олени и тунгусы на лыжах». По всей видимости, сюжеты петроглифов определили местное название береговой скалы – «Оленный утес». К сожалению, И.Т. Лопатин не оставил никаких записей о данной поездке [Клеопов, 1964, с. 52].

Следующий период (нач. 1920-х – 1940 гг.) характеризуется появлением новой плеяды исследователей древности в условиях новой общественно-экономической формации. Одним из ведущих центров по подготовке специалистов стал Иркутский университет. К концу 20-х гг. была подготовлена достаточно сильная группа сибирских специалистов-ар-

---

¹ «...Между деревнями Климовой и Гольтявиной, на правом берегу реки Ангары, находится известковый утес, носящий название «Писанный», на котором на замечательной высоте виднеется несколько слабо заметных изображений лошади и оленя, написанных красной краской. Ямщики, сопровождавшие меня, утверждали, что изображения написаны в 40-х гг. судовщиками, долго стоявшими здесь для починки судна. Но такому показанию противоречит дневник Гмелина, в котором упоминается этот утес...» [Витковский, 1889, с. 35–37].

И.Т. Лопатин

А.П. Окладников

хеологов. В 30-е гг. в связи с началом реализации государственных планов проектирования каскада гидроэлектростанций на Ангаре начались археологические изыскания в бассейне р. Ангары. В 1932 г. Иркутским краеведческим музеем совместно с Восточно-Сибирским отделом Географического общества была организована Ангарская археологическая экспедиция, которую возглавил А.П. Окладников (активное участие в работах экспедиции принимали А.В. Арембовский, В.Д. Запорожская, А.Н. Мельников, А.Д. Фатьянов). За семь лет (1932–1934, 1936–1937, 1939, 1940) экспедиция обследовала долину Ангары на всем ее протяжении – от истоков до устья. В ходе работ было выявлено большое количество разнообразных археологических памятников различных эпох: от палеолита до железного века. В 1937 г. во время работ в Северном Приангарье было открыто и обследовано более 40 древних местонахождений. Наибольшая концентрация выявленных памятников приходится на участок Ангары от устья р. Каты до Мурского порога. Ниже Мурского порога до устья Ангары на территории Нижнего Приангарья было обнаружено гораздо меньше древних памятников¹: стоянки в местности Ярки, в устье р. Иркинеевой, у с. Потаскуй, в устье р. Тасеевой, наскальные рисунки у д. Манзя, д. Каменка, д. Рыбное [Дроздов и др., 1989, с. 191].

На писанице Манзя данной экспедицией было обнаружено и скопировано 12 рисунков, выполненных красной и реже желтоватой охрой². Следующие два пункта на правом берегу р. Ангары, отмеченные в дневниках экспедиции 1937 г., находятся около р. Каменки, вблизи

---

¹ Видимо, данный участок реки как не попадавший в зону затопления проектируемых ГЭС был обследован менее тщательно.

² Окладников разделил все рисунки на две группы по степени сохранности. В отличие от более поздних изображений, ранние рисунки, по его мнению, местами покрыты известковыми натечками и только слегка просвечивают под ними [Окладников, 1966, с. 99]. Необходимо отметить, что Окладников относил к рисункам и отдельные композиции, состоящие из нескольких изображений, поэтому выделенные им 12 рисунков представляют собой 41 фигуру, из которых две продублированы в публикации. Упоминаются А.П. Окладниковым также рисунки, «высеченные на искусственно сглаженной поверхности камня» [Окладников, 1966, с. 99], но описываются только рисованные изображения. По всей видимости, данная информация ошибочна, могла быть привнесена из описания другого памятника, т.к. при детальном обследовании местонахождения Манзя рельефные петроглифы автором не были обнаружены.

Н.И. Дроздов и Г.И. Медведев

села с тем же названием. Наскальные изображения располагаются на утесе Кармагул выше устья р. Каменки и на правом ее мысе.

На первом местонахождении (писаницы Каменка-IV, V, по А.Л. Заике) описано 6 отдельных рисунков и композиций [Окладников, 1966, с. 8]¹. На втором местонахождении (писаница Каменка-I, по А.Л. Заике) описаны 2 рисунка: композиция из 16 фигур и продублированные 2 изображения из верхней части этой композиции [Окладников, 1966, с. 103]². В окрестностях д. Рыбной участниками экспедиции были скопированы и описаны рисунки в двух пунктах: Ергулейка и «Олений утес» [Окладников, 1966, с. 103–106]³. После перерыва, связанного с Великой Отечественной войной, начинается современный период исследований петроглифов Нижней Ангары. Активизация археологических работ на территории Ангарского региона во многом связана со строительством Братской, затем Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. Большое значение имело для развития сибирской на-

уки образование в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР.

Начало первого этапа связано с работами на Нижней Ангаре в конце 50-х гг. геолога В.С. Карпышева. Во время своих геологических исследований он собрал материалы о стоянках каменного века и наскальных рисунках на участке реки от Мурского порога до устья р. Ковы. В.С. Карпышев отметил местонахождения с петроглифами на скале «Писаный Камень» и напротив устья р. Ковы, дал геологическую характеристику памятников, описание рисунков, сделал схематичные зарисовки изображений [Окладников, 1966, с. 104]⁴.

¹ О первом местонахождении в дневнике 1937 г. сказано: «31 августа, утес Кармагул, в 1 км выше д. Каменки, на правом берегу р. Ангары. На обрывистом обнажении известняка, возвышающегося над рекой, красной краской изображены всадник, птица, три лося, стоящие один над другим, а также человеческие фигуры. Отдельно должен быть отмечен круг- «солнце», для которого использовано углубление, оставшееся от выпавшего куска от скалы. Углубление сплошь закрашено красной охрой. Из этих рисунков **закреплено** на месте **зарисовкой на глаз** пять (выделено З.А.)» [Окладников, 1966, с. 8].

² О втором местонахождении в дневнике 1937 г. записано: «31 августа на правом берегу р. Каменки отвесно поднимается скала, сложенная известняком. На ней в трех местах видны древние изображения, выполненные красной краской. Среди рисунков видны полустертые знаки, расположенные в одну горизонтальную сторону. Из них один напоминает букву «Ф». В другом месте – крестик и знак в виде змеи» [Окладников, 1966, с. 103].

³ Как показали результаты исследований автора, в обоих случаях у А.П. Окладникова речь идет об одном местонахождении – известной писанице «Олений утес». Опубликованные копии двух рисунков Ергулейки определены автором как выбитое изображение оленя на верхней части каменного блока на местонахождении «Олений утес» и фигура трудноопределимого животного, выполненная красной охрой на плоскости 1 писаницы Шунтары-II. По всей видимости, участниками экспедиции проводились работы по Ангаре на писаницах ниже Каменки, но материалы со временем были утрачены, соответственно, сохранившиеся копии рисунков на момент подготовки монографии А.П. Окладниковым были идентифицированы ошибочно.

⁴ При обследовании автором в 2001 г. скальных обнажений напротив устья р. Ковы каких-либо петроглифов обнаружено не было, возможно, информация геолога Карпышева или Н.В. Тюменцева, который сообщил об этой находке в письме А.П. Окладникову в 1959 г., не соответствует действительности.

В связи со строительством Богучанской ГЭС были начаты широкомасштабные работы на Средней и Нижней Ангаре. В 1962–1972 гг. проводились исследования комплексной археологической экспедицией Иркутского государственного университета с участием Г.И. Медведева, Н.И. Дроздова, Д.И. Дементьева. В 1966 г. выходит в свет известная монография академика А.П. Окладникова о наскальном искусстве Ангары, где были опубликованы результаты исследований наскальных рисунков в

А.М. Пашинов

1937 г. на Нижней Ангаре. Это послужило определенным толчком для проявления интереса у сибирских исследователей к наскальному творчеству древнего населения региона.

В 1972 г. Н.И. Дроздовым и Д.И. Дементьевым обнаружен петроглиф «Геофизик». На поверхности берегового валуна первоначально было зафиксировано 41 изображение антропоморфных личин в виде тройных лунок, заключенных иногда в округлые контуры. Исследователи отметили, что они «схожи с окуневскими» [Пашинов, Дроздов, 1976, с. 271]. У шиверы Мурожной, в 25 км ниже п. Мотыгино, на правом берегу р. Ангары исследователями были найдены два других береговых камня с петроглифами в виде всадников, антропоморфных фигур, солярных знаков. Рисунки датированы эпохой бронзы, трактованы как сцены военных походов или перекочевок [Пашинов, Дроздов, 1976, с. 271]¹.

В 1975–1977 гг. совместным археологическим отрядом в составе Н.И. Дроздова, Г.И. Медведева, А.М. Пашинова, Ю.С. Пархоменко были осмотрены рисунки на ранее известных писаницах Нижней Ангары (Манзя, Мурожные камни, «Геофизик»). При повторном осмотре берегового валуна у пос. Геофизиков выявлено дополнительно к известным еще 51 изображение личин. На левом берегу р. Тасеевой, у п. Первомайского Мотыгинского района участниками отряда (по информации местного жителя Н.В. Коробейникова) обнаружено самое северное в Красноярском крае каменное изваяние человека с расположенной рядом с ним личиной. Данное местонахождение было определено как культовое место. На писанице Манзя выявлены рисунки котлов, «морды медведей»², всадников, лосей. Повторное обследование Мурожных камней навело исследователей на мысль, что «рисунки относятся ко времени миграций кето-язычных или самодийских этнических групп с юга на север» [Медведев и др., 1978, с. 259].

---

¹ «Мурожный камень-1 находится в 4 км выше р. Малой Мурожной – правый приток р. Ангары. Рисунки нанесены на серой плоской глыбе диабаз точечной ретушью. Отмечены схематичные изображения животных, всадника на коне, антропоморфные изображения, часть которых в головных уборах. Выделяется фигура убитого человека с расчлененным надвое телом. Мурожный камень-2 находится в 110 м выше Мурожного камня-1. Рисунки нанесены точечной ретушью на плоской серой глыбе диабаз, которая, как и первая, находится у уреза воды. Изображены фигуры людей с косичками, всадник на коне с орудием в виде тесла-топора в руках. Вероятнее всего, рисунки могут быть отнесены к железному веку [Дроздов и др. 1995, с. 47].

² По всей видимости, здесь приводятся различные трактовки одних рисунков: силуэты скифских котлов на писанице имеют определенное сходство с фронтальными контурами опущенной вниз головы медведя.

С 1973 г. в бассейне нижнего течения р. Ангары широкомасштабные работы вела Северо-Ангарская археологическая экспедиция КГПИ (СААЭ КГПИ, с 1985 г. КАЭ КГПИ) под руководством Н.И. Дроздова (в 1973–1975 гг. работы проводились совместно с ККМ). За этот период были выявлены и обследованы десятки памятников в Кежемском, Богучанском, Мотыгинском районах.

В июне – июле 1977 г. Братским отделением ВООПИиК была проведена комплексная экспедиция по выявлению и обследованию археологических памятников Нижней Ангары в зоне затопления Богучанской ГЭС. Во время работ на участке Ангары от Усть-Илимска до Кодинской заимки было обнаружено «12 новых композиций и отдельных рисунков». На 4-х плоскостях берегового утеса на Аплинском пороге были обнаружены рельефные рисунки в виде антропо- и зооморфных фигур, изображение сложной личины. По мнению О.М. Леонова, сложный головной убор «типично енисейской» личины является другой личиной, близкой известным рисункам Сикачи-Аляна. Исследователь приходит к выводу о наличии на Ангаре двух культурных традиций: южно-енисейской и ниже-амурской. На левом берегу р. Ангары у Мурского порога участниками экспедиции на боковой грани берегового валуна было обнаружено крупное, «почти в натуральную величину», реалистичное изображение осетра¹. Все рисунки О.М. Леонов предварительно отнес, «судя по сюжетам и технике исполнения», к концу бронзового – началу железного веков [Леонов, 1979].

В 1985–1986 гг. в связи с паспортизацией памятников археологии сотрудниками КАЭ КГПИ и ИИФиФ СО АН СССР была произведена совместная разведка от р. Ковы до устья р. Ангары [Дроздов и др., 1989, с. 192–193]. На территории местонахождений проводились обследование и определение современного состояния памятников, топосъемка и фотофиксация, выявление и копирование ряда рисунков на известных писаницах (Манзя, Каменка, «Оленный утес», Мурожные камни, «Геофизик»)². В 1989 г. отрядом по паспортизации памятников археологии КГПИ были зафиксированы рельефные изображения лосей и чашевидные лунки на двух плоскостях скальных выходов левого берега р. Бирюсы (конфлюент р. Тасеевой – левого притока Ангары) напротив порога «Нижний Брат» [Буторин и др., 1990].

С начала 1990-х гг. начинается новый этап исследований петроглифов Нижней Ангары. В предыдущий период изучение наскальных рисунков велось в контексте общих археологических работ на территории региона. Открытия петроглифов часто были случайны или происходили по информации местных жителей; исследования носили эпизодический характер, проводились, как правило, на известных памятниках. Приоритеты в изучении древнего прошлого края традиционно отдавались памятникам материальной культуры. Результаты исследований древнего наскального творчества использовались как вспомогательный, дополнительный материал, композиции петроглифов – как наглядные фактические

---

¹ Во время работ на Аплинском пороге в 2001 г. автором были выявлены из данной категории рисунков только композиция с участием лосей и, по всей видимости, фрагменты головного убора личины. Рисунки слаборельефны, практически не контрастируют на фоне скалы, и поэтому контуры их плохо «читаются». Возможно, по этим причинам нам не удалось выявить петроглифы, открытые в 1977 г. Вместе с тем не исключены ошибки первых исследователей при идентификации искусственных и естественных особенностей микрорельефа скальных плоскостей. При определенном освещении на данном местонахождении, как показала личная практика, исследователю сложно избежать субъективного восприятия природного рельефа скалы. Видимо, по этим же причинам мы не обнаружили каких-либо петроглифов на левом берегу р. Ангары в районе Мурского порога.

² В 1986 г. от Николая Баянова, школьного учителя из п. Бурный Мотыгинского района, в лабораторию археологии КГПИ поступает найденная им на берегу р. Тасеевой в устье р. Дураковки плитка песчаника с выбитой на ней сердцевидной личиной.

иллюстрации различных сторон жизни древнего населения региона в тот или иной период¹. Соответственно, исследователей привлекали в первую очередь наиболее яркие показательные объекты и композиции, трактовка сюжетов петроглифов носила часто свободный, а определение датировки рисунков – тенденциозный характеры.

С 1994 г. отрядом археологии КГПУ под руководством автора начинается и ведется до настоящего времени планомерное и целенаправленное исследование памятников наскального искусства Нижнего Приангарья. Параллельно с 1992 по 1998 гг. проводится детальное исследование Усть-Тасеевского культового комплекса (изваяние, петроглиф, жертвенник) археологическим отрядом Музейно- выставочного центра г. Железногорска под рук. Ю.А. Гревцова [Гревцов, 1996 а]².

В 1994–1995 гг. художник из г. Дивногорска И.Н. Емельянов и автор проводили работы на известных писаницах Манзя и Каменка. В результате исследований было выявлено большое количество новых изображений в виде антропо- и зооморфных фигур, лодок, знаковых символов. В ходе исследований был открыт и изучен комплекс петроглифов в устье ручья Ивашкин ключ. Знаменательным событием явилось открытие на писаницах серии ярких образов в виде антропоморфных личин. Нами было отмечено, что при всех специфических особенностях обследованных памятников между ними хорошо прослеживается «эстафетная» преемственность изобразительного материала в плане сюжетов, стиля и иконографии. Это могло объясняться как территориальной близостью, так и устойчивой изобразительной традицией, характерной для данного «культурного слоя» в наскальном искусстве региона. По результатам работ были предварительно определены культурно-хронологические ряды петроглифов [Заика и др., 1996, с. 25–29].

Осенью 1996 г. отрядом по паспортизации памятников археологии КГПУ под руководством автора наряду с исследованиями известных местонахождений рисунков («Геофизик», Манзя, Ивашкин ключ, Каменка) в результате разведочных работ открыты новые петроглифы на правом берегу Ангары³. На участке реки протяженностью около 120 км (от устья р. Каменки до устья р. Черной) на береговых утесах выявлены скопления петроглифов

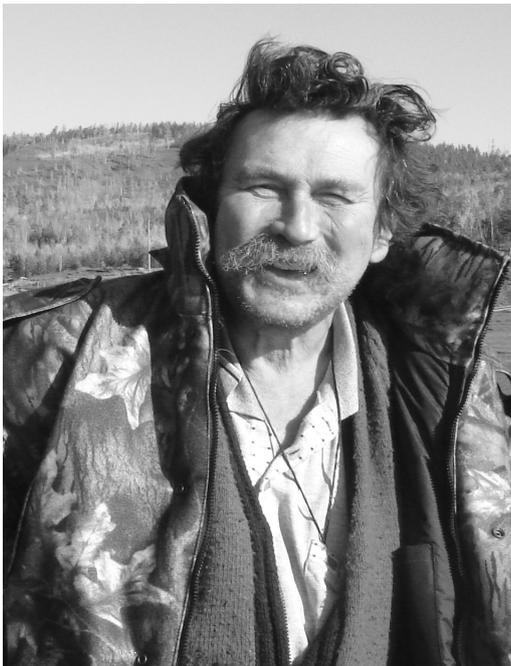

Ю.А. Гревцов

¹ Исследователи петроглифов Алтая, например, анализируя работу предшественников, отмечали, что по «шкале» культурных ценностей петроглифы прежде всегда занимали самое последнее место. «При изучении этих памятников, долго считавшихся второстепенными... не соблюдалась методика, которая, надо признать, остается несовершенной и до наших дней. Археологи занимались наскальными рисунками параллельно своим обязанностям, ограничиваясь копированием оригинальных композиций...» [Кубарев, Маточкин, 1992, с. 30].

² В 1993 г. автор принимал участие в работах на территории Усть-Тасеевского культового комплекса. Во время работ была снята рельефная «маска» с каменного изваяния, контактная копия личины.

³ При шурфовке верхней задернованной площадки писаницы Каменка был обнаружен известняковый останец антропоморфного вида с двумя округлыми углублениями со следами шлифовки в виде глаз. Непосредственное соседство петроглифов на стенках утеса позволило исследователям предварительно охарактеризовать данный памятник как древний культовый комплекс, который требовал дальнейшего изучения.

А.П. Берзовский

у шивер Шунтарская, Выдумский Бык, напротив д. Кокуй, в черте д. Рыбное¹. Было замечено, что каждая новая писаница, открытая в 1996 г., в отличие от уже известных (Манзя, Ивашкин ключ, Каменка), несет в себе ярко выраженные индивидуальные черты, что в значительной степени затрудняет работы по определению культурно-хронологической принадлежности петроглифов. Поэтому стало очевидным ориентировать дальнейшие работы на более детальное обследование новых писаниц, выявление потенциально сопряженных с петроглифами других видов археологических объектов (могильники, жертвенники и др.). Также, по мнению автора, возникает необходимость акцентировать внимание не только на русловых участках р. Ангары, но и на глубинных районах Нижнего Приангарья [Заика, 1997, с. 125].

С целью качественного повышения методики исследования петроглифов спектр работ в 1997 г. охватил локальный участок р. Ангары в районе впадения в нее р. Каменки. В результате разведочных работ на прилегающей территории были обнаружены новые местонахождения петроглифов (Каменка-II, III, Зергулей-I). При детальном обследовании писаницы Каменка-I выявлены новые многофигурные композиции. Впервые зафиксирован факт выбивки на поверхности скальных обнажений известняка. При вскрытии небольшой площади покровных отложений на вершине утеса писаницы Каменка-I был обнаружен многослойный жертвенный комплекс – святилище, действовавший на протяжении длительного времени (неолит – Средневековье). На территории жертвенника под каменной кладкой выявлено грунтовое погребение, характерное для серовского этапа прибайкальского неолита (3 тыс. до н. э.) [Заика и др., 1999].

В 1998 г. были продолжены стационарные работы в устье р. Каменки, во время которых выявлены новые изображения на ранее известных писаницах, обнаружен жертвенник на территории писаницы Каменка-II. В ходе работ исследователями зафиксирован ярко выраженный степной компонент в культуре местного таежного населения в эпоху Раннего железа – Средневековья, установлены определенные семантические связи между сюжетами петроглифов и материалами жертвенников – культовыми предметами металлопластики [Заика, 1999, с. 12]. Осенью проведено более детальное обследование памятников наскального искусства на русловом участке р. Ангары – от п. Манзя до устья (245 км). В результате работ на известных местонахождениях (Выдумский Бык-I, II, III, Кокуй-I, II, III, Рыбное) было выявлено большое количество новых изображений, значительно расширены границы памятников, апробированы различные методы полевых исследований петроглифов [Заика и др., 1998].

В 1999 г. поиски петроглифов на Ангаро-Тунгусском водоразделе в верховьях р. Онгнекон (правый приток р. Иркинеевой)², по руслу р. Иркинеевой (правый приток р. Ангары)

¹ В 1974, 1976, 1988 гг. участниками археологической экспедиции КГПИ, а в 1995 г. – Красноярского Дворца пионеров и школьников предпринимались попытки найти петроглифы у д. Рыбное, но древних рисунков обнаружено не было.

² В течение 5 лет от разных информаторов автору поступали сведения о наскальных рисунках на Ангаро-Тунгусском водоразделе в верховьях р. Онгнекон. Результаты пешей разведки на площади 50 кв. км не подтвердили данную информацию.

и по правому берегу р. Ангары на участке «д. Иркинеева – п. Манзя» не принесли положительных результатов. Вместе с тем разведочные работы на участке «п. Богучаны – устье р. Чадобец» позволили выявить петроглифы на Мурском пороге и большое количество новых рисунков на известном местонахождении «Писаный камень» [Дроздов и др., 2000].

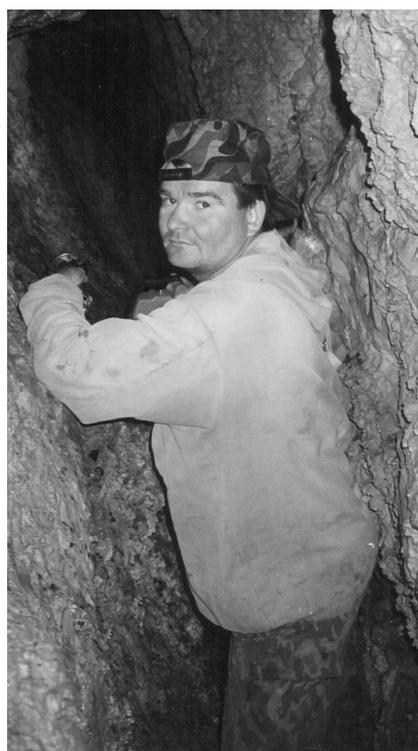
В 2000 г. проводятся широкомасштабные исследовательские работы от устья р. Ангары до створа Богучанской ГЭС. Во время работ были открыты новые писаницы и отдельные камни с рисунками в районе Мурожной шиверы (писаницы Мурожная-I, II, III, Мурожные камни-3, 4)¹ [Заика и др., 2000 б]. Проведено полное обследование петроглифов на Мурском пороге и «Писаном камне», получена новая информация на известных местонахождениях (Рыбное, «Олений утес», Каменка, Манзя, Ивашкин ключ, «Геофизик»), открыты новые писаницы у ручья Зергулей (Зергулей-II, III) [Заика и др., 2000 в].

В 2001 г. в связи с активизацией работ по строительству Богучанской ГЭС совместным отрядом КГПУ и ЛАПСС КФ ИАЭ СО РАН были предприняты археологические исследования в зоне затопления на участке р. Ангары – от Аплинского порога до строящейся плотины ГЭС. В результате работ были получены новые данные о петроглифах на Мурском пороге, открыты и изучены новые местонахождения напротив устья р. Ковы (Усть-Кова-I, «Тимохин камень») [Дроздов и др., 2001 б].

Резюмируя историографическую часть работы, необходимо отметить, что, несмотря на продолжительную по времени и богатую содержательными открытиями историю исследований памятников наскального искусства в бассейне Нижней Ангары, нельзя говорить о полной изученности региона. Личный опыт автора показывает, что каждый очередной этап исследований связан с новыми открытиями петроглифов, дает новые результаты, расширяет информацию об известных памятниках, заставляя качественно развивать и оттачивать методику исследований.

А.В. Каява

Е.П. Косов

---

¹ По причине высокого уровня воды в Ангаре не было возможности обследовать рисунки на известных местонахождениях: Мурожные камни-1, 2, которые были затоплены.

1.2. Методика исследований петроглифов

Методика полевых исследований памятников наскального искусства в отечественной науке еще недостаточно разработана. К сожалению, необходимо признать, что общепринятой методики в нашей стране до сих пор не существует, с чем вынуждены согласиться, в противовес оптимистичным выводам Я.А. Шера¹, ряд наших исследователей [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 9; Дэвлет, 1990, с. 83–84; Кубарев, Маточкин, 1992, с. 30; и др.]. Уровень отечественных методических разработок пока не достиг западноевропейского. Многие исследователи отмечают высокие достижения в этом направлении Эммануила Анати – руководителя итальянской школы археологов-петроглифоведов [Шер, 1980; Пяткин, Мартынов, 1985; Дэвлет, 1990; и др.]. Им в течение многих лет разрабатывалась и на сегодняшний день признана наиболее оптимальной методика полевых и камеральных исследований петроглифов, изложенная в его книге «Методы фиксации и анализа наскальных изображений» и других трудах [Anati, 1966, 1976, 1977]. Несмотря на длительную историю изучения памятников наскального искусства на территории нашей страны, накопленный богатый опыт практической работы с петроглифами, полевые работы с наскальными рисунками в большей степени до сих пор носят экстенсивный характер. Нередко исследователи в своих работах руководствуются стремлением достичь количественного объема новой изобразительной информации, широты территориального охвата исследований, акцентируя внимание на наиболее показательных и интересных, с их точки зрения, композициях. Не углубляясь в вопросы усовершенствования методики исследований исходного материала в поле, используют доступные и традиционные способы и технологии. Соответственно, в публикациях (даже монографического характера) вопросы методики полевых исследований отражены довольно слабо или полностью игнорируются². Кардинально вопросы современной методики работы с петроглифами в свое время поднял Я.А. Шер (1980), позже они освещались в соответствующих разделах ряда монографий [Пяткин, Мартынов, 1985; Тиваненко, 1990; Кочмар, 1992; и др.] и статей (Капелько, 1986; Шумкин, 1990; и др.). Опыт составления «примерной» программы полевых исследований памятников наскального творчества «с учетом сложившейся практики в нашей стране и за рубежом» был предпринят известным исследователем наскального искусства М.А. Дэвлет (1990). Это был первый шаг к созданию унифицированной методики исследований петроглифов. В своей статье она, претендуя на роль апологета, на высоком профессиональном уровне изложила основные базовые позиции методического характера, которыми должен руководствоваться исследователь на каждом этапе полевых работ, поделилась своим практическим опытом исследований петро-

---

¹ «...если относительно описания, анализа и интерпретации наскальных рисунков пока не сложилось достаточно четкого набора правил, то правила полевого исследования петроглифов можно считать естественно сложившимися, и почти в полной мере им следуют все, кто занимается изучением этого материала в поле...» [Шер, 1980, с. 60].

² В деле изучения первобытного искусства Азии ведущее место, безусловно, принадлежит школе академика А.П. Окладникова. Серия монографий и статей, опубликованных Окладниковым и его учениками в 1960–1980-х гг. имела не только научное, но и в определенной степени политическое значение: «открыла мировой науке огромную, ранее малоизвестную область первобытного искусства древних народов, о существовании которых недавно даже не подозревали» [Шер, 1980, с. 22]. Для школы Окладникова характерен широкий территориальный диапазон в изучении наскальных рисунков. Полные комплексы материалов исследований петроглифов опубликованы по Алтаю, Восточной Сибири, Забайкалью, Монголии. А.П. Окладников первый, кто предложил необычный подход к публикации наскальных изображений. В 1980-е гг. вышла серия книг по сибирским петроглифам, в которых основное место занимают копии рисунков, их описание [Окладников и др., 1980, 1981, 1982 и т.д.]. В результате в научный оборот был введен новый обширный материал, тем самым «выполнялась первостепенная задача – создание источниковедческой базы для дальнейшей ее научной обработки» [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 9–10]. Вместе с тем в публикациях (даже монографического характера) вопросы методики полевых исследований были отражены довольно слабо или полностью игнорировались. В этом, при наличии положительных сторон (богатая источниковедческая база, широкий территориальный охват и т.д.), определенный недостаток петроглифической школы А.П. Окладникова.

глифов. В рамках объема статьи трудно рассмотреть все проблемы, связанные с исследованием памятников наскального искусства. Более того, как отмечает М.А. Дэвлет, трудно добиться разработки универсальной методики полевых работ «на все случаи жизни» которая была бы «применима к любому памятнику». Учитывая все вышесказанное и резюмируя вслед за М.А. Дэвлет тезис о том, что в настоящее время методические основы изучения петроглифов «...находятся в процессе становления, совершенствуясь параллельно с развитием науки и техническим прогрессом...» [Дэвлет, 1990, с. 89], автор считает необходимым поделиться собственным опытом практической работы с петроглифами. Не лишним будет, как нам представляется в данном случае, осветить основные методические принципы в контексте их исторического развития.

К настоящему времени наметилось несколько региональных направлений в изучении наскального искусства (карельская, среднеазиатская, сибирская школы). Хотя они и «отличаются самой спецификой изучения петроглифов» [Тиваненко, 1990, с. 7–8], тем не менее по основным методическим принципам полевых исследований не противоречат друг другу.

Полевые исследования петроглифов включают в себя ряд аспектов: поиск, выявление, фиксация и копирование рисунков, их полевое описание.

П о и с к п е т р о г л и ф о в на местности, несмотря на их «открытость», является одним из самых трудоемких видов археологической разведки¹. В отличие от других видов археологических объектов, дислокация которых в определенных природно–ландшафтных (географических) условиях может быть вполне прогнозируема, расположение памятников наскального искусства трудно подчиняется какой–либо закономерности. Спектр условий, в которых могут быть найдены наскальные рисунки, довольно широк и многообразен, о чем не раз отмечали многие исследователи [Шер, 1980, с. 60–61; Дэвлет, 1990, с. 84]. В Нижнеангарском регионе петроглифы могут находиться как на различных высотах (2,5–25 м) береговых утесов, прибрежных валунах, так и на скальных обнажениях и останцовых выходах в глубине берега². Не наблюдается определенных стереотипов у древнего населения региона и

---

¹ «...До недавнего времени не проводилось специальных разведок с целью поиска петроглифов. Обычно их находили случайно, параллельно с другими археологическими или неархеологическими экспедиционными работами...» [Шер, 1980, с. 60]. Данный тезис ученого, резюмирующего состояние исследований памятников наскального искусства Средней и Центральной Азии, уровень развития петроглифоведения как научного направления на 1980 г., вполне справедливо можно спроецировать и на Нижнеангарский регион.

Вплоть до недавнего времени поиск петроглифов носил бессистемный, эпизодический характер, часто открытия были случайны, научные исследования, как правило, проводились на памятниках, известных по информации местных жителей или предыдущих исследователей. Показательный пример: исследование рисунков на скале «Писаный Камень». Судя по топониму, наскальные рисунки были издавна известны жителям окрестных деревень (Климино, Гольтявино), что и привлекло к ним внимание Д.Г. Мессершмидта в 1725 г. (в противном случае трудно объяснить, почему на всем протяжении р. Ангары от Байкала до устья, где встречаются гораздо более представительные петроглифические комплексы, исследователь не смог их обнаружить, хотя имел к этому времени уже богатый опыт «общения» с петроглифами Сибири). Работы последующих исследователей (И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, Н.И. Витковский) на писанице велись по информации предшественников, или же наскальные рисунки фиксировались в ходе решения других научных задач (геолог В.С. Карпышев).

² По мере работ с памятниками наскального искусства автор на своей практике все больше убеждался в отсутствии каких-либо понятных для современного человека стереотипов у древнего населения в выборе определенных мест для петроглифов. По топо–ландшафтным характеристикам на русловом участке Ангары определенной популярностью для наскального творчества пользовались береговые утесы и прибрежные валуны, расположенные, как правило, на порогах, перекатах, шиверах, в местах прижима реки. Но нельзя однозначно утверждать, что на каждом речном перекате, пороге есть петроглифы и не каждый массивный береговой утес («бык»), впечатляющий своим живописным видом, был выбран для наскального творчества. И, тем более, не каждый крупный береговой валун покрыт рисунками. На Нижней Ангаре существует большое количество скальных утесов без петроглифов (скала Гребень, Потаскыйский Бык, мыс Арбан, о. Сторожевой и др.), которые по своим внешним характеристикам не только не уступают, но и превосходят многие известные памятники. Вместе с тем есть невзрачные береговые камни (Мурожный камень-3), посредственные низкие скальные береговые обнажения (писаницы Мурожная-III, Кокуй-I, Каменка-V, Нижний Брат), на которых обнаружены десятки наскальных рисунков. Подобная ситуация прослеживается в бассейне р. Маны и других местах [Заика, 1996].

в выборе пород камня, используемых под рисунки¹. Поэтому тематически целенаправленные исследования памятников наскального искусства следует проводить путем сплошного обследования территории². Стратегически, по мнению автора, поисковые исследования на территории региона, где существует развернутая гидросистема, необходимо осуществлять в 3 этапа. На первом этапе спектр работ должен охватывать русловой участок основной речной артерии, затем объектом внимания должны стать основные притоки, третий этап исследований предполагает поисковые работы на территории водораздела различных гидросистем³. Подобный методический подход предполагает получение наиболее полной информации о наскальном искусстве исследуемой территории, помогает выявить различные изобразительные традиции и границы их распространения, установить их истоки и объективно подойти к вопросам определения культурно-хронологической принадлежности рисунков. По результатам исследований представляется возможным проследить этно-культурные процессы, происходившие на территории региона, как во временном, так и в пространственном аспектах. Все это может создать хорошую основу для решения сложных вопросов семантического порядка.

В тактическом плане полевые исследования петроглифов на слабо изученной территории следует проводить также в 3 этапа. Первые два представляют собой различные виды разведочных работ, третий – предполагает стационарные исследования. Независимо от направления исследований они все связаны с поисковыми работами и различаются пространственными масштабами и качественным уровнем исследований.

Первый, предварительный, этап представляет собой первичные исследования рекогносцировочного характера. Производится обзорная разведка по определенному маршруту на предмет перспективности данного региона в плане исследований памятников наскального искусства. Во время работ, как правило, охватывается широкая территория («региональная разведка», по М.А. Дэвлет (1990)⁴. На первом этапе исследований при обнаружении петро-

---

¹ Наскальные рисунки встречаются на скалах, сложенных известняками, сланцами, траппами, песчаниками, базальтовых валунах и камнях-конкрециях.

² Первым исследователем, предложившим и применившим на практике передовые принципы поиска и выявления петроглифов, которые не уступают современным, стал А.В. Адрианов. Уже в начале XX в. в своем письме председателю Московского археологического общества П.С. Уваровой он указывал на необходимость, помимо эстампирования, фотофиксации и описания известных петроглифов, проводить широкомасштабные разведочные работы с целью поиска новых писаниц. «... Дело в том, что археологи, в том числе и я, – писал он, – до настоящего времени жестко ошибались насчет качества и особенно количества такого материала как писаницы. Несмотря на все усердие и любовь к делу главного поставщика писаниц Титова, в литературу попали лишь писаные скалы, мимо которых шли проезжие дороги... где на небольшой сравнительно грани утеса сгруппировано несколько фигур. При... осмотре соседних утесов оказалось, что они исписаны на протяжении несколько верст, снизу до самого верха... весьма часто писаницы находятся в вершине логов, на местах едва приступных, в глубине гор, где нельзя было жить за отсутствием воды, и несмотря на это... покрыты иногда сплошь площади в несколько квадратных саженей (Цит. по: Дэвлет, 1996, с. 191–192). Еще 100 лет назад он отмечал, что необходимо осматривать все утесы, каждый скальный карниз, т.е. необходимо сплошное обследование как на определенной территории, так и на отдельном местонахождении.

³ На практике не исключаются комбинирование спектров работ, инверсия их последовательности. Например, получив возможность работы на труднодоступном участке водораздела, исследователь, продолжая поиски, «скатывается» затем по одному из притоков и дальнейшие работы производит по берегам основного речного русла.

⁴ Предварительно необходимо ознакомиться с опубликованными материалами и архивными источниками (если таковые есть), содержащими сведения о петроглифах исследуемой территории, природно-географическими особенностями местности, отметить потенциально возможные места нахождения наскальных рисунков (пороги, скальные массивы), в данном случае следует обратить внимание также на местную топонимику (Писаный утес, Шаман-камень и др.). Во время разведки следует проводить опрос местных жителей. Передвижение можно осуществлять на скоростных видах транспорта (катер, моторная лодка), практикуя периодические выходы на берег и пеший осмотр местности. На данном этапе поисковых работ при осмотре скальных обнажений, как правило, скалолазное оборудование не используется. Предметом осмотра являются доступные участки скал, труднодоступные места просматриваются с помощью бинокля. Поиск петроглифов на опасных участках скалы может осуществлять специалист с хорошими навыками скалолазания. В доступных местах в авангард поискового отряда мы, как правило, направляли малоопытных участников экспедиции, отдавая им приоритет открытий. Замыкали группу опытные специалисты, которые корректировали работу «авангарда», фиксировали пропущенные петроглифы.

глифов мы определяли условные границы распространения рисунков, проводилась выборочная их копировка, фотофиксация, составлялись планы отдельных участков скалы.

Второй этап исследований осуществляется на основе результатов рекогносцировочных работ. Спектр внимания распространяется на локальную территорию, где зафиксировано наличие петроглифов. Объектами исследований являются известные памятники и территория между ними, которая осматривается путем «сплошной» разведки («тотальная разведка», по М.А. Дэвлет (1990)). На данном этапе производится сплошное обследование скальных массивов как с петроглифами, так и без информации о таковых¹. Составляется общий план местонахождений с рисунками, по возможности производятся фиксация и копирование визуально видимых петроглифов на всем протяжении памятника. Если по итогам рекогносцировочных работ поступает общая информация об определенном регионе, то результаты данного этапа разведочных работ дают пусть не исчерпывающую, но объективную информацию как об определенном районе распространения петроглифов, так и о составляющих его памятниках.

Третий этап предполагает стационарные работы на определенном местонахождении или территориально близко расположенных памятниках (петроглифический комплекс). Стационарные работы преследуют своей целью получение максимально полной и всесторонней информации как об исследуемом памятнике (комплексе петроглифов), так и о сопряженных с ним других видах археологических объектов. Поисковые работы на данном этапе ограничиваются рамками определенного местонахождения и прилегающей непосредственно к нему территории, отличаются тщательностью исследований с использованием передовых методов и технологий выявления петроглифов, по необходимости предполагают раскопочные работы.

В ы я в л е н и е п е т р о г л и ф о в. До недавнего времени предметом исследований на территории Нижнеангарского региона являлись, как правило, наиболее яркие рисунки, контуры которых хорошо просматривались даже на расстоянии. Это объясняется уровнем квалификации исследователей, используемых методов, задачами работ. Соответственно, начиная с XVIII в. долгое время объектом внимания на «Писаном камне» были зрительно хорошо воспринимаемые и узнаваемые фигуры всадников, позже – ряд композиций и отдельных рисунков на писаницах Манзя, Каменка, «Олений утес». Большой комплекс других рисунков, композиций, памятников на территории региона долгое время оставался неизвестен.

В данном случае представляется возможным поделиться личным опытом выявления петроглифов, исходя из способов, техники их исполнения.

Рисованные изображения – рисунки, выполненные природными красителями (охрой). Они, как правило, со временем потеряли сочность цвета, покрылись белесой пленкой известковых натеков, в ряде случаев – их перекрывают современные надписи (если масляная краска со временем «облазит», то известь органически впитывается в камень). Контуры древних рисунков лучше просматриваются при смачивании их водой, некоторые – на закате солнца или при ровном освещении (сумерки, облачность). Ряд изображений, покрытых мощной карбонатной коркой, проявляются более четко после частичного ее удаления слабым (3 %-ным) раствором соляной кислоты. После данной процедуры необходимо тщательно промыть обработанный участок водой (в противном случае очищенная площадь

---

¹ На данном этапе исследований исключается использование быстроходных транспортных средств и практикуется передвижение пешком или на весельных маломерных судах (лодка, байдарка, катамаран). При работе на скальных массивах используется скалолазное снаряжение.

со временем покрывается еще более мощным слоем известняковой «накипи»). Кислотные растворы мы использовали только в самых исключительных случаях и на строго ограниченных небольших участках плоскости, периодически промывая их водой. Дело в том, что ряд рисунков наносился на разных уровнях известковых натеков. Разделенные карбонатными пленками, они наслаивались со временем друг на друга¹, соответственно, существует реальная опасность повредить или уничтожить рисунки определенного изобразительного «слоя». Рисунки, осыпавшиеся вместе с карбонатной коркой, оставляют после себя на фоне скалы более темный след и выявляются тем же путем, что и сохранившиеся изображения.

В силу слабой видимости рисованных изображений, к сожалению, до сих пор распространена практика подводки контуров рисунков карандашами, мелом, углем и другими красителями [Тиваненко, 1990, с. 8]¹. Подобный метод достижения светового и цветового контраста для фотофиксации или последующей копировки рисунков не только нарушает эстетическое восприятие петроглифов, искажает истинные контуры изображений, но и наносит им непоправимый вред³ (табл. 15, фото 2). Подобные принципы выявления и фиксации контуров рисунков на скале неприемлемы, их можно избежать, используя новые методы и технологии копирования петроглифов, о которых речь пойдет в соответствующем разделе.

Рельефные изображения, выполненные путем точечной выбивки, гравировки или протирки (скобление, шлифовка), выявляются визуально под разным углом и интенсивностью освещения. Слаборельефные изображения лучше просматриваются в темное время суток при искусственном освещении [Заика и др., 1998]⁴ (табл. 87, фото 1).

В ряде случаев плоскости также смачиваются, промываются водой для удаления пыли и грязи, усиления рельефного контраста петроглифов. Но в этом случае могут потеряться силуэты и контуры рисунков, выполненных путем протирки или слабой неглубокой пикетажной выбивки. Вместе с тем они могут контрастно проявиться по мере высыхания скальной поверхности. Продуктивность данного метода подтвердилась впоследствии серией открытий на известной Шалаболинской писанице в Хакасско-Минусинской котловине [Дроздов и др., 2002].

Независимо от техники исполнения рисунков, вида памятника, его расположения (береговой валун или утес, скальный останец в глубине берега) петроглифы могут быть погребены под слоем почвы, скальных осыпей или наносного речного грунта. Соответственно, в данном случае выявление петроглифов связано с раскопными работами, очисткой плоскостей от покровных отложений. Раскопные работы проводятся по общепринятой и установленной методике проведения земляных археологических работ. Исключение могут составлять объекты, погребенные под свежими речными наносами и осыпями небольшой

---

¹ Древних художников привлекал светлый фон известковых натеков, на котором ярко контрастировали красочные изображения. После «исчезновения» их под слоем карбоната свежее полотно использовалось для новых композиций.

² На скалах Ангары до сих пор сохранились следы порой грубой подводки карандашами и углем контуров рисунков предыдущими исследователями (табл. 15, фото 2).

³ Многоцветные подводки мелом и карандашом изображений в пещере Хойт-Ценкер-Агуй в Монголии, например, привели к образованию известняковой накипи, покрывшей мощным слоем линии рисунков; жирные подводки углем затушевывали многие детали пещерных росписей [Дроздов и др., 2001 в].

⁴ Чтобы усилить слабо различимые на скале линии или части изображений, многие исследователи покрывают плоскости различными тонирующими препаратами: разбавленная гуашь [Anati, 1976]; мел или зубной порошок [Тиваненко, 1990, с. 8; Дэвлет, 1990, с. 87; 1998, с. 21]; глинистая суспензия [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 140–141] и др., которые заполняют мельчайшие углубления на каменной поверхности. После смывания фонового покрытия, слабо видимые линии рисунков контрастно просматриваются на скальной плоскости. Избегая какого-либо подобного физико-химического воздействия на петроглифы, мы отказались от данной практики и использовали другие приемы выявления рисунков.

мощности, которые могут удаляться по принципу «очистки». При проведении работ исключается применение металлических инструментов, использование которых может привести к появлению новых «петроглифов». Путем раскопок нами был выявлен скальный останец антропоморфного вида на территории культового комплекса Каменка-I [Заика и др., 1997], путем удаления речных наносов расчищены петроглифы на береговом валуне Мурожный камень-4 [Заика и др., 2000 б, с. 289–290] (табл. 96, фото 2)¹.

Т о п о с ъ е м к а и и н д е к с а ц и я п е т р о г л и ф о в. Немаловажное значение в исследованиях памятников наскального искусства имеют топографическая съемка и привязка петроглифов к местности. Важна не только адресная информация об их точном положении в пространстве. Топографическая характеристика петроглифов на различных уровнях локализации во многом определяет их функциональное назначение и смысл, заложенный в композициях. Анализ высотных и пространственных параметров плоскостей с рисунками позволяет в ряде случаев решить вопросы датировки изображений.

Прежде чем приступить к топографической съемке памятника, необходимо определить его границы, территорию распространения рисунков на местонахождении. Петроглифы, как правило, неравномерно распределены по всей площади памятника. Поэтому необходимо установить локальные скопления рисунков, присвоив им свой номенклатурный индекс².

Границы участков (групп рисунков) каждым исследователем определяются визуально, исходя из характерных особенностей местности, и могут иметь вид скальных осыпей, речных прижимов, межгорных развалов скальных пород, логов и т. д. В данном случае исследователь не должен забывать, что выделенные участки скальных обнажений с рисунками следует рассматривать прежде всего как «...рабочее средство точного учета памятника...» [Шер, 1980, с. 63]. В пределах этих участков продуктивней вести внутреннюю нумерацию петроглифов³.

У многих исследователей принципы локализации петроглифов на различных уровнях по своему содержанию в общем плане идентичны, номенклатурные термины не отличаются большим многообразием (комплекс, скала, участок, группа, ярус и т. д.). Но трак-

---

¹ Первым, кто в енисейском регионе стал применять практику раскопок петроглифов на территории писаниц, был А.В. Адрианов: «...Мы пробовали откапывать землю у подножия утесов и находили писаницы, пробовали отмывать затянутые илом грани, очищать покрытые лишайником скалы и там находили прекрасно сохранившиеся фигуры. Лазание по утесам, осмотр гладких граней камня, где бы они ни находились, всегда вознаграждали наш труд...» [Адрианов, 1904, с. 32]. Впоследствии данный метод выявления петроглифов использовался многими исследователями [Савватеев, 1970; Окладников, 1974, с. 76; Дэвлет, 1990, с. 85; 1998, с. 18–19; Заика и др., 2000; Заика, 2001, с. 40–41; Дроздов, Заика и др., 2002, с. 310–311; и др.].

² Первым, кто из исследователей стал применять принцип регистрации петроглифов, был А.В. Адрианов. Римскими цифрами он обозначал каждый памятник в порядке их исследования, арабскими – номер копии (эстампа), снятой с плоскости. Таким образом, каждому эстампу присваивался шифр-индекс. Кроме этого, А.В. Адрианов дублировал шифры, наносит их номера типографской краской на скальную поверхность, и отмечал дату исследования. М.А. Дэвлет зафиксировала по информации Н.В. Леонтьева подобный шифр около Потрошиловской писаницы [Дэвлет, 1996, с. 191]. Один из датированных автографов Адрианова, выполненный карандашом, автору удалось выявить на одной из манских писаниц [Заика и др., 2001]. «Эти отметки, – писал Адрианов, – особенно полезны при рассеянных на большом пространстве фигурах, а также на курганных камнях в степях, где могильники рассеяны в большом числе. Эти отметки не будут лишними и для будущих исследователей, которые пожелали бы проверить нашу работу и быстро в ней ориентироваться...» [Дэвлет, 1996, с. 191].

³ Как правило, жесткая сквозная нумерация петроглифов, принятая на начальных этапах исследований памятника, при последующих более тщательных работах, сопряженных с открытием новых рисунков, неизбежно приводит к путанице и создает массу проблем в дальнейшей работе с ними. Поэтому система нумерации должна быть достаточно гибкой, чтобы не создавать неудобств при дальнейшей индексации новых петроглифов в рамках одного местонахождения. Чем дробней индексация петроглифов на территории памятника (в разумных пределах, исходя из специфики местонахождения), тем она более удобна в процессе работы с ними.

товка их часто различна и вносит определенную путаницу при их идентификации¹. Нет пока у исследователей и определенной унификации в определении (как по форме, так и по содержанию) отдельной каменной плоскости с петроглифами². Наиболее объективное по своему содержанию определение данной категории локализации петроглифов предложил А.Я. Шер – «грань»³. Надо сказать, что данный термин не «прижился», не получил должного распространения в науке, и гораздо большей популярностью в настоящее время у исследователей пользуется синонимичная формулировка – «плоскость» (Я.А. Шер и сам, при характеристике понятия «грань» вынужден часто применять термин «плоскость»)⁴. Что касается наскальных рисунков пещер (гrotов), то специфичность морфоструктуры данных памятников определила своеобразную топографию петроглифов, для индексации которых появилась своя терминология. Принципы локализации рисунков были связаны с особенностями рельефа местонахождений⁵.

---

¹ Я.А. Шер вводит в научный оборот такое понятие, как «комплекс». Петроглифы широкомасштабного местонахождения Тепсей в устье р. Тубы он подразделил на 10 комплексов: тяготеющие к енисейскому берегу были обозначены как «Тепсей I–IV», к тубинскому – «Усть-Туба I–VI», то же касается и рисунков горы Суханихи (Суханиха I–IV) [Шер, 1980, с. 141–142, 146–153]. Более подробную номенклатуру скальных массивов (предложил) мы можем проследить у А.П. Окладникова при характеристике петроглифов Верхней Лены (термины приведены по нисходящей, от общего к частному): «гряда» (верхняя, нижняя) – «скала» (первая, вторая и т.д.) – «ярус» (верхний, средний, нижний) [Окладников, 1977]. Менее дробный принцип локализации мы встречаем у О.С. Советовой при описании петроглифов Тепсея: пункт – гряда – ярус (например: Тепсей II, гряда IV, ярус 1) [Советова, 1995]. Район Шишкинских писаниц протяженностью более 2 км у Л.В. Мельниковой в геоморфологическом плане делится на 5 «участков», каждый из которых подразделяется на «скалы» [Мельникова, 1993]. В данном случае, в отличие от вышеуказанных исследователей, нумерация «скал» сквозная для всего памятника, сохранена по А.П. Окладникову [Окладников, 1959]. Большинство отечественных исследователей предпочитают более простую схему подразделения мест скопления петроглифов (даже на широкомасштабных местонахождениях): «группа» рисунков [Петрин, 1976; Марьяшев, 1980; Русакова, Баринаева и др., 1997; Русакова, 2000], «пункт» [Тиваненко, 1990; Русакова, Мартынов и др., 1997], «блок» [Пудовкина, Горюнова, 1995], «ярус» [Пяткин, Мартынов, 1985], «сектор» [Заика, Капелько, 1989]. Уральские исследователи локализовали «графический материал» писаниц в виде «группировок» [Широков, Чаиркин, 1989], алтайские петроглифы А.П. Окладников для удобства делил на территориальные «участки» [Окладников и др., 1980, 1981, 1982, 1985], этого же принципа придерживаются новосибирские исследователи [Молодин, Черемисин, 1999].

² Так, например, понятие «камень» распространяется как на прибрежные, моренные валуны, имеющие несколько плоскостей, граней [Окладников, 1971; Гурина, 1979; Молодин, 1979; Дэвлет, 1980, 1993, 1998], плиты с рисунками в подножии скал (Кызласов, Леонтьев, 1980), так и «по стандартному образцу» на отдельные вертикальные плоскости скальных обнажений [Пяткин, Мартынов, 1985]. Под понятие «группа» (которое по своей формулировке у ряда исследователей, как отмечалось выше, соответствует участку скопления петроглифов) часто попадают локальные плоскости с рисунками [Окладников, 1980, 1972; Филиппов, 1995; Широков, 1989; и др.]. Вместе с тем петербургские коллеги объединяют в одни «группы» рисунки не только одной плоскости, но и расположенные на общем каменном блоке или смежных плоскостях [Семенов, Килуновская и др., 2000].

³ «...гранью считается плоскость камня, покрытая рисунками или знаками и оконтуренная естественными границами, образовавшимися до того, как на камне были выбиты петроглифы...» [Шер, 1980, с. 63]. Под естественными границами в данном случае подразумеваются края камня, разломы, карнизы, крупные трещины и т.д. (если же они появились позже (тектонические сдвиги, естественные разрушения скальных пород), то не могут считаться границами плоскости).

⁴ В ряде случаев под скальной плоскостью понимается «плита» [Марьяшев, 1980]. Мы считаем понятие «плоскость» наиболее приемлемым для данного уровня локализации петроглифов и изначально им пользовались при исследовании памятников наскального искусства, вкладывая смысл, определенный Я.А. Шером для «границ». К сожалению, под данное понятие некоторые исследователи подводят такие искусствоведческие термины, как «композиция» [Тиваненко, 1990; Окладников, 1978; Пудовкин, Горюнова, 1995] и, более того, «рисунок», который часто использовал в своих работах А.П. Окладников [Окладников, 1966, 1977; Окладников и др., 1980, 1981, 1982, 1985].

⁵ При вертикальной многоярусности памятника дифференциация скоплений рисунков связывалась с понятием «этаж» [Бадер, 1965]. Следующий уровень индексации (локализации) петроглифов определялся более конкретными топохарактеристиками местонахождения: «ход», «зал» («зал с кольцовкой первого этажа», «дальний зал второго этажа») [Окладников, Петрин, 1983; Петрин, Широков, 1990], «грот» [Бадер, 1941]; «навес» [Замятин, 1937; Соловьев, 1960; Рогинская, 1950]; «ниша» [Окладникова, 1972]. Дальнейшее дробление петроглифов до уровня плоскостей с рисунками связывалось практически у всех исследователей с таким понятием, как «группа рисунков».

В нашем случае применительно к Нижнеангарскому региону принята следующая терминология, которая соответствует различным уровням локализации петроглифов:

- 1 – район скопления петроглифов (памятников, комплексов) на территории региона;
- 2 – комплекс памятников (петроглифический комплекс);
- 3 – памятник (отдельная писаница);
- 4 – сектор памятника (участок скалы с петроглифами);
- 5 – группа плоскостей на участке скалы;
- 6 – плоскость;
- 7 – фрагмент (участок) плоскости.

Индексация петроглифов производится на уровне комплекса, памятника, плоскости и ее фрагментов. Форма регистрации имеет следующий вид: комплекс – заглавными буквами; памятник – римской цифрой; плоскость – арабской цифрой; фрагмент (участок) ее – прописной буквой. Например, индекс «МНЗ-1-3а» маркирует участок (а) плоскости 3 на писанице I петроглифического комплекса Манзя. Нумерация плоскостей – сквозная в пределах отдельного памятника, порядок нумерации – вверх или вниз по течению реки. Нумерация памятников – в порядке последовательности их открытия и исследования.

После того как выявлены границы памятника, плоскости с рисунками, установлены принципы регистрации петроглифов, производится съемка горизонтального контура скалы на уровне подножия и прилегающей береговой линии (если таковая имеется). Обязательной является маркировка реперных отметок напротив плоскостей с рисунками или их скоплений (желательно присутствие нескольких «реперов» для одного объекта). Полученные данные регистрируются в табличной форме и графически переносятся на общий план (масштаб 1:1000).

Затем осуществляется съемка горизонтального контура участка скальных обнажений с фиксацией плоскостей на уровне петроглифов и производится вертикальный разрез (как правило, через «базовую» плоскость, к которой «привязаны» соседние) на обозначенные в подножии реперные отметки (чем больше «профилей» через объект, тем выше точность его пространственной фиксации и объективней информация о топохарактеристиках местонахождения). На данном этапе работ мы также проводили графическую фиксацию петроглифов в масштабе 1:20, принципы которой изложены в следующем разделе. В условиях разведки для топосъемки памятников вполне достаточно использование недорогого оборудования в виде компаса, мерных лент, угломера, уровня и мерной рейки с отвесом. В труднодоступных местах страховочные веревки желательно закреплять на скале по линии вертикальных и горизонтальных разрезов.

Ф и к с а ц и я п е т р о г л и ф о в. Необходимо отметить, что вопрос о точном воспроизведении наскальных рисунков возник практически одновременно с их открытием и не потерял своей актуальности по сегодняшний день. Фиксирование петроглифов в полевых условиях производится в визуальном и контактном вариантах.

Визуальное фиксирование исключает непосредственный контакт с петроглифами и предполагает фото- и видеосъемку рисунков, графический перенос изобразительного материала путем чертежей и зарисовок на различных уровнях восприятия объекта (скала, участок скалы, плоскость с рисунками, рисунок).

Контактное фиксирование предполагает пересъемку композиций, отдельных изображений, их деталей в реальный размер через физически контактирующий с объектом исследования копировальный материал.

Визуальная графическая фиксация петроглифов – одна из самых архаичных, но не утративших на сегодняшний день своей актуальности форма фиксации наскальных рисунков. По причине отсутствия соответствующих технических средств и других разработанных методических приемов копирования наскальных рисунков этот способ в течение нескольких столетий был ведущим в плане фиксации петроглифов¹.

В настоящее время результаты визуальной графической фиксации петроглифов используется чаще как вспомогательный материал, иллюстрирующий взаиморасположение плоскостей, рисунков в контексте рельефа скальных обнажений, природного окружения. В публикациях при невысоком уровне полиграфии издательства прорисовки местонахождений с петроглифами нередко являются графическим дубликатом результатов фотофиксации².

В нашем случае визуальная графическая фиксация петроглифов является одним из основных методов фиксирования рисунков и неотъемлемой частью глазомерной или полуинструментальной съемки памятника.

Графическая фиксация петроглифов осуществляется в трех проекциях (фронтальный план, вертикальный и горизонтальный разрезы) в масштабе 1:20 на миллиметровой бумаге (листы форматом А-3, А-4), производится на уровне мелкомасштабного памятника (валун, останец скалы, береговая плита), группы плоскостей (участка памятника), плоскости.

В целях удобства и наиболее точной фиксации фронтального плана плоскости через ее центр протягиваются перпендикулярно друг другу мерные ленты. Одна фиксируется по горизонтальному уровню, другая – по вертикальному отвесу³. Затем графически

---

¹ Впервые графическая фиксация наскальных рисунков была произведена в 1703 г. С.У. Ремезовым, который вместе со своими сыновьями обнаружил писаницы в Кунгурской пещере на Урале и сделал с них четыре чертежа «чюдского камня» [Ремезов, 1882]. Точные копии Ремезовских зарисовок «чюдского письма» «имеются в бумагах Д.Г. Мессершмидта» [Андреев, 1960, с. 132], которые им были отправлены в Петербург в 1720 г. [АНН, ф. 98, оп. 1, № 36, лл. 19–22]. Чертежи рисунков впоследствии были опубликованы без ссылок на С.У. Ремезова Страленбергом, Купером, в третьем издании труда Витсена.

Во времена первых академических экспедиций производилась графическая фиксация как отдельных плоскостей с рисунками или их скоплений, так и в целом скальных массивов с обозначением петроглифов. Последующие исследователи также графически фиксировали рисунки на различных уровнях их локализации [Миллер, 1999]. При «натурных зарисовках» для достижения большей достоверности графического воспроизведения объекта необходимы определенные навыки художественного плана. Поэтому в составе многих экспедиций фиксацией петроглифов занимались профессиональные художники или участники работ, имеющие определенные художественные навыки (Карл Шульман, Люрсениус, Карло Вуори и др.). Исследователи, не обладавшие художественными способностями, стремясь добиться добросовестной информации, наиболее точного воспроизведения рисунков использовали вспомогательные методы и средства (камера-обскура – Л.Ф. Титов (1850), мерный циркуль – А.В. Станкевич, И.С. Боголюбовский (1881, 1890), поквдратная масштабная разлиновка – А.В. Адрианов (1902) и др.). Другие исследователи традиционно практиковали как основной метод фиксацию петроглифов «наизусть», «на глаз» вплоть до нач. XX в. (И.П. Корнилов, И.П. Кузнецов – Красноярский, И.Т. Савенков и др.), а в ряде случаев – до сер. XX в. (В.Н. Чернецов в 1927 г., А.П. Окладников в 1937 г. (1966, с. 8), В.С. Карпышев в 1950 г., В.А. Туголуков в 1960 г. и др.).

² Высоким уровнем графической фиксации петроглифов отличаются исследования Н.Н. Кочмара писаниц Якутии [Кочмар, 1992]. Прорисовки петроглифов на различном уровне их локализации (скальный массив, отдельная скала, группа плоскостей, отдельная плоскость), выполненные на неплохом художественном уровне, воспроизведены в масштабе, с фиксацией сторон света, дополнены контурами вертикальных разрезов территории памятников. Вместе с тем прорисовки неоправданно перегружены графической информацией дополнительного характера, в частности стрелками (указатели направления, высоты, расстояния и т.д.), с развернутой аннотацией к ним. Контурные «профилей», наоборот, в публикации сильно минимизированы и, соответственно, малоинформативны. Если учесть их масштабность (200–700 м), то они в определенной степени информируют об общих характеристиках окружающей местности, а не о рельефе конкретного скального обнажения с петроглифами.

³ При необходимости используются дополнительные мерные ленты, а также подвижная мерная рейка, которую перемещает помощник.

переносится контур плоскости, отражается, по возможности, ее рельеф, фиксируются границы и глубина выломов, трещины, участки, покрытые лишайником, современные надписи. В масштабе наносятся контуры выявленных рисунков с обозначением цветовой гаммы (для рисованных изображений)¹ или технических характеристик (для рельефных петроглифов).

По линии горизонтального уровня и вертикального отвеса фиксируются в том же масштабе соответствующие разрезы через плоскость и прилегающие обнажения скалы. При непосредственной близости других плоскостей с рисунками осуществляется общий горизонтальный разрез участка скалы (при многоярусности плоскостей – общий вертикальный), к которому «привязываются» локальные «профили» плоскостей, графически отражается общий фронтальный план скальных обнажений с рисунками.

Графическое отражение плана и других характеристик плоскости в определенной степени дублирует фотофиксацию петроглифов и по результатам менее объективно, но более информативно. Фотография не всегда может отразить такие важные моменты, как планиграфия слабовидимых изображений на плоскости, композиционное построение фигур в контексте рельефа скальных обнажений (особенно в сравнительно широких масштабах – на уровне участка скалы или группы плоскостей), степень и характер разрушений первоначальных композиций, внутреннюю стратиграфию рисунков (в случаях многоступенчатого осыпания скальных фризов) и др.

Контактное копирование петроглифов. Копирование наскальных изображений – важнейший и самый ответственный этап полевых исследований петроглифов². Прежде чем перейти непосредственно к копированию рисунков, необходимо предварительно подготовить к этому каменную плоскость. Чем тщательнее будут проведены подготовительные работы, тем совершенней будут результаты копирования (достоверней и точнее копии, информация о технических характеристиках рисунков и т. д.). Скальная поверхность очищается мягкими щетками и затем промывается водой. Лишайники удаляются только в необходимых случаях и на ограниченных площадях во избежание нарушения геохимического и микробиологического баланса скальной поверхности, которое может повлечь ее дальнейшее разрушение³. Очищение плоскости оптимальней производить липкой лентой, прикладывая ее клеевой стороной к каменной поверхности. Неоднократное повторение данной операции приносит желаемые результаты. С этой целью продуктивней и удобней использовать самоклеющуюся пленку типа «ORACAL».

---

¹ Для этой цели продуктивно использовать маркированную палитру цветов.

² Копии могут быть объемными и плоскими, позитивными и негативными, полихромными и однотонными, синтетическими и металлическими, гипсовыми и бумажными, жесткими и пластичными и т.д. От правильного выбора метода копирования, их комбинирования и использования во многом зависит научная достоверность полученной изобразительной и технической информации о рисунках и, соответственно, правильное их «прочтение», дешифровка. Как показывают личная практика и опыт коллег, недобросовестные и недостаточно точные копии изображений, субъективный, тенденциозный подход при трактовке контуров рисунков (когда желаемое выдается за действительное) приводят не только к графическому искажению петроглифов, но и уводят исследователей по ложному пути интерпретаций. Чем авторитетней авторство той или иной трактовки петроглифов, тем больше гарантий для ее «долгосрочности».

³ Вплоть до недавнего времени было широко распространено мнение о разрушительной роли лишайников для наскальных рисунков. С целью удаления лишайников и других видов микробиологической растительности разрабатывались различные способы, методы и технологии, начиная от механического их удаления жесткими металлическими щетками и заканчивая использованием химических препаратов – биоцидов (соляная кислота, перекись водорода, трибутилоловооксид и др.) [Дэвлет, 1990, с. 85; Агеева, Ребрикова, 1998, с. 154].

Перед копированием необходимо определить площадь работы и, соответственно, оптимальные варианты расположения копировального материала, его размеры, места крепежа, места стыковок, наложения «листов» на больших площадях¹. Желательно, чтобы площадь копировального материала превышала размеры плоскости с петроглифами (для фиксации границ камня), налегала, «охватывала» смежные плоскости с рисунками (если таковые имеются).

Рисованные изображения обычно копируются на прозрачные материалы (полиэтилен, целлофан, кальку)² путем ручного графического воспроизведения контуров рисунков нестираемыми маркерами («PERMANENT» например)³ (табл. 5, фото 1; табл. 54, фото 1). Различными цветами фиксируются контуры скальной плоскости, рисунков, трещины, участки выломов, площади распространения лишайников. Особое внимание уделяется цветовым тонам охры⁴, случаям палимпсеста. Обязательны на копии отметки индекса объекта, линии горизонта⁵, угла поворота плоскости, направления и расстояния до других плоскостей, подножия плоскости и другая дополнительная информация.

На плоскостях со сложным рельефом для снятия копий мы использовали микалентную бумагу. В смоченном виде она, в силу своей пластичности, довольно точно копирует рельеф плоскости, и сквозь нее без всякой подводки на скале хорошо просматриваются увлажненные рисунки. По мере высыхания бумаги мы копировали контуры изображений мягкими художественными карандашами (сангиной), при необходимости повторно смачивая ее на «спорных» участках плоскости (табл. 88, фото 1, 2). Микалентную бумагу удобно также использовать при работе на навесах, карнизах или плоскостях с большим отрицательным углом наклона (другие материалы «отвисают», неплотно прилегают к скальной поверхности), при наличии различных техник исполнения рисунков (сначала фиксируются рисованные изображения, затем путем протирки – рельефные) (табл. 15, фото 1).

Помимо микалентной бумаги, способностью плотно прилегать к каменной поверхности обладает прозрачная самоклеющаяся пленка «ORACAL», но ее желательно использовать на сравнительно ровных и сухих плоскостях. Вместе с тем она может находиться на скале довольно продолжительное время, что позволяет исследователю в течение нескольких дней, в разное время суток, при разном освещении фиксировать на копировальном материале результаты своих наблюдений за рисунками.

---

¹ «Нахлест» копировального материала желательно делать на разрушенных или свободных от рисунков участках плоскости, использовать в этих целях особенности рельефа (трещины, уступы).

² Один из первых положительных опытов использования полиэтиленовой пленки при копировании енисейских петроглифов был получен участниками Каменского отряда Красноярской экспедиции ЛОИА в 1970 г. [Шер, 1980, с. 67–68].

³ Традиционно многие исследователи пользуются авторучками, но при их использовании полиэтилен, например, тянется, и, соответственно, искажаются контуры изображений, планиграфия рисунков.

⁴ Не следует забывать, что цвет красящего пигмента по-разному воспринимается в зависимости от мощности поверхностных известковых натеков (бордовые рисунки, например, могут приобретать фиолетовые или розовые оттенки, причем в границах одной фигуры) и от консистенции красителя (густо замешанная краска оставляет более темные и яркие следы, тот же краситель в разбавленном виде или под воздействием воды приобретает более светлые и тусклые тона).

⁵ Отсутствие шифра часто приводит к путанице и ошибкам при идентификации петроглифов, отсутствие отметки линии горизонта влечет за собой свободную трактовку положения рисунка (не единичны случаи, когда рисунки и композиции при камеральных работах «поворачиваются» на 180°, предстают в зеркальном виде и в таком состоянии затем публикуются с соответствующей трактовкой сюжета, уводя исследователя по ложным интерпретационным направлениям. У А.П. Окладникова, например, из всего комплекса опубликованных петроглифов Нижней Ангары только единицы на поверку оказались соответствующими своему реальному положению на скалах.

Рельефные рисунки, выполненные путем выбивки, гравировки, шлифовки, мы фиксировали путем эстампажа на микалентную бумагу¹. Данный принцип копирования уже освещался в ряде монографий и статей [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 10–12; Капелько, 1986; Дэвлет, 1990, с. 86; 1998, с. 20–21]². В условиях низких температур при первичных исследованиях мы практиковали снятие копий путем сухой протирки на микалентную, папиросную бумагу или, как рисованные изображения, на прозрачные материалы. Слаборельефные петроглифы, которые плохо проявляются на микалентной бумаге, лучше копировать на «ORACAL» (особенно гравированные изображения, которые копируются гелевыми и другими авторучками с различной толщиной «пера»).

Описание петроглифов производится на всех этапах при проведении различных видов работ и на всех уровнях локализации петроглифов. Полевые записи затем дополняются результатами камеральной обработки материалов исследований. Принципы описания петроглифов в целом унифицированы, неоднократно освещались в научной литературе [Шер, 1980, с. 64–67; Пяткин, Мартынов, 1985, с. 13–16; Дэвлет, 1990, с. 87–89; 1993, с. 91; 1998, с. 22–24; и др.) и не требуют в данном случае отдельного подробного рассмотрения.

---

¹ Принцип снятия эстампированных копий имеет давнюю историю. Нельзя пока однозначно утверждать, кому отдать приоритеты в отношении открытия и использования контактного «механического» способа копирования петроглифов. Я.А. Шер в своей монографии, ссылаясь на зарубежные источники, утверждает, что финский этнограф и лингвист М.А. Кастрен (1813–1852) во время своих исследований в Минусинской котловине (1841–1844 и 1845–1849 гг.) стал «провозвестником» новых принципов в методике полевых исследований петроглифов, первым, кто применил «механический» способ копирования надписей, знаков и рисунков, т.е. изготовление эстампажей» [Шер, 1980, с. 18]. В историографической работе М.А. Дэвлет нет упоминаний о методах работ данного исследователя. Вместе с тем отмечается «механический» способ копирования, который использовал в 1841 г. иркутский чиновник, краевед, член РГО Н.С. Шукин (1792–1883) [Дэвлет, 1996, с. 29]. О.С. Советова, по всей видимости, опираясь на монографию М.А. Дэвлет, более радикально утверждает, что именно Н.С. Шукин предложил способ «механического копирования рисунков при помощи «пропускной бумаги» [Советова, 1997, с. 94]. Преждевременная смерть М.А. Кастрена повлекла за собой гибель части собранных им материалов, дневники были опубликованы уже посмертно. Поэтому сейчас можно только констатировать тот факт, что контактный способ «механического» копирования петроглифов впервые был применен в 40-х гг. XIX в. и в силу своей достоверности получил дальнейшее развитие у исследователей наскального искусства Сибири.

В 60-х гг. XIX в. В.В. Радловым, выдающимся ученым-ориенталистом, «отцом русской тюркологии», этнографом, археологом, путешественником, во время работ в Южной Сибири был разработан новый способ изготовления эстампажей на более дорогостоящем материале – коленкоре [Радлов, 1892, с. 169–181]. Участники финской археологической экспедиции, занимавшиеся в течение трех лет (1887–1889) под рук. И.Р. Аспелина исследованиями енисейских древностей, также применяли «механический» способ для снятия эстампажей петроглифов. Но данный метод ими был несколько видоизменен. Вместо слоя листов «пропускной» бумаги они применили привезенный с собой особо приготовленный картон, который после смачивания водой давал отпечатки петроглифов, поражавшие «своей отчетливостью и верностью» [Мартынов, 1887]. Уровень копий был высок «...не только для того, но даже и для нашего времени...» [Дэвлет, 1996, с. 57]. Гигантскую работу по эстампированию писаниц Среднего Енисея выполнил А.В. Адрианов. Однако впоследствии широкое распространение имеет более простой способ получения контактных копий – путем графитовых протирок различных сортов мягкой бумаги [Савватеев, 1970]. Реанимация методов снятия с петроглифов эстампажей была осуществлена в конце 60-х гг. XX в. абаканским художником В.Ф. Капелько. В качестве копировального материала им была предложена микалентная бумага [Капелько, 1986].

² Принцип снятия эстампированных копий заключается в следующем. На поверхности плоскости закрепляется (обычно лейкопластырем) микалентная бумага, затем она увлажняется тампоном (мы использовали поролон) таким образом, чтобы копировальный материал плотно прилегал к скальной поверхности, повторяя ее рельеф и фактуру петроглифов. В данном случае необходимо избегать появления воздушных «пузырьков». От качества «протамповки» микалента во многом зависит уровень достоверности снимаемых копий. После высыхания бумага закрепляет микрорельеф скальной поверхности, который графически затем проявляется путем протирки красителем. Протирку мы осуществляли путем «обмахивания» тряпичным валиком, на котором тщательно был предварительно растерт и опробован на руке краситель – сажа газовая. По мере «проявления» рисунков их контуры или сомнительные участки плоскости уточняются более плотной протиркой. За границей плоскости, в местах, свободных от красителя, делаются необходимые информационные отметки основного или дополнительного характера. После снятия с плоскости копировального материала производится сверка копий и оригинала. Уточнение информации на копии мы производили мягким художественным карандашом, известным под названием «ретушь».

Из личного опыта хотелось добавить некоторые моменты, которые не учитывались другими авторами:

- последовательность формирования рисунка (например, последовательность нанесения мазков охры, что позволяет выявить «руку» конкретного художника, авторство рисунков);

- идентификация рисунков и следов наведения на прилегающих плоскостях красочной палитры, пробных мазков охры на периферии скальных фризов с петроглифами, что позволяет точнее дифференцировать цветовую гамму рисунков;

- фиксация расположения плоскостей не только по отношению к линии горизонта и сторонам света, но и к руслу и течению реки, что немаловажно впоследствии при интерпретации сюжетов.

Фотофиксация петроглифов производилась нами на всех уровнях их локализации от петроглифического комплекса до фрагмента фигуры или плоскости. Фотофиксацию группы плоскостей, отдельных композиций, их участков, отдельных изображений и их фрагментов мы производили на всех этапах работ с ними (выявление, фиксация и копирование):

- в естественном виде (табл. 26, фото 1; табл. 64, фото 1);

- после обработки петроглифов (смачивание плоскостей, удаление известковых налетов, покровных отложений грунта) (табл. 29, фото 2; табл. 96, фото 1) при искусственном освещении (табл. 87, фото 1);

- на копировальном материале на скальной поверхности (в данном случае отпадает необходимость какой-либо искусственной подводки, «усиления» на скальной поверхности контуров изображения) (табл. 26, фото 2; табл. 64, фото 2; табл. 88, фото 1; табл. 94, фото 2).

Планиграфия плоскостей на уровне общего вида скалы контрастно фиксируется во время наложения на них копировального материала (табл. 94, фото 1).

Фотофиксация на различных уровнях производится при наличии масштабной рейки или мерной ленты, расположенных по уровню горизонта или линии отвеса. Мелкие детали фиксируются при наличии миллиметровой шкалы со спектральной палитрой цветов. Номера кадров, ролика пленки и объектов съемки фиксируются в описаниях как исследователем, так и техническим исполнителем (фотографом). Графически фиксируются и отмечаются в описании точка и ракурс съемки объекта, дата, время и внешние обстоятельства съемки; фотографом – параметры установки фотоэкспозиции каждого кадра.

ГЛАВА 2. ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА НИЖНЕЙ АНГАРЫ

Нижнее Приангарье – это территория, приуроченная к нижнему течению р. Ангары, которая расположена в правобережной части р. Енисей, находится в междуречье рр. Тасеевой, Подкаменной Тунгуски, Оби и имеет протяженность с севера на юг до 400 км, с запада на восток более 600 км (табл. 1).

Петроглифы расположены по правому берегу реки, на береговых утесах, экспонированных на юг или в их подножии (исключение составляет левобережный петроглиф «Геофизик»). Территориально можно выделить три провинции (района) на территории региона, где наблюдается скопление наскальных рисунков: западный, центральный и восточный. Петроглифы восточного участка приурочены к Аплинскому и Мурскому порогам (Аплинский порог, Тимохин камень, Усть-Кова-1, Писаный камень, Мурский порог). Центральный, самый насыщенный памятниками наскального искусства район охватывает широкий русловой участок реки (около 100 км) и включает крупные петроглифические комплексы (Манзя, Ивашкин ключ, Зергулей, Каменка, Шунтары, Выдумский Бык, Кокуй). Западный участок, наиболее близкий к устью р. Ангары, тяготеет к устью левобережного притока – р. Тасеевой – и включает петроглифы в районе Мурожной шиверы (Мурожные камни-1-4; писаницы Мурожная-1-4), в окрестностях д. Рыбной (Рыбная, Оленный утес), в устье р. Тасеевой и по ее притокам (табл. 2).

Описание петроглифов производится сверху вниз по течению реки, начиная с восточного района скопления петроглифов. Основной акцент сделан на местонахождениях и плоскостях с рисунками, где присутствуют антропоморфные образы, ставшие предметом данного исследования. В контексте описания ряда многофигурных композиций приводятся результаты анализа палимпсестов, внутренней стратиграфии рисунков.

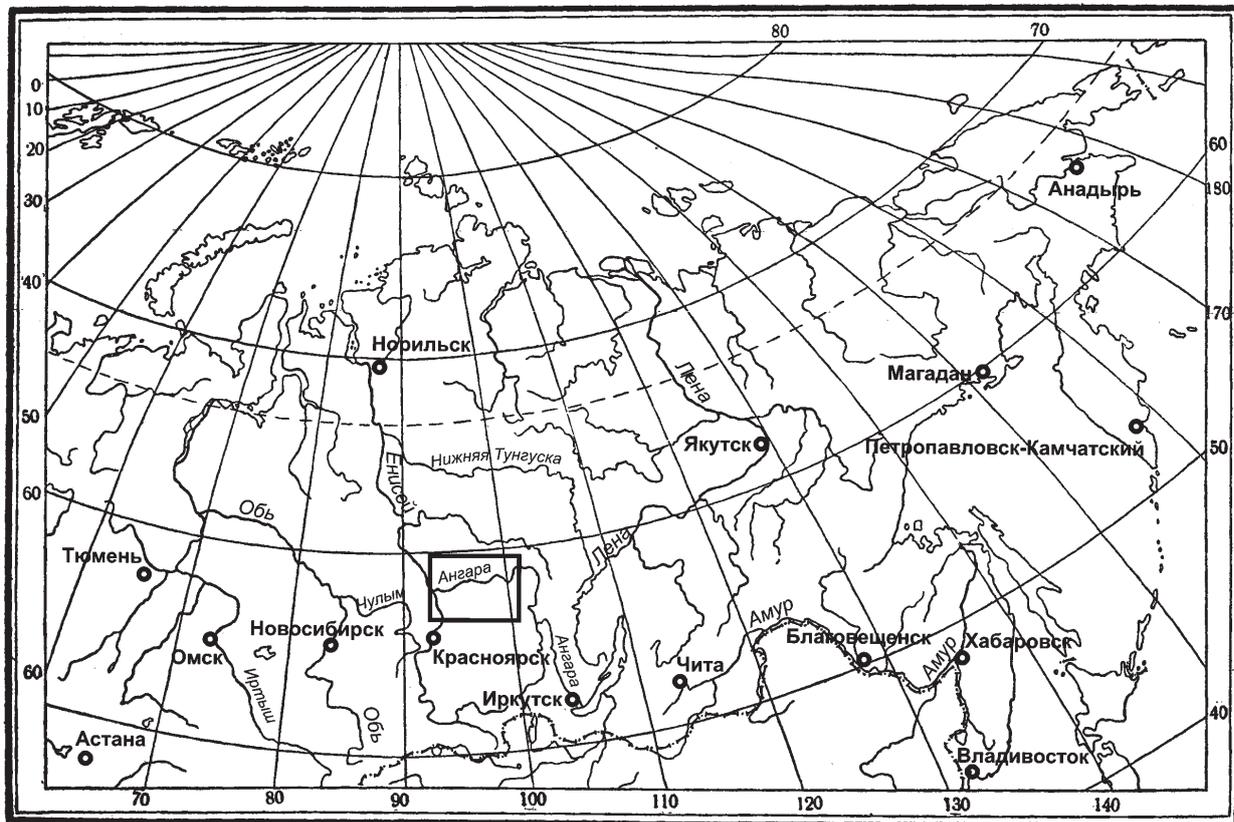

Табл. 1. Карта-схема района археологических исследований на р. Ангаре

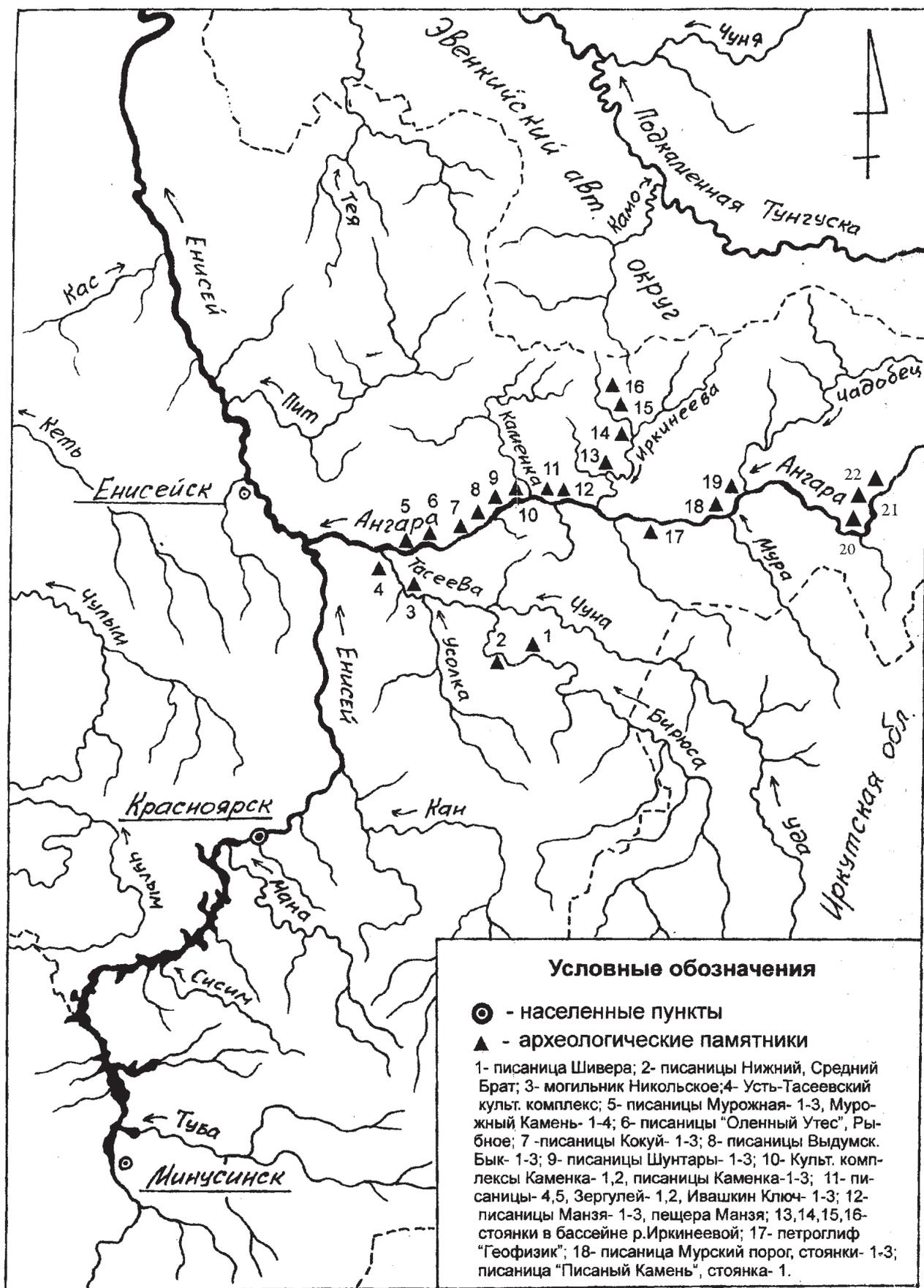

Табл. 2. Карта-схема расположения археологических памятников на территории Нижнего Приангарья

2.1. Писаница «Аплинский порог»

Памятник находится на береговых утесах «скалы Аплинские» напротив Аплинского порога, в 200 м выше устья руч. Липочкин (N – 58°27'01", E – 100°28'06") (табл. 2, № 22). На локальном участке столбовидных скальных обнажений, тяготеющих к прижиму реки, протяженностью около 80 м, на высоте 2–7 м от июльского уреза воды на пяти плоскостях выявлены наскальные изображения (табл. 3, фото 1). Петроглифы выполнены путем протирки и выбивки с последующей шлифовкой (табл. 5, фото 2). Вследствие воздействия воды и льда рисунки слабо рельефны и в большинстве своем просматриваются при контрастном боковом освещении в темное время суток. Многие изображения сохранились фрагментарно по причине растрескивания и осыпания скальных пород.

Плоскость-1 (1 x 1 м) находится в нижней (по течению) оконечности скального массива, на отвесном, вертикально уходящем в воду фризе скалы (табл. 5, фото 1). Рисунки выявлены на высоте 2 м от уреза воды, экспонированы на восток. Выявлены два горизонтальных ряда кольцевидных контуров (по три в каждом). В трех случаях внутри окружностей зафиксированы округлые ямки («глаза» личин?). Над одним «глазом» показана вертикальная, зауженная в верхней части линия («рог»?) (табл. 4, рис. 1). Рисунки выполнены путем выбивки с последующей шлифовкой, слабо рельефны, сохранились фрагментарно.

1

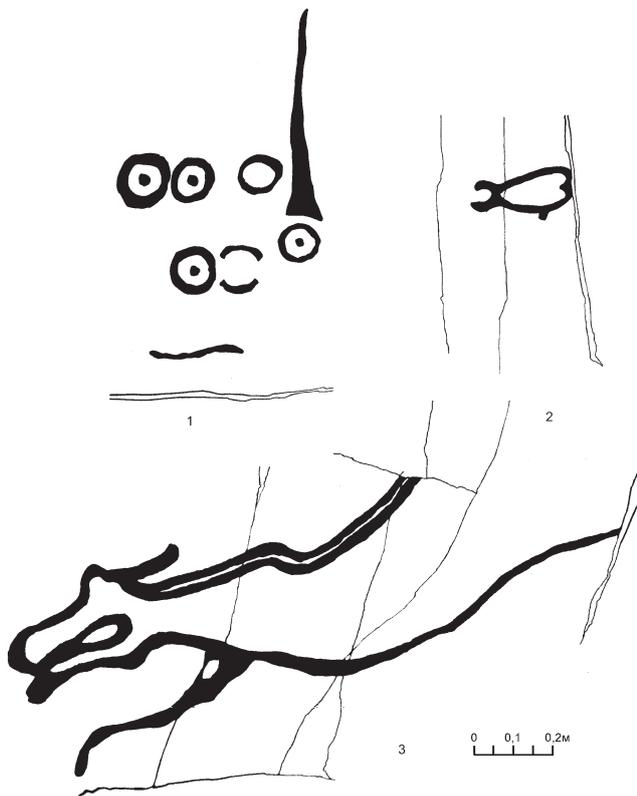
Плоскость-2 (0,5 x 1 м) расположена в 15 м к северу от плоскости – 1, за выступом скальных выходов на вертикальном столбообразном фризе скалы, обращенном на юго-восток. Рисунки выявлены на высоте 7,5 м от уреза воды. Представлена композиция с вертикальным построением фигур. В верхней части находится силуэтное изображение лося (табл. 6). Ориентирована фигура влево, вниз по течению реки (в юго-западную сторону). Поза животного статична: конечности – параллельны, согнуты в коленях, вертикально опущены вниз. Образ – реалистичный. Соизмерное туловище имеет харак-

2

Табл. 3.

1. Писаница «Аплинский порог». Общий вид с запада.
2. Писаница «Мурский порог». Общий вид с севера

Табл. 4. Писаница «Аплинский порог».

Копии наскальных изображений:

1 – плоскость 1; 2 – плоскость 3 а; 3 – плоскость 3

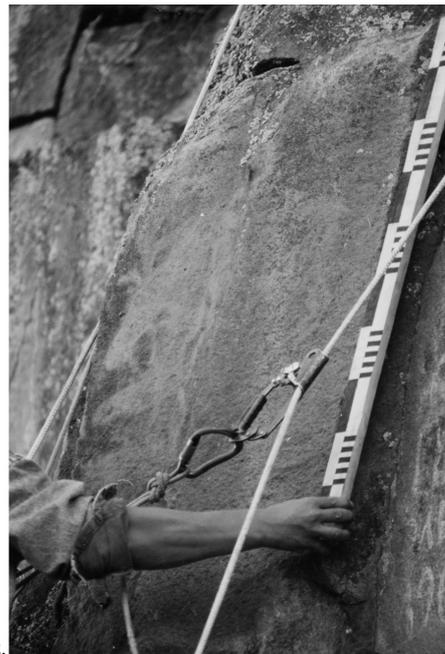
хранилась), показанного в динамике летящего галопа или прыжка (табл. 4, рис. 3). Ориентировано животное в левую сторону (на юго-восток). Вытянутое длинное туловище (ширина 0,3–0,4 м), имеющее небольшой спинной горб, заканчивается узкой изящной шеей (контур спины выделен двойным желобком). Сравнительно массивная голова хорошо профилирована. Рельефно выделены нижняя челюсть и высокий крутой лоб. Зауженную морду живот-

терный горб, показан короткий хвост. Относительно крупная голова опущена вниз. Показаны развилка дугообразных ушей, подшейная кисть, кольцевидным валиком рельефно выделен контур глаза. Контур фигуры, абрис головы и глаза выполнены путем сравнительно глубокой выбивки с последующей шлифовкой. Внутренняя площадь контура протерта, за исключением задней части корпуса животного. Ниже путем протирки показаны одна над другой более стилизованные парциальные изображения двух голов лосей. Видовой состав животных узнаваем по характерному абрису головы, наличию подшейной кисти.

Плоскость-3, смежная с плоскостью-2, обращена на северо-восток. На широком (1,8 x 2,2 м) фризе скалы путем выбивки с последующей шлифовкой выполнено контурное изображение крупного животного, сохранившаяся часть которого составляет 1,3 м (задняя часть не со-

1.

2.

Табл. 5. Писаница «Аплинский порог»:

1. Плоскость 1. Копирование петроглифов на полиэтиленовую пленку. Вид с юга.

2. Плоскость 2. Вид с востока

ного с далеко выступающей нижней губой разделяет петлеобразный контур широкого рта, уши прижаты. Относительно короткая линия передних конечностей параллельна голове и шее, вынесена вперед.

Несмотря на динамичность фигуры, реалистичность исполнения, видовой состав животного трудно определить. Более того, данный образ несет в себе признаки, характерные как для хищных, так и травоядных животных.

Несколько обособленно, в 1 м правее и выше фигуры животного, на локальном участке фриза зафиксировано небольшое изображение в виде горизонтального каплевидного контура, приостренный край которого оканчивается развилкой (рыба?). Ориентирована фигура в противоположную сторону (табл. 4, рис. 2).

Плоскость-4 (1 x 0,8 м) расположена в 10 м к северо-востоку от плоскости-3, в северной части широкого (5 м) фриза скалы, ограничена трещинами и уступами, в подножии имеет приступок, экспонирована на восток. На высоте 5 м от уреза воды выявлены фигуры копытных животных, по всей видимости, лосей, расположенные друг над другом (табл. 7, рис. 1). Ориентированы фигуры в правую сторону (вверх по течению реки), выполнены путем выбивки с последующей шлифовкой, слаборельефны, повреждены трещинами и выломами скальных пород. Нижняя контурная фигура имеет крупное удлиненное (длина 0,4 м, ширина 0,15–0,25 м) туловище. Массивная голова на короткой шее приопущена вниз. Рельефно выделены лоб, нижняя челюсть, нависающая верхняя губа, которая приостряет контур головы. Рога, уши,

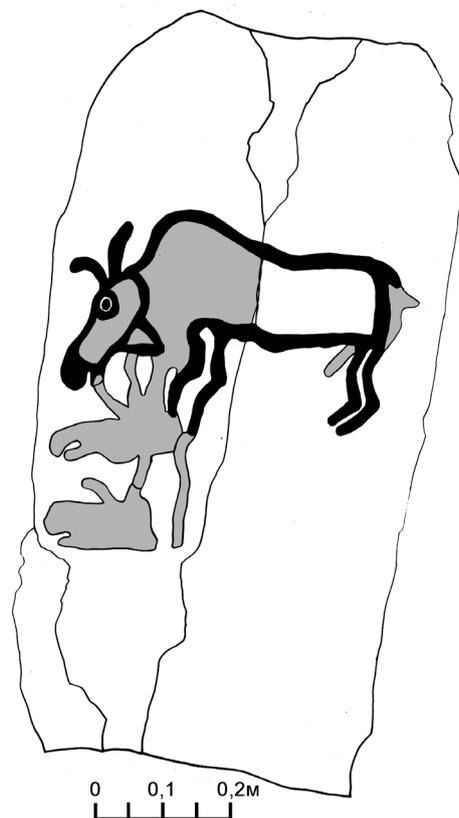

Табл. 6. Писаница «Аплинский порог». Копии наскальных изображений на плоскости 2

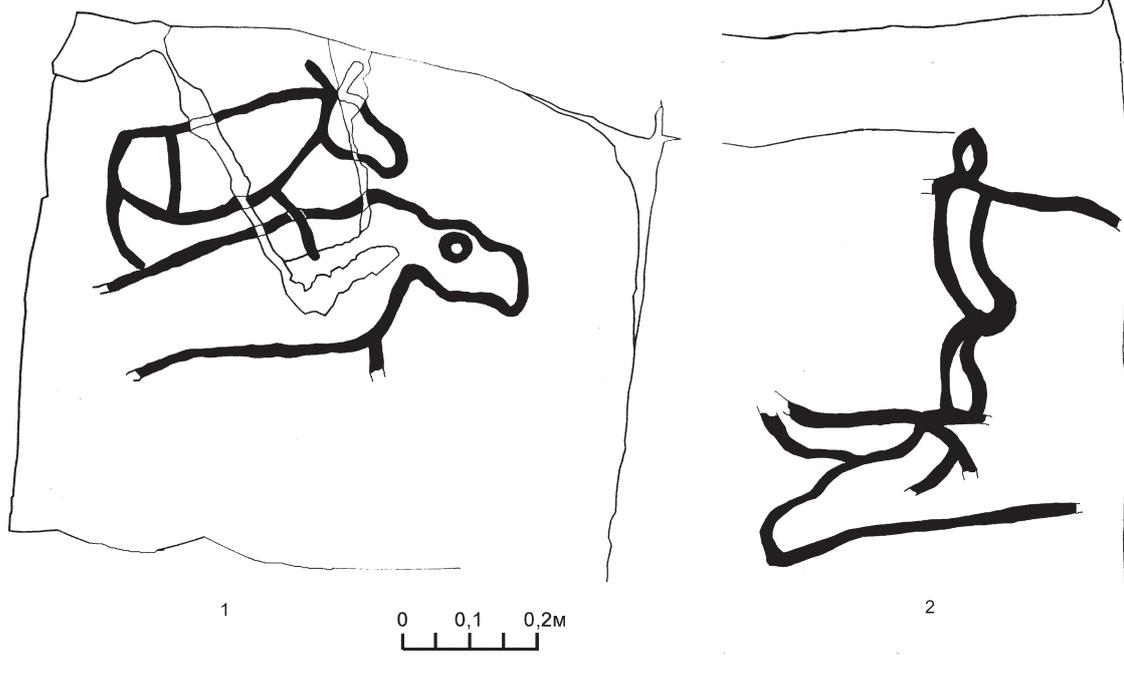

Табл. 7. Писаница «Аплинский порог». Копии наскальных рисунков: 1 – плоскость 4; 2 – плоскость 5

подшейная кисть отсутствуют. Привлекает внимание сравнительно больших размеров глаз, показанный в виде кольца. Линия передних конечностей сохранилась фрагментарно. Задняя часть туловища животного не фиксируется. Выше, частично перекрывая нижнюю фигуру, изображен контур другого животного, выполненного динамичней, изящней и реалистичней. Сегментовидный контур туловища с немного отвисшим животом и прямой спиной оканчивается плавным абрисом головы животного с развилкой (?) ушей. Линии передних и задних конечностей вынесены вперед, круп животного выделен вертикальной линией.

Плоскость-5 (1 x 0,8 м) расположена в 20 м к северу от плоскости-4, в северной части широкого (7,7 м) высокого (более 10 м) фриза скалы, ограничена слева и сверху трещинами, справа – краем фриза, обращена на восток. В подножии плоскости имеется небольшой приступок шириной 0,7 м. На высоте 3 м от уреза воды и 0,4 м от подножия плоскости выявлены фигура человека и трудно определимое переплетение горизонтальных волнистых линий (табл. 7, рис. 2). Петроглифы выполнены путем выбивки с последующей шлифовкой, слабо рельефны, фиксируются фрагментарно.

Фигура человека контурная, фас-профильная, динамичная, показана в позе «полу-приседа», ориентирована в левую сторону. Верхняя часть туловища, голова и руки развернуты в фас, нижняя часть тела и ноги – в профиль. Голова показана в виде вертикального приостренного овала, шея не обозначена, длинные руки широко расставлены в стороны (правая рука зафиксирована фрагментарно). Удлиненное узкое туловище изогнуто в спине, акцентированно выделена в профиль нижняя, сидалищная часть тела. Ноги сравнительно короткие, плавно согнуты в коленях, опираются на переплетение линий.

2.2. Петроглиф «Тимохин камень»

Памятник расположен на береговой осыпи в подножии скального массива, в 150 м ниже по течению от устья Кузнецова ручья (N – 58°19'22", E – 100°20'46") (табл. 2, № 20). Петроглиф представляет собой каменный блок шириной 1,2 м, длиной 2,4 м и высотой 1 м (табл. 8, фото 1). На одной грани, обращенной к берегу, выявлено три антропоморфные личины фантастического облика. Используя естественные неровности скальной породы, древний художник путем выбивки с последующей шлифовкой придал нужные формы задуманному образу. Две личины – череповидные, третья, наиболее яркая, представляет собой сложный, перегруженный различными деталями образ демонического характера,

1.

2.

Табл. 8. Петроглиф «Тимохин камень»:

1. Общий вид с СВ. 2. Вид на личину

который пока трудно вписать в изобразительные традиции древнего населения региона (табл. 8, фото 2). Личина по внешним формам и деталям внутреннего заполнения асимметричная. Она имеет вытянутый, тяготеющий к череповидному, контур, увенчана рогами (ушами) и сложным головным убором с навершием в виде полумесяца. Две окружности, соединенные скобкой, обозначают, видимо, глаза и нос, над ними помещен «третий глаз». Рот имеет вид глубокой округлой впадины. Внутреннее заполнение контура личины представлено дугообразными линиями «татуировки».

2.3. Писаница «Писаный камень»

Скала с рисунками «Писаный Камень» (Хребтовый. Петроглифы-1) (второе название памятника дается по реестру объектов, поставленных на государственную охрану) находится на правом берегу р. Ангары в 0,7 км к СВ от п. Хребтового (табл. 2, № 19), расположенного в глубине берега. С северной стороны к скале примыкает нижний склад и сплавной участок леспромхоза, а с юга – грузовой причал и большой карьер (табл. 9).

Скала представляет собой сложенный беловато-серыми известняками береговой утес с отвесными стенами и несколько уплощенной залесованной вершиной. Скальные породы интенсивно разрушаются в результате естественных эрозийных процессов и активного воздействия антропогенного характера. В настоящее время в многочисленных естественных скальных нишах сооружаются «печки» для выжигания извести, что приводит к появлению крупных трещин, осыпанию скальных пород.

Рисунки зафиксированы в центральной части скального массива, встречаются на протяжении 50 м вдоль русла р. Ангары, расположены на высоте 7–10 м от августовского уреза воды, в 3–20 м от берега реки (табл. 10). Петроглифы выявлены на поверхности четырех вертикальных отвесных плоскостей, ориентированных на юго-запад. Выполнены рисунки красной охрой различных цветовых тонов и черным красящим пигментом. Антропоморфные образы присутствуют на двух плоскостях. Описание плоскостей и их нумерация приводится сверху вниз по течению реки.

Плоскость--2. В центре плоскости находится силуэтное изображение всадника, выполненное красной охрой «кирпичного» оттенка. У ездового животного (лошадь) туловище имеет посередине спинной прогиб, показаны 2 пары прямых конечностей с «валенкообразными» копытами, широкий угловатый хвост. Поднятая и вытянутая вперед прямая шея заканчива-

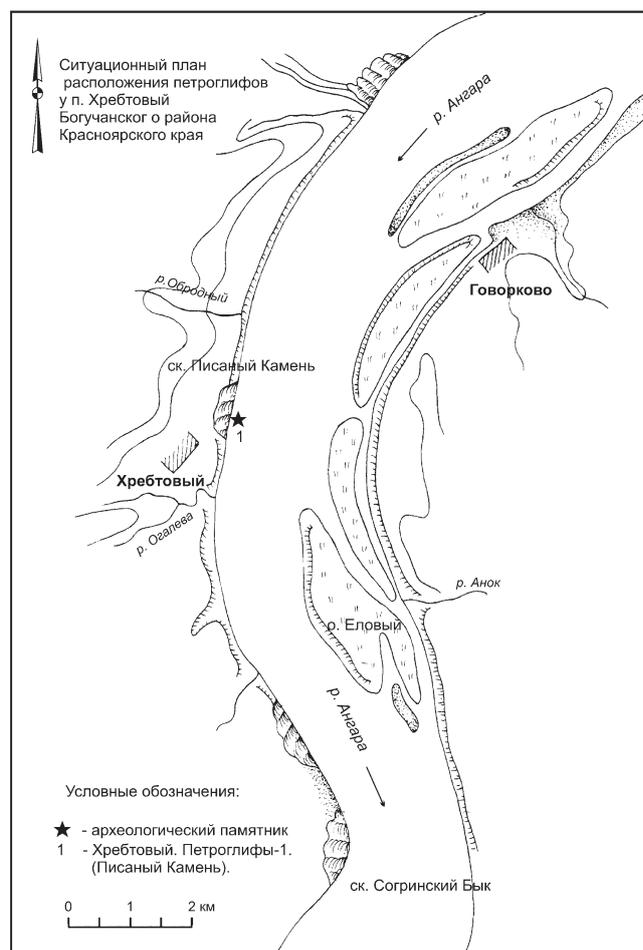

Табл. 9. Ситуационный план расположения петроглифов у п. Хребтовый

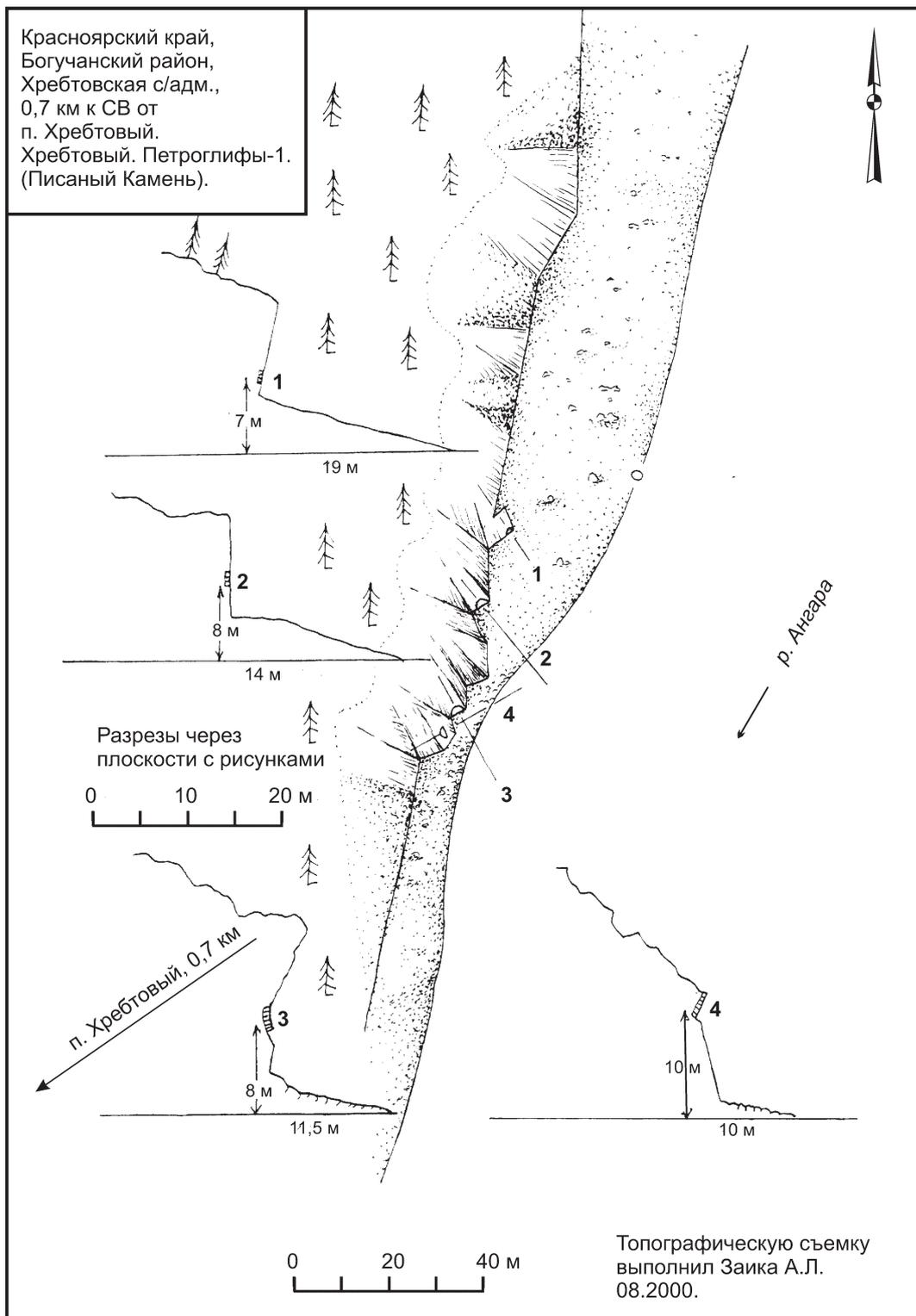

Табл. 10. Хребтовый. Петроглифы 1 (Писаный камень). Топографический план

ется реалистично показанной головой с развилкой длинных ушей (табл. 11, рис. 3). Фигура всадника выражена в «объемной» манере. Туловище прямое, короткое, одна рука держит повод, ноги не обозначены. Голова всадника непропорционально большая, имеет вид округлого пятна.

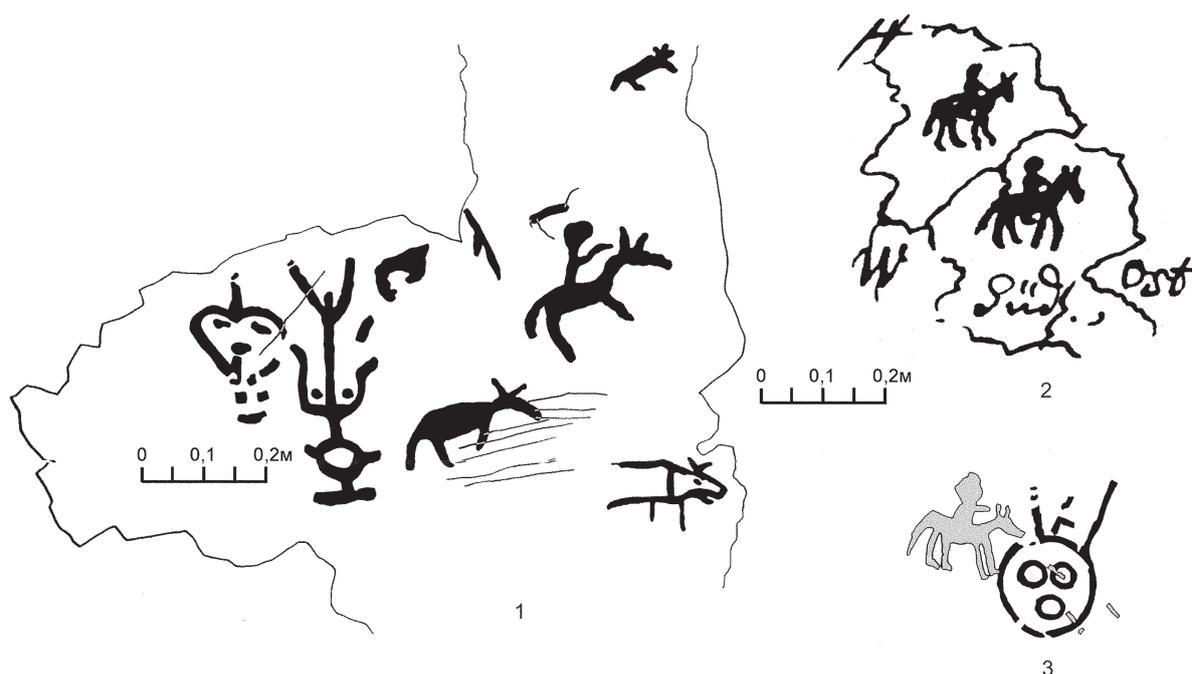
Правее фигуры всадника отмечено частично оконтуренное изображение антропоморфной личины, выполненное красящим пигментом черного цвета. Личина – простая, нереалистичная, с округлым контуром, к которому примыкают две прямые линии «рогов».

Глаза и рот показаны условно – в виде окружностей. Фигура всадника частично «налегает» на контур личины, косые мазки охры того же цвета также пересекают изображение личины.

Плоскость-3. Расположена в 20 м к югу от плоскости-2. На поверхности плоскости выявлена многофигурная и, по всей видимости, разновременная композиция (табл. 11, рис. 1). Рисунки выполнены красной охрой различных цветовых тонов – от ярко-красного до темно-бордового.

В центре плоскости расположена крупная фаллическая антропоморфная фигура с маской-личиной, выполненная в линейном стиле и показанная «вниз головой». Ноги расставлены в стороны, руки согнуты в локтях, находятся вдоль туловища. По обеим сторонам туловища зафиксированы округлые пятна охры. Маска-личина имеет вид округленного ромбовидного контура с «косичками» по бокам и Т-образным головным убором. Слева от антропоморфной фигуры выявлена личина с сердцевидным контуром. Глаза у нее обозначены округлыми пятнами, нос и рот – прямыми короткими линиями. Венчает контур личины прямая вертикальная линия – «антенна». Под личиной выявлены фрагменты прямоугольного контура (шея, туловище?). Правее антропоморфной фигуры, на поверхности сравнительно свежего вылома скальных пород находится силуэтная фигура всадника. Ездовое животное (лошадь) показано в позе «внезапной остановки», ориентирована фигура в правую сторону. Пары передних и задних конечностей, обозначенные прямыми линиями, вынесены вперед. Спина животного выгнута, хвост показан длинной дугообразной линией. Голова – непропорционально длинная – показана условной прямой линией, находится на длинной прямой шее. Венчает голову развилка длинных прямых ушей. Прямое туловище всадника наклонено вперед. Голова имеет вид крупного округлого пятна. Показана одна, вытянутая вперед рука, ноги всадника не обозначены.

Выше и правее всадника изображено животное в позе «внезапной остановки». Ориентирована силуэтная фигура животного в правую сторону. Животное имеет массивное туловище, короткие конечности и хвост. Морда животного приостренная, вытянута вперед (шея практически отсутствует). Вероятно, древний художник изобразил хищника (медведь?).

Табл. 11. Писаница «Писаный Камень». Копии рисунков:

1 – плоскость 3; 3 – плоскость 2; 2 – зарисовки Д.Г. Мессершмидта, выполненные в 1725 году

Ниже фигуры всадника за границей скального вылома расположено силуэтное изображение животного (лось?). У животного непомерно большая вытянутая вперед голова с развилкой ушей и непропорционально маленькое тело. Поверх фигуры животного и ниже ее нанесено семь тонких параллельных горизонтальных линий, выполненных, по всей видимости, сухим минеральным карандашом охры.

Под фигурой животного выявлено частично сохранившееся реалистичное контурное изображение лоса, выполненное охрой темно-бордового цвета. Животное показано статично, ориентировано в правую сторону. Массивное туловище подчетыреугольной формы, имеет характерный для животного горб, немного отвисший живот, отделено от шеи вертикальной линией. Шея вытянута вперед, заканчивается головой подовальной формы. Показаны развилка прямых ушей, глаз, отвисшая нижняя челюсть. Передние ноги непропорционально малы по отношению к туловищу, вертикально опущены вниз. Задняя часть фигуры животного не прослеживается на поверхности плоскости. Несколько в стороне от основной композиции находится парциальное силуэтное изображение головы лоса с вертикально торчащими ушами и подшейной кистью.

Кроме вышеупомянутых изображений, на плоскости выявлены в различных местах горизонтальные и вертикальные мазки охры.

2.4. Писаница «Мурский порог»

Писаница «Мурский порог» (Гольтявино. Петроглифы-1) расположена на правом берегу р. Ангары (390 км выше устья р. Ангары) в 6,5 км к СВ от п. Гольтявино, напротив Мурского порога (табл. 2, № 18). Петроглифы зафиксированы на восточной стороне берегового утеса Караульный, сложенного траппами (табл. 12). Рисунки встречаются на протяжении 270 м вдоль русла р. Ангары, расположены на высоте 6–17 м от уреза воды, на

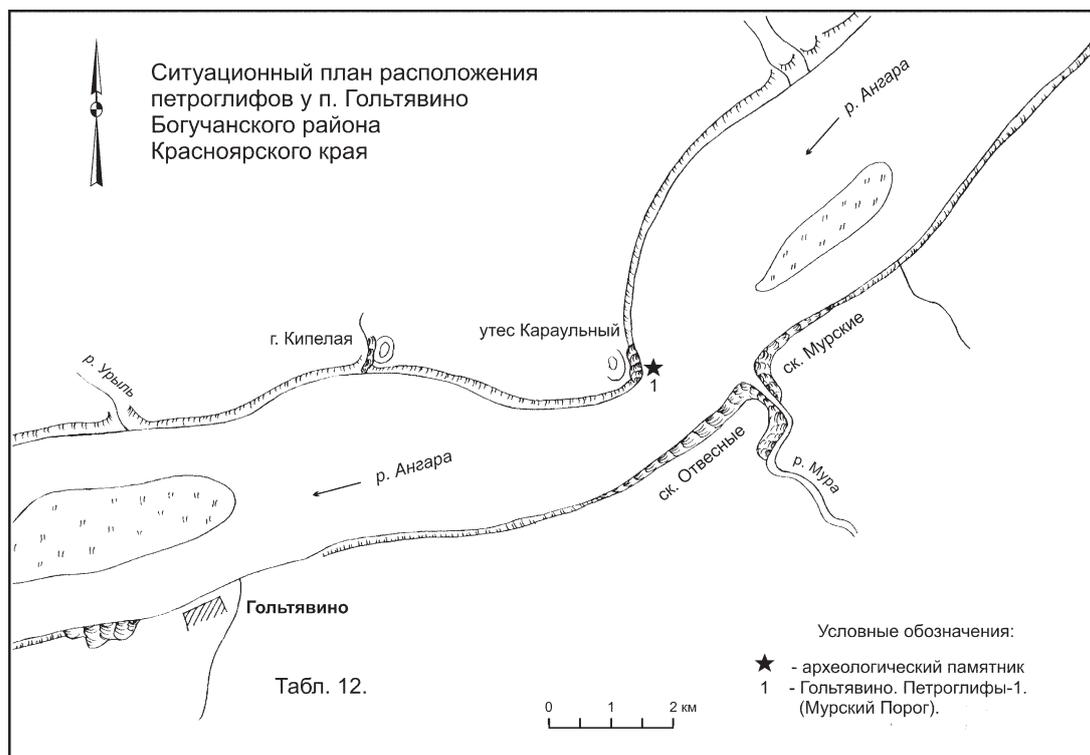

Табл. 12. Ситуационный план расположения петроглифов у п. Гольтявино

расстоянии 15–35 м от берега реки (табл. 13, 14). Наскальные изображения выявлены на 12 плоскостях, обращенных на СВ, восток, ЮВ, выполнены путем выбивки, шлифовки, красной охрой различных тонов. Представлены изображения животных, антропоморфных фигур, личин, всадника.

Плоскость-1 расположена на северной окраине скального массива, в 20 м от берега реки, на высоте 16 м от уреза воды. Высота плоскости 2 м, ширина 1 м, обращена на СВ (аз. 115°), в подножии имеет небольшой приступок шириной 0,5 м. Рисунки выявлены на высоте 1 м от подножия скального фриза и представляют собой вертикальную композицию

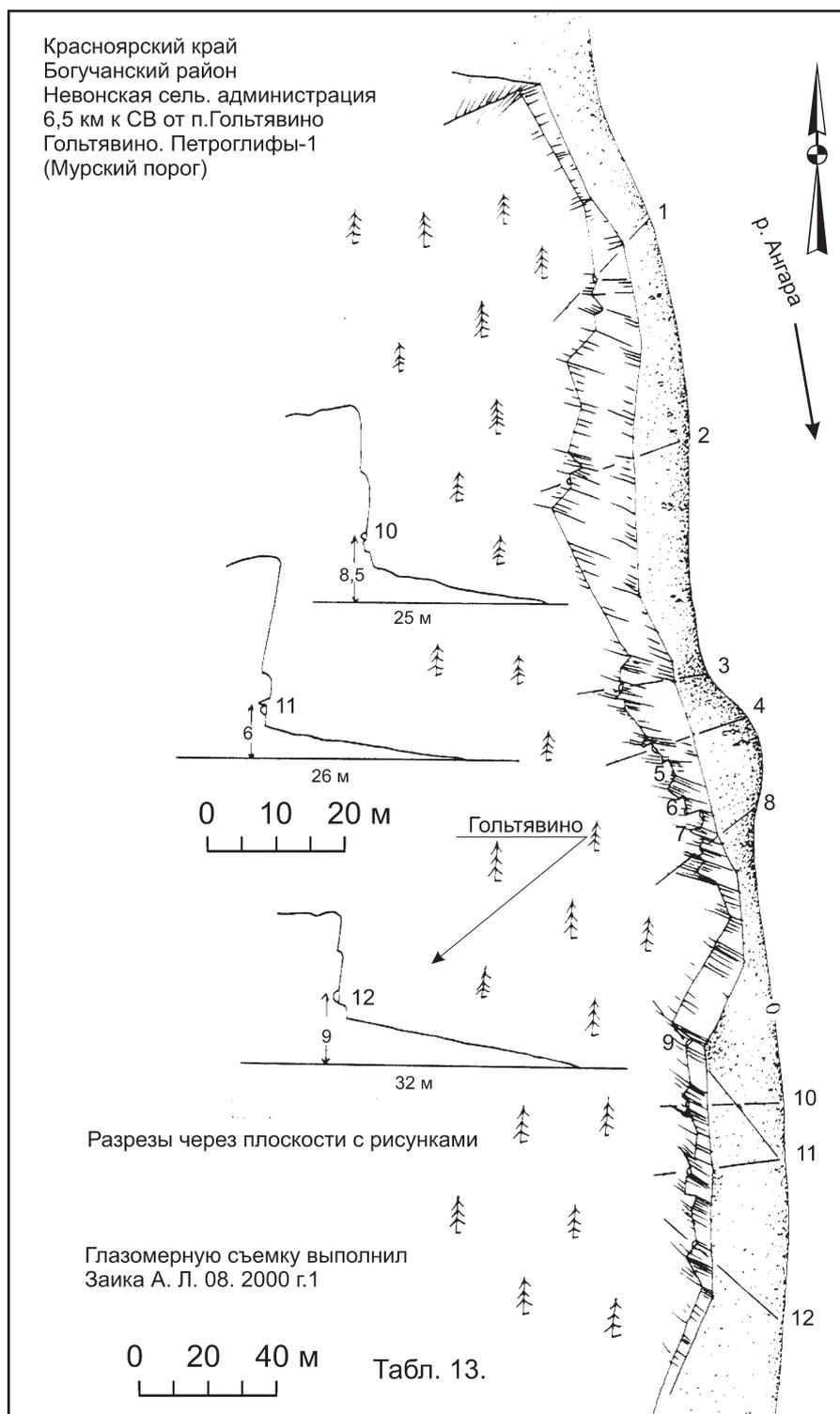
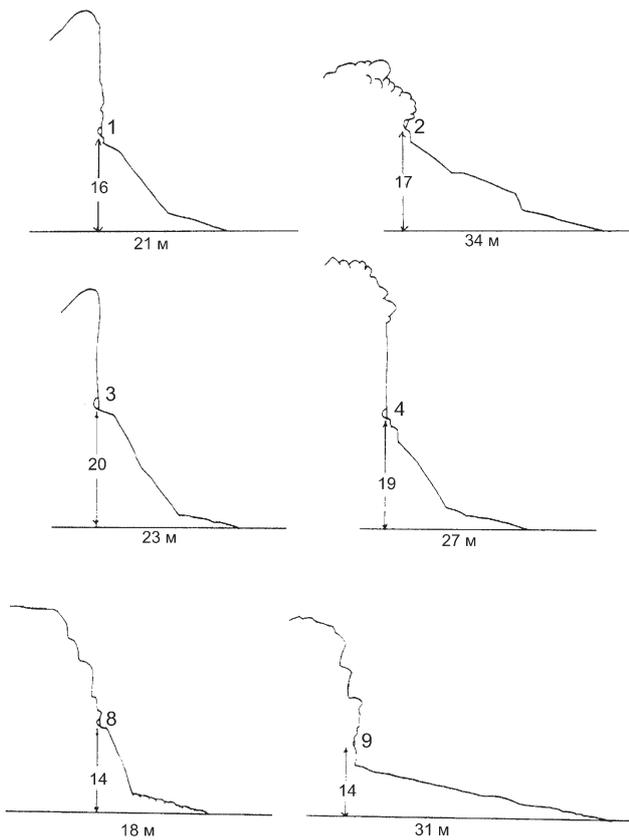

Табл. 13. Гольпявино. Петроглифы 1 (Мурский порог). Топографический план

Табл. 14. Гольтявино. Петроглифы 1 (Мурский порог).
Разрезы через плоскости с рисунками

фигуры на уровне бедер. Голова плохо обозначена, увенчана развилкой «рогов». Внешние контуры и внутренняя часть фигуры промазаны красной охрой. Над головой выявлен рисованный вертикальный овал с пятном в центре (табл. 15, фото 1).

из двух антропоморфных фигур (табл. 16). Верхняя фигура выполнена красной охрой, оформлена двойным контуром, имеет непропорционально длинное туловище подпрямоугольной формы. Руки опущены вниз, оканчиваются кольцевидными контурами, окаймленными дугообразными линиями. Короткие ноги согнуты в коленях, на уровне ступней сведены вместе, замыкая ромбовидный контур. Голова имеет сердцевидный абрис с двумя пятнами в верхней части (глаза?).

Нижняя фигура выполнена путем выбивки, имеет подтреугольное туловище с решетчатым заполнением внутри. Ноги замыкают ромбовидный контур с горизонтальной перемычкой посередине, ступни развернуты наружу. Короткие руки опущены вниз, кисти оформлены окружностями. Два кольцевидных контура зафиксированы по обе стороны

1.

2.

Табл. 15.

1. Писаница «Мурский порог». Плоскость 1. Вид с СВ. 2. Писаница Манзя-II. Плоскость 32. Вид с востока

В нижней части плоскости композицию завершает рисованный охрой трудноопределимый контур с внутренними вертикальными перемычками и внешними линейными ответвлениями.

Плоскость-2 находится в 55 м к югу от плоскости-1, на высоте 17 м от уреза воды, в 34 м от берега реки. Плоскость высотой 2 м и шириной 1,5 м под отрицательным углом наклона обращена на восток (аз. 170°). Поверхность камня сравнительно ровная, мелкобугристая, покрыта известковыми натечками, фрагментарно – лишайниками, рассечена по центру двумя перпендикулярными трещинами. В левой верхней части плоскости выявлен горизонтальный ряд из трех антропоморфных фигур, выполненных охрой малинового оттенка (табл. 17, рис. 1). Фигуры профильные, ориентированы вправо (на север, вверх по течению реки). Головы у них показаны округлыми пятнами, шеи слабо профилированы, линии рук вынесены далеко вперед. Ноги согнуты в коленях, на

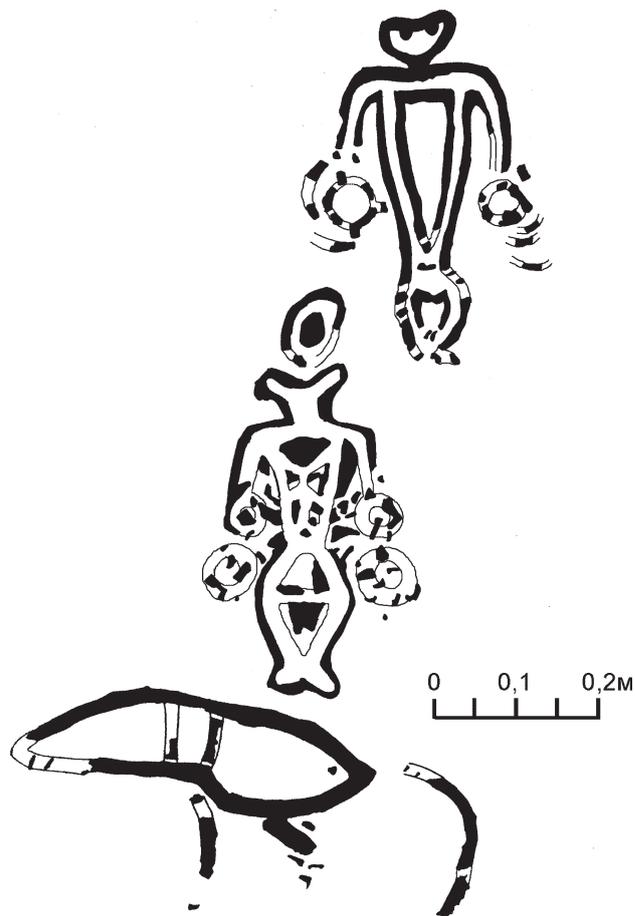

Табл. 16. Писаница Мурский порог. Плоскость 1

уровне ступней зафиксированы горизонтальные линии (лыжи?). Короткими выступами обозначены фаллосы. В правой части плоскости выявлен фрагмент крестовидной фигуры.

Плоскость-3 расположена в 60 м к ЮВ от плоскости-2, на высоте 20 м от уреза воды, в 23 м от берега реки. Плоскость немного выпуклая, вертикальная, имеет высоту 1,5 м и ширину 2,5 м, обращена на восток (аз. 180° и 200°). Плоскость сравнительно ровная, покрыта мелкими трещинами, оконтурена в верхней части глубокой трещиной. Рисунки выполнены охрой розоватого оттенка, расположены в нижней части плоскости, у ее подножия. Выявлены фрагменты контуров крупных копытных животных (лоси?), расположенных друг над другом (табл. 17, рис. 2). Длина фигур составляет около 2 м. Узнаваемы задние части животных, линии

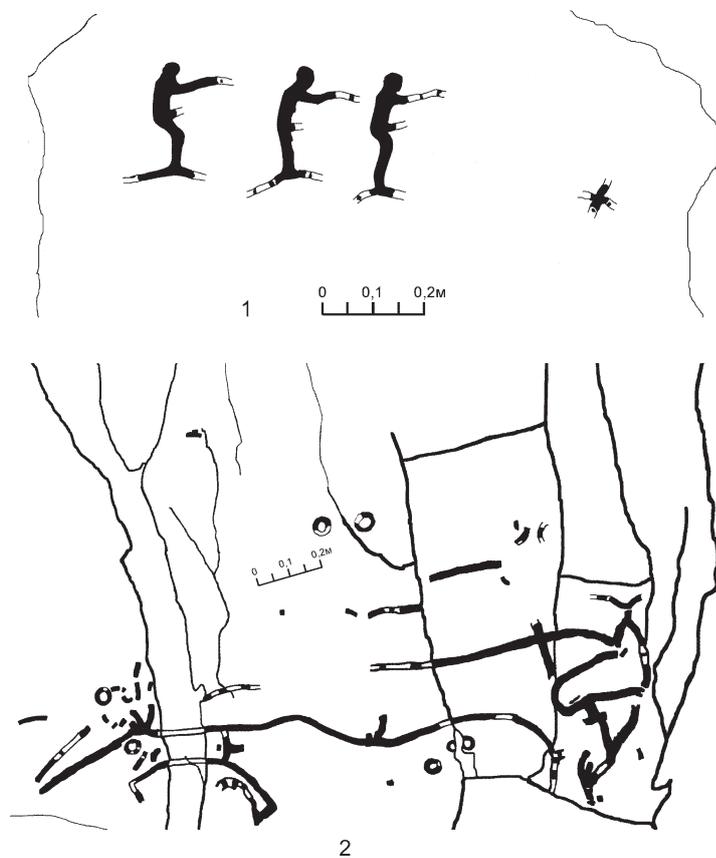

Табл. 17. Писаница Мурский порог:
1 – плоскость 2; 2 – плоскость 3

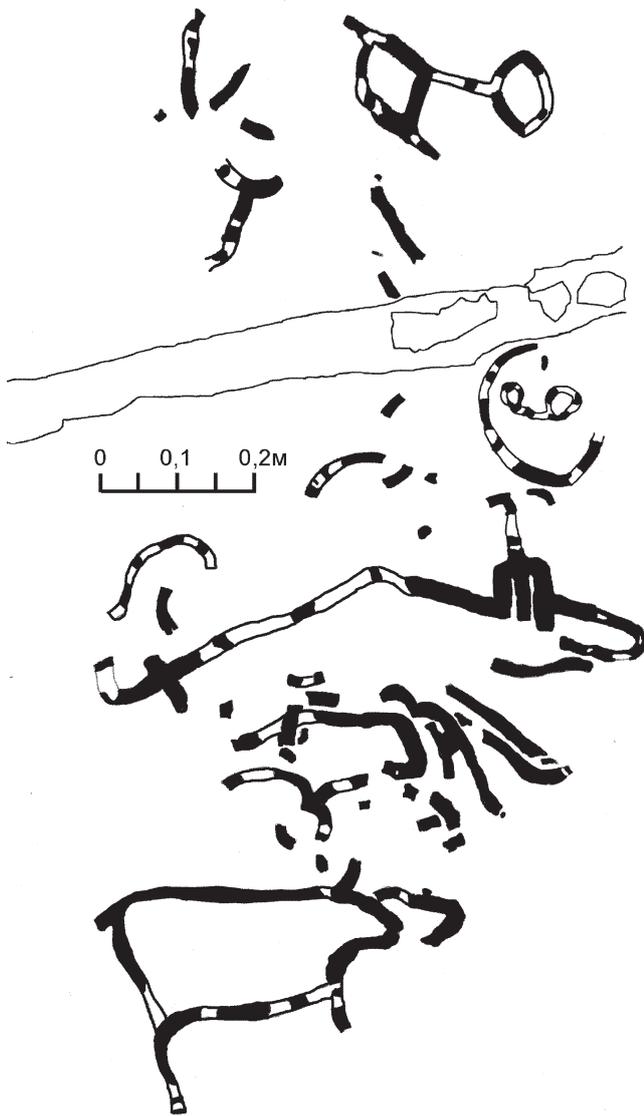

Табл. 18. Писаница Мурский порог. Плоскость 4

имеет наклонную каменную площадку шириной 0,5 м. В правой части плоскости на высоте 1,5 м от верхнего края осыпи, поверх слабо заметных протертых участков каменной поверхности выявлены фрагменты фигур, рисованных охрой малинового оттенка. Верхнюю часть плоскости пересекает широкая горизонтальная трещина, правая часть покрыта лишайниками. Над трещиной выявлены линейные фрагменты трудноопределимых фигур. Под трещиной зафиксирован подовальный контур антропоморфной личины (табл. 18). Окружности глаз у нее соединены перемычкой. Ниже расположены фрагменты фигур зооморфного облика. Наиболее узнаваема фигура копытного животного (бык?). У него короткое широкое туловище подчетыреугольной формы. Широкая шея слабо обозначена, голова – параболической формы. Видны развилка ушей и короткий хвост. Пары ног переданы одинарными линиями, вертикально опущены вниз.

спины, частично – головные части. Контур головы одного животного пересекает крупы фигур в правой части плоскости. Ориентированы фигуры в левую сторону (на юг, вниз по течению реки). Также выявлены фрагменты неоконтурных антропоморфных личин¹. Глаза у них обозначены окружностями. Две личины находятся в области голов животных. Верхняя личина имеет частично сохранившийся внешний контур подовальной формы и вертикальный отросток с левой стороны, нижняя – межглазную вертикальную линию². В верхней части плоскости два глаза личины расположены по обе стороны диагональной трещины, в нижней части плоскости трехглазую личину по центру пересекает вертикальная трещина. Каких-либо деталей внешнего и внутреннего оформления у них не обнаружено³.

Плоскость-4 находится в 20 м к ЮВ от плоскости-3, на высоте 19 м от уреза воды, в 27 м от берега реки. Плоскость вертикальная, немного вогнутая, шириной 1 м и высотой 1,5 м, ограничена трещинами и скальным уступом. Она обращена на ВСВ (аз. 160°), в подножии

¹ Изображения личин появились позже рисунков животных, о чем свидетельствует периферийное их положение на скальном фризе.

² Присутствие личин в области голов животных, видимо, не случайно: глаза животных могли быть использованы для формирования новых образов последующим автором.

³ По всей видимости, автор рисунков использовал естественные трещины скалы для передачи межглазных линий «татуировки» личин.

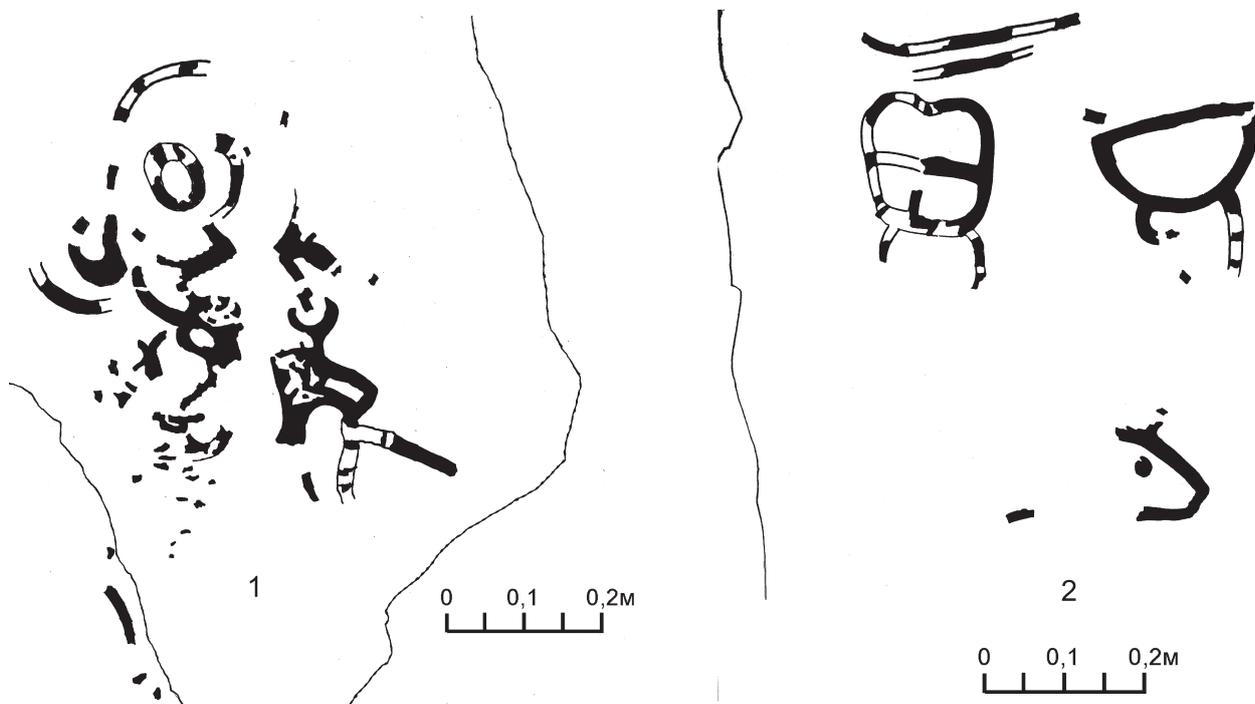

Табл. 19. Писаница Мурский порог: 1 – плоскость 5; 2 – плоскость 6

Плоскость-5 расположена в 10 м к ЮВ от плоскости-4, на высоте 15 м от уреза воды, в 20 м от берега реки. Плоскость вертикальная, обращена на ВСВ (аз. 155°), имеет ширину 1 м и высоту 1 м. Поверхность камня сравнительно ровная, обильно покрыта лишайниками и известковыми натечками. Карбонатная корка отслоилась широкими участками, повредив рисунки. Рисунки выполнены красной охрой, сохранились фрагментарно. Возможно, представлена поясная антропоморфная фигура с крупной маской-личиной округлой формы (табл. 19, рис. 1).

Плоскость-6 находится в 10 м к ЮВ от плоскости-5, на высоте 14 м от уреза воды, в 20 м от берега реки. Плоскость вертикальная, шириной 1,5 м и высотой 2,5 м, обращена на восток (азимут 170°), в подножии имеет наклонную площадку шириной 1 м. Поверхность камня сравнительно ровная, немного волнистая, обильно покрыта лишайниками и известковыми натечками. Рисунки выполнены охрой, выявлены на высоте 1,4–1,6 м от подножия. Представлены фрагменты двух личин (табл. 19, рис. 2). Левая личина имеет округленный контур подквадратной формы с сердцевидным прогибом в верхней части, поделена пополам горизонтальной чертой, нижняя половина – вертикальной. У правой личины сохранилась нижняя часть полукруглого контура и горизонтальная линия «татуировки». Снизу к личинам примыкают по две вертикальные короткие линии (шея, туловище?). Над левой личиной зафиксированы фрагменты двух параллельных горизонтальных линий, под правой – фрагмент головы животного параболоидной формы (бык?). Короткой чертой у него обозначен рог (ухо?), округлым пятном – глаз.

Плоскость-7 находится в 5 м к востоку и на 1 м ниже плоскости-6, на торце скального выступа, обращенного на ВСВ (аз. 160°). Плоскость имеет отрицательный наклон, высоту 3 м и ширину 2 м. В подножии плоскости находится неширокий скальный уступ шириной 0,4 м. На поверхности плоскости выявлены фрагменты трудноопределимых рисованных изображений.

Плоскость-8 расположена в 10 м к югу от плоскости-7, на высоте 14 м, в 18 м от берега реки, под отрицательным углом наклона экспонирована на ССВ (аз. 110°). Плоскость высотой 3,5 м и шириной 1,5 м ограничена скальными уступами, поделена пополам гори-

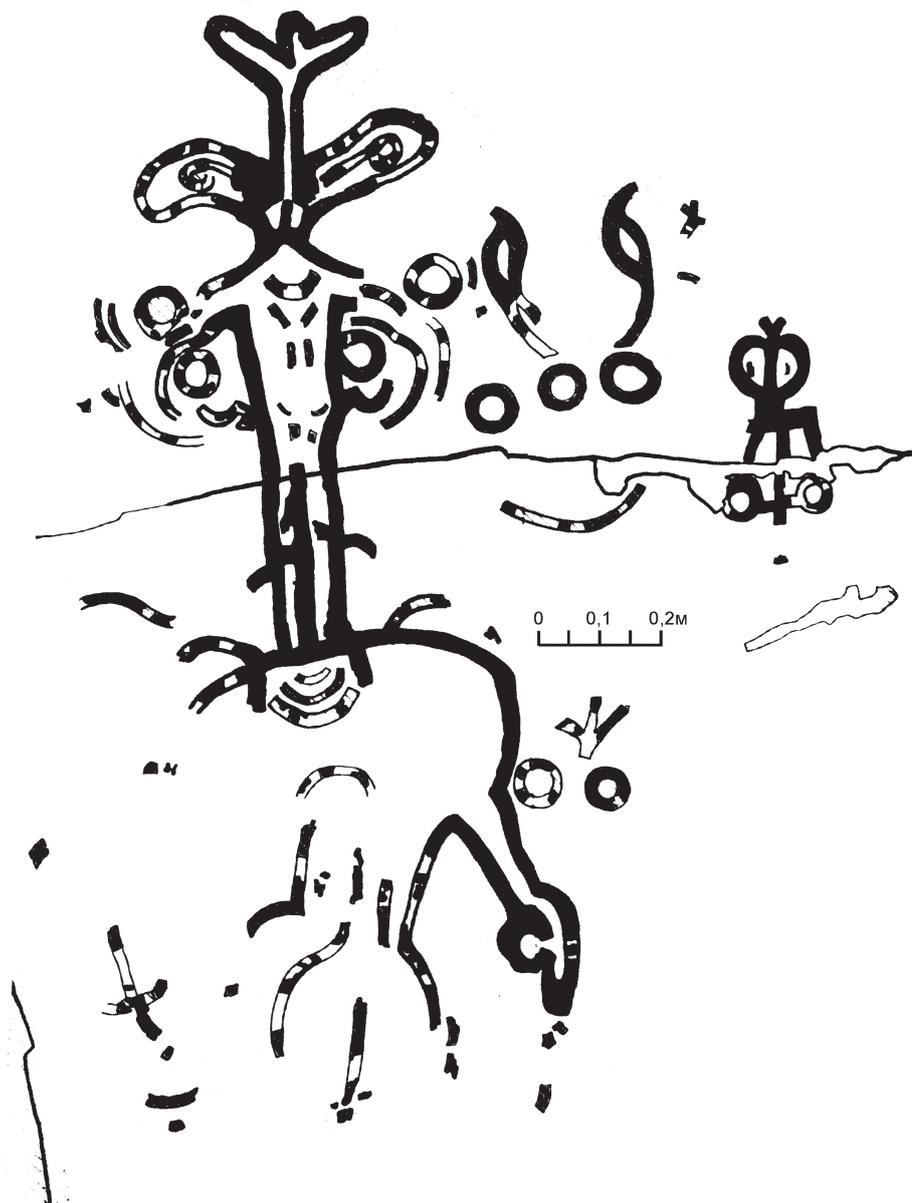

Табл. 20. Писаница Мурский порог. Плоскость 8

горизонтальной трещиной, обильно покрыта лишайниками и известковыми натечками. В подножии скального фриза имеется широкая (1,5 м) задернованная горизонтальная площадка. Рисунки выполнены охрой вишневого цвета различной степени яркости.

На левом краю плоскости выявлена сложная фигура антропоморфного облика (табл. 20). Лицевая часть фигуры плохо обозначена, сложный головной убор имеет вид высокого «плюмажа» с боковыми ответвлениями. Линии развернутых по сторонам рук сохранились фрагментарно. Удлиненное, чуть подтреугольной формы туловище показано контурно, заканчивается вертикальными линиями сведенных вместе ног. Внутренний контур фигуры декорирован симметричными прямыми и дугообразными линиями. В области рук по обе стороны туловища расположены окружности и дублирующие их контур дугообразные линии. Фигура «опирается» на фрагментарно сохранившийся трудноопределимый фигурный контур крупных размеров. В правой части плоскости находится неоконтуренная личина, которую венчает фертообразная фаллическая антропоморфная фигура с развилкой «рогов» на месте головы и двумя пятнами по обе стороны линии туловища. В свободное пространство между крайними фигурами, по всей видимости, позже была «вписана» («втиснута») охрой более яркого цвета «трехглазая» неоконтуренная личина окуневского типа с двумя дуго-

образными «рогами» (ушами) и широкой линией рта¹. Ниже ее выявлены фрагменты другой неоконтуренной личины с тройной развилкой между окружностями глаз.

Плоскости-9–12, в отличие от вышеописанных, не имеют в подножии мощных залесованных осыпей, расположены на открытых участках столбовидных скальных обнажений, на месте речного прижима. Подножие представляет собой галечно-валунный пляж (табл. 3, фото 2).

Плоскость-9 находится в 50 м к югу от плоскости-8, за поворотом скальных выходов, в 23 м от берега реки, на высоте 14 м от уреза воды, обращена на ЮВ (аз. 240°). Плоскость отвесная, имеет скальный навес. Поверхность ее сравнительно ровная, покрыта вертикальными желобками. Ширина плоскости 2 м, высота – 3 м. Рисунки выполнены красной охрой вишневого оттенка. В верхней части плоскости, на высоте 3 м от подножия, выявлена фигура всадника, ориентированная в правую сторону (на СВ, перпендикулярно руслу реки) (табл. 21). Туловище и голова седока показаны условно прямой линией, увенчанной тройной развилкой «рогов». Одна рука согнута в локте и опирается на пояс, другая – вынесена вперед к шее животного, ноги не обозначены. Ездовое животное показано силуэтно. Туловище имеет сегментовидную форму. Короткие конечности показаны одинарными линиями, вертикально опущены вниз. Голова покоится на короткой шее, вытянута вперед, короткие уши отнесены назад. Хвост показан горизонтальной дугообразной линией². Ниже фигуры всадника за границей горизонтального уступа скальных пород (участок 9 а) зафиксирована короткая горизонтальная черта. Правее, на торце скального фриза, обращенного на ВЮВ (участок 9 б), на высоте 0,7 м от подножия выявлены фрагменты неоконтуренной личины и трудноопределимой линейной фигуры.

Плоскость-10 расположена в 15 м к югу от плоскости-9, на выступающем скальном фризе, на высоте 8,5 м от уреза воды, в 25 м от берега реки. Плоскость вертикальная, широкая (15 м), сверху и по краям ограничена трещинами, снизу – участком осыпавшихся скальных пород, обращена на восток (аз. 175°). Основная поверхность плоскости сравнительно ровная, микрорельеф – мелкобугристый, левая часть покрыта известковыми натечками и трещинами, в центре имеются современные надписи масляной краской. Рисунки выполнены в различной технике: шлифовка, выбивка с последующей шлифовкой. Выявлены также фрагменты охры.

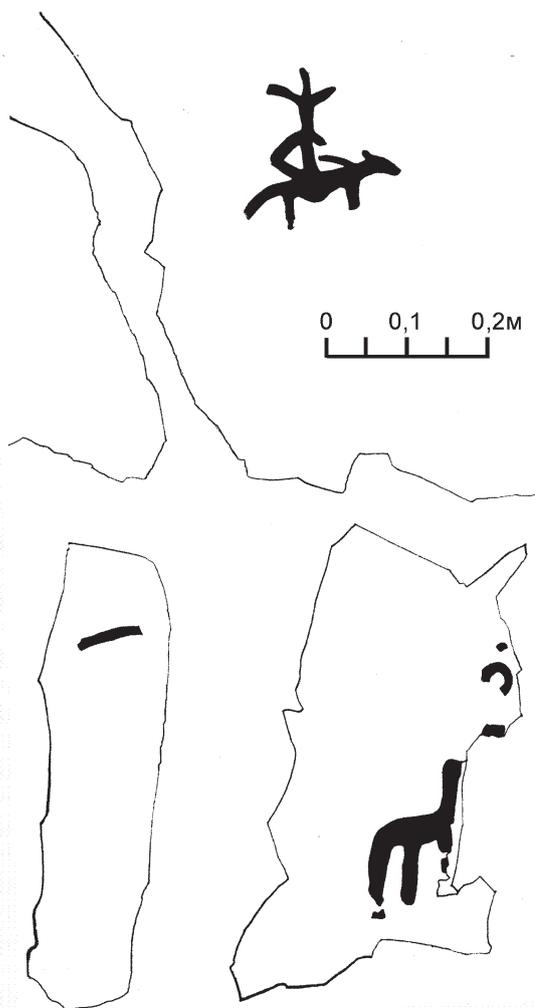

Табл. 21. Писаница Мурский порог.
Плоскость 9

¹ По причине отсутствия свободного места древний автор, видимо, стремясь не нарушить ранней композиции, левый «рог» сместил вправо – к центральному «глазу». Уважительное отношение к предыдущим образам свидетельствует об их семантической близости и сравнительно небольшой разнице исполнения по времени.

² Трудно установить видовую принадлежность ездового животного, более того, нельзя однозначно ответить, является ли оно копытным или звероподобным существом.

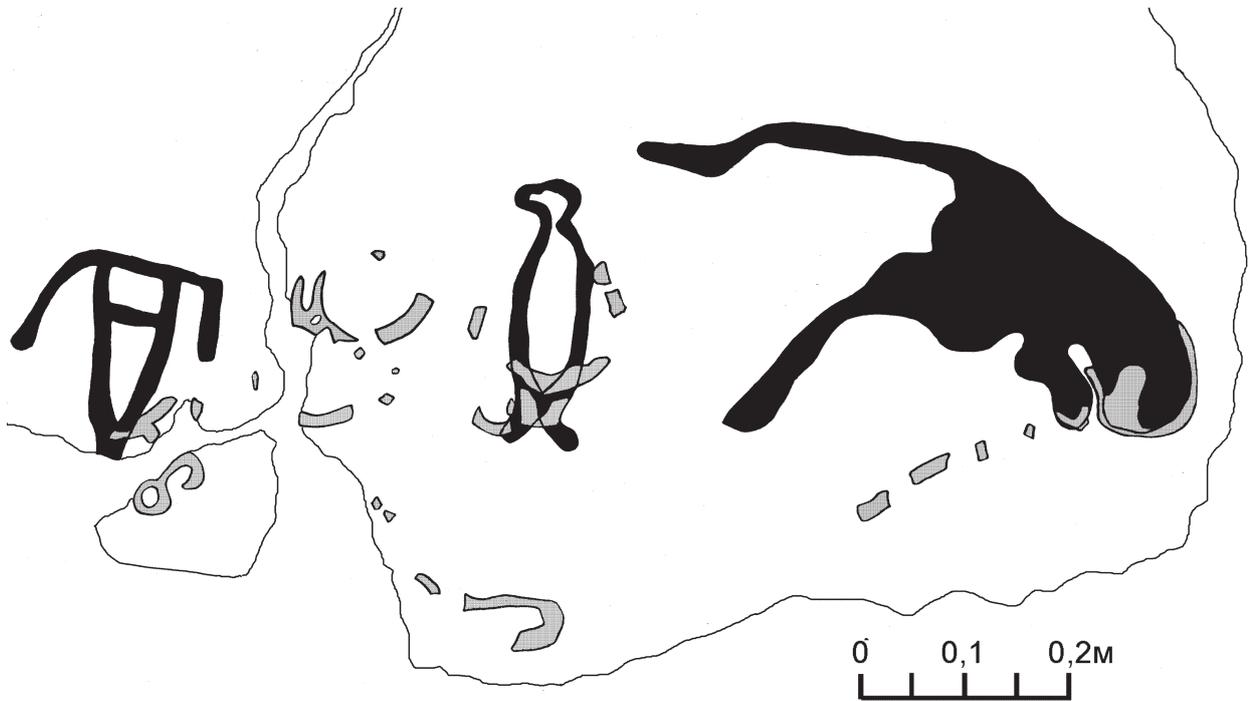

Табл. 22. Писаница Мурский порог. Плоскость 10

В правой части плоскости на высоте 1,8 м от подножия хорошо фиксируются шея и голова лося (табл. 22). По контуру изображение оформлено выбивкой, голова прошлифована. Верхняя челюсть и губы животного промазаны охрой. Снизу к голове животного по диагонали примыкает фрагментарная линия охры. В центре плоскости расположена контурная зооантропоморфная фигура. Туловище ее имеет вид вертикально вытянутого, приостренного на концах овала. Голова округлой формы, в левой части имеет полукруглый выступ. Нижние конечности обозначены короткой развилкой, верхние – отсутствуют. В центре также зафиксированы фрагменты двух рисованных кольцевидных контуров (глаза личины?), правый из них перекрывает зооантропоморфную фигуру.

В левой части плоскости находится изображение антропоморфного облика, выполненное путем выбивки с последующей прошлифовкой. Туловище контурное, подтреугольной формы, в верхней части разделено горизонтальной линией. Руки разведены в стороны и опущены вниз. Нижние конечности отсутствуют (уничтожены трещиной?). Голова не обозначена. Поверх антропоморфной фигуры нанесены мазки охры, фрагменты рисованных трудноопределимых фигур зафиксированы также в нижней части плоскости.

Табл. 23. Писаница Мурский порог. Плоскость 11

Плоскость-11 расположена в 15 м к югу от плоскости-10, на выступающем скальном блоке, в 26 м от берега реки, на высоте 6 м от уреза воды. Плоскость вертикальная, немного выпуклая, обращена на ВСВ (аз. 165°). Поверхность камня сравнительно равная, мелкобугристая, повреждена трещинами и локальными участками отслоения верхней корки скальных пород. На высоте 1,7 м от подножия выявлена сложная конфигурация слабо рельефных линий, выполненных путем протирки (табл. 23). Угадывается контурная антропоморфная фигура с пара-

болоидным оформлением головы. Туловище у нее показано в фас, ноги развернуты в профиль. Руки разведены в стороны и подняты вверх. По периметру туловища зафиксированы боковые ответвления. Голову и верхнюю часть туловища фигуры пересекают незамкнутые линейные контуры (головы животных?).

Плоскость-12 находится в 20 м к югу от плоскости-11, в 32 м от берега реки, на высоте 9 м от уреза воды. Плоскость вертикальная, обращена на ЮВ (аз. 215°), в подножии имеет покатую площадку шириной 1 м. Поверхность камня сравнительно ровная, покрыта вертикальными желобками и перекрещивающимися диагональными трещинами.

Выявлены рисунки, выполненные охрой, путем протирки и шлифовки выбитых контуров. Центральную часть плоскости занимают рисованные контуры копытных животных, выполненных в «скелетном» стиле (табл. 24). В правой части плоскости зафиксирован параболоидный рельефный контур головы лося (?), частично промазанный охрой. Ориентированы животные в правую сторону.

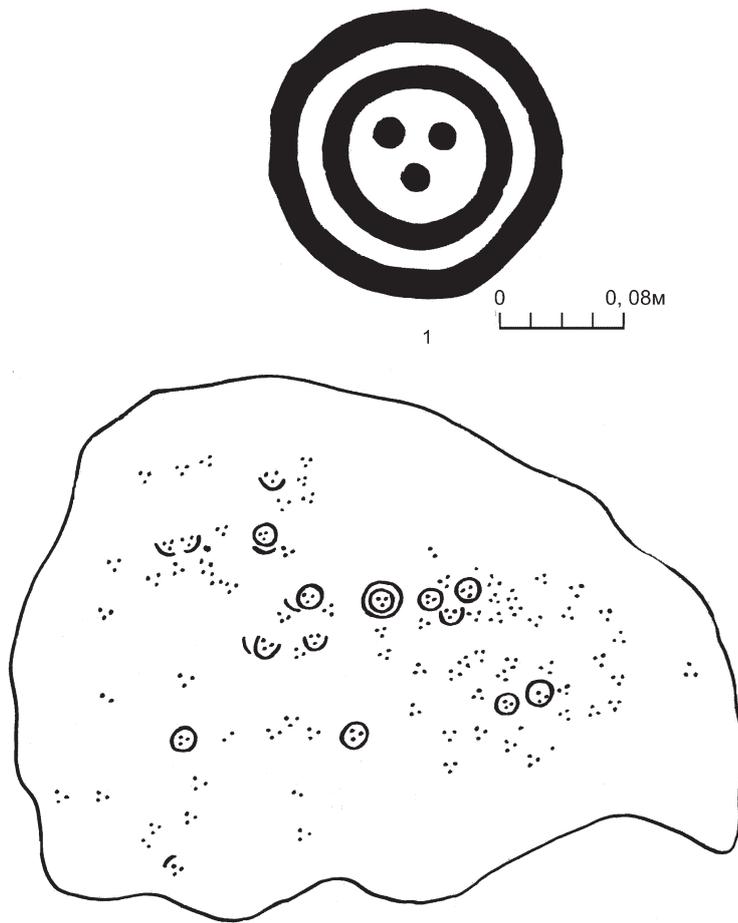

Табл. 24. Писаница Мурский порог. Плоскость 12

2.5. Петроглиф «Геофизик»

Петроглиф «Геофизик» представляет собой прибрежный валун диабаз, находившийся на левом берегу р. Ангары в 5 км ниже с. Богучаны (в сентябре 1994 г. перевезен на территорию Богучанского краеведческого музея) (табл. 2, № 17). Валун находился в непосредственной близости от уреза воды, и плоскость, на которую нанесены рисунки, обращена к воде. Ее площадь составляет около 7,6 кв. м. На ней первоначально было зафиксировано 91 изображение антропоморфных личин (табл. 25, рис. 1). Но вследствие антропогенного влияния часть рисунков уничтожена (табл. 26, фото 1).

Сохранившиеся личины представляют собой круглые ямки диаметром 1,4–3,8 см и глубиной 0,1–0,6 см, выполненные в технике выбивки с последующей шлифовкой (табл. 53, фото 2). Всего 136 ямок. В большинстве своем они встречаются по три и располагаются по контуру равнобедренного треугольника, обозначая глаза и рот (29 личин). Иногда различимы только «глаза» (14 личин), в трех случаях «рот» показан в виде горизонтального овала. Выявлены также восемь одиночных ямочных углублений. В центре плоскости находится солнечный знак в виде окружности с радиально расходящимися от нее «отростками» – лучами.

Табл. 25. Петроглиф «Геофизик»:

1 – копия личины (по Н.И. Дроздову); 2 – прорисовка изображений на камне (по Н.И. Дроздову).

1

2

Табл. 26. Петроглиф «Геофизик».

Вид на рисунке: 1 – в естественном виде; 2 – на копировальном материале

Одно ямочное углубление находится в центре солярного круга, два – на концах лучей. По причине многолетнего воздействия воды и льда внешние контуры личин, выполненные в технике неглубокой точечной выбивки, прослеживаются слабо или совсем не различимы. Видимые контуры имеют сердцевидную и череповидную формы, в ряде случаев – форму круга (табл. 26, фото 2).

2.6. Писаницы у п. Манзя

Комплекс петроглифов находится на правом берегу р. Ангары напротив п. Манзя (табл. 2, № 11) на береговом скальном массиве, сложенном известняками. Окружающая местность представляет собой таежную зону с холмистым рельефом (абсолютные отметки 300–600 м) правобережья р. Ангары.

Рисунки сконцентрированы на трех участках скального массива, разделенных мощными осыпями скальных пород (табл. 27), рисунки выполнены охрой красного цвета различных оттенков, нанесены на вертикальные плоскости, фиксируются на высоте 12–25 метров от уреза воды.

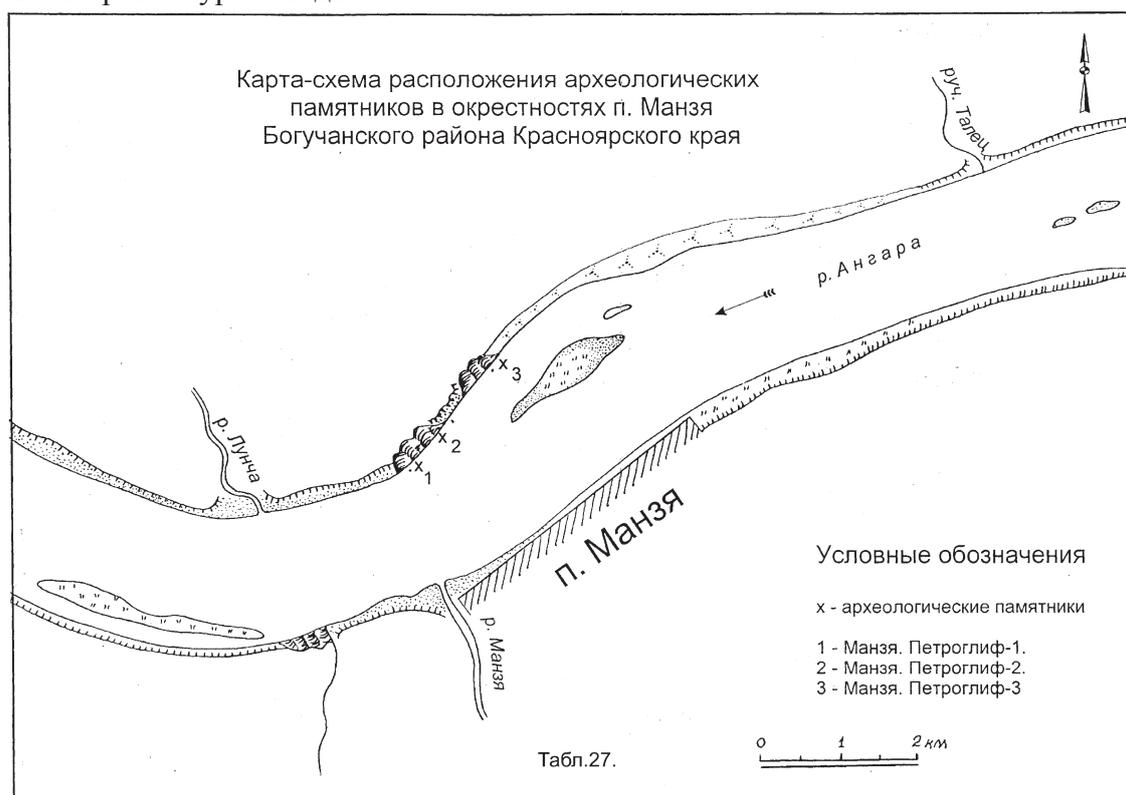

Табл. 27. Карта-схема расположения археологических памятников в окрестностях п. Манзя

Наиболее повышенная концентрация рисунков наблюдается в центральной части скального массива (писаница Манзя-II). Остальные, менее насыщенные рисунками участки скалы расположены на южной и северной окраинах скального массива (писаницы Манзя-I, III).

По сравнению с другими петроглифическими комплексами Нижней Ангары (Ивашкин ключ, Каменка, Шунтары, Выдумский Бык и др.), в силу геоморфологической специфики строения скальных пород массива и гидродинамических особенностей течения реки на данном участке русла, плоскости с рисунками на писаницах Манзя-I, II, III сравнительно более доступны. Они находятся в непосредственной близости к верхней кромке осыпей или скальным площадкам в их подножии. Вместе с тем доступ к ряду плоскостей был возможен только с помощью скалолазного снаряжения.

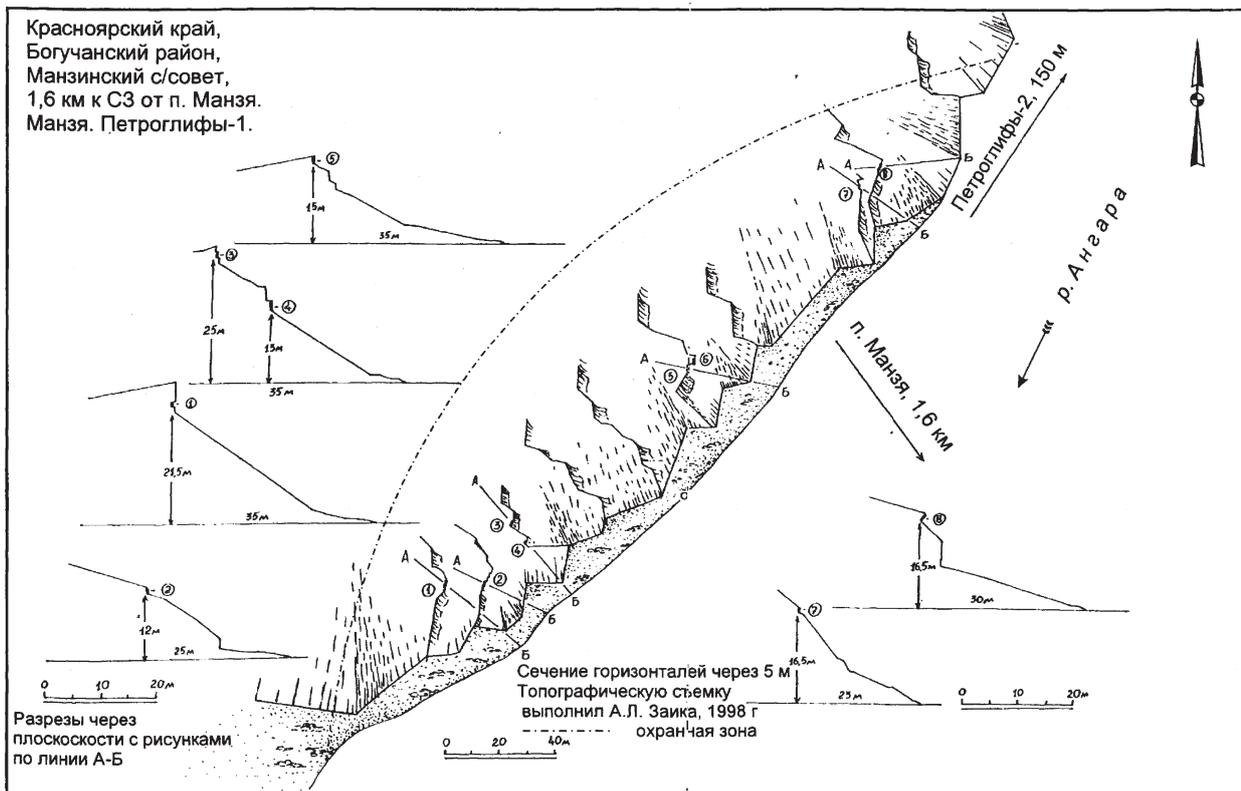

Табл. 28. Манзя. Петроглифы 1 (Писаница Манзя-I). Топографический план

Табл. 29. 1 – Писаница Манзя-1.
Плоскость 2. Вид с юго-востока.
2 – Писаница Ивашкин Ключ-II.
Плоскость 33. Вид с юго-запада

Писаница Манзя-I

Памятник расположен на южной оконечности скального массива в 1,6 км к северо-западу от п. Манзя, в 150 м к ЮЗ от писаницы Манзя-II (табл. 27, № 1). На протяжении 240 м выявлено 8 участков с рисунками (табл. 28). На двух плоскостях в композициях присутствуют антропоморфные изображения.

Плоскость 2. Расположена в 15 м к востоку от плоскости 1 на высоте 12 м от уреза воды, обращена на ВЮВ (аз. 10°), является частью узкого (1 м) длинного диагонального фриза скалы. Поверхность плоскости ровная, сильно повреждена широкими участками неглубокого (3–5 мм) отслаивания наружной «корочки» скальной породы, покрыта известняковыми натечками. Сохранилась левая часть многофигурной композиции (табл. 30).

В верхней части выявлены фрагменты линейной фигуры, соединенные перемычкой с конфигурацией из концентрических кругов (возможно, личина). В центральной части плоскости находятся фрагменты рисунков в виде частично оконтуренной антропоморфной ли-

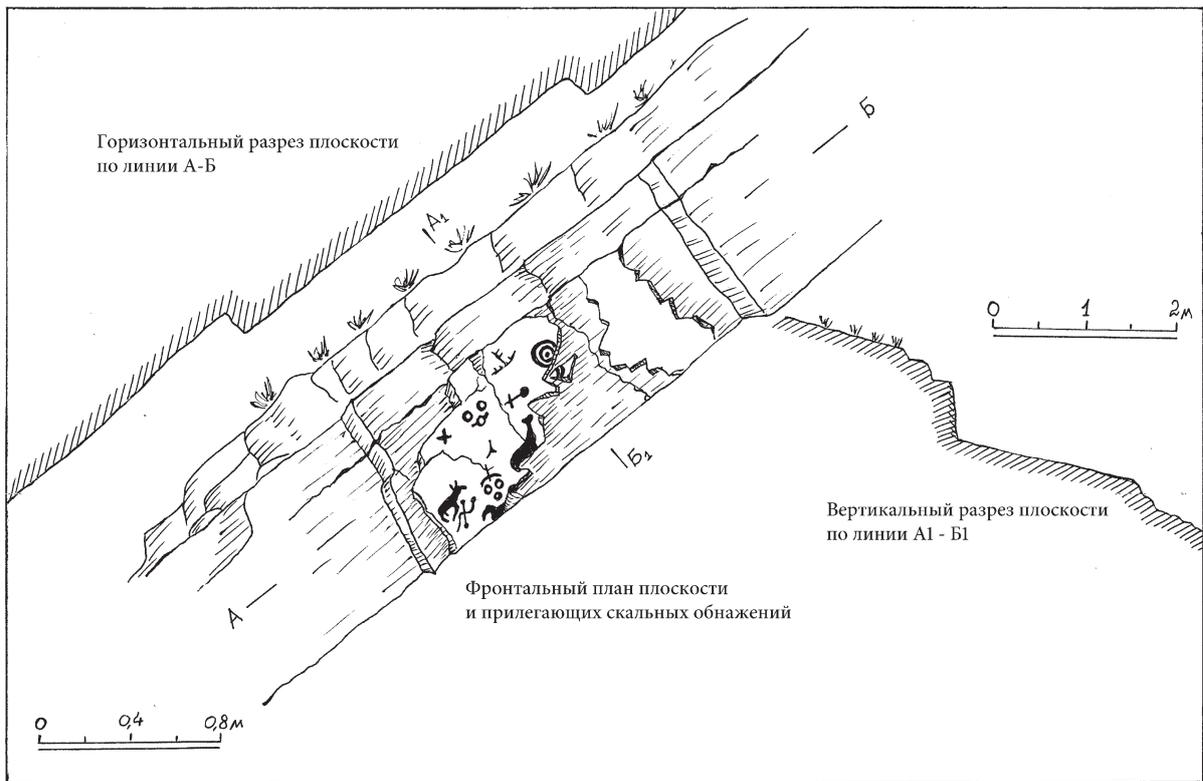

Табл. 30. Писаница Манзя-1. Плоскость 2. План и разрезы плоскости

чины, силуэтной фигуры животного, крестовидных знаков. В левой нижней части плоскости расположены изображения еще одной личины, свастики, силуэтной фигуры копытного животного (лось?) и фрагмента трудноопределимой фигуры (табл. 31).

Рисунки выполнены красной охрой вишневого оттенка. Знаковый символ в виде свастики выполнен в более темных, концентрические круги – в более светлых тонах (табл. 29, фото 1).

Плоскость 7. Находится в 70 м к СЗ от плоскости 6, на высоте 16,5 м от уреза воды. Плоскость является частью узкого, длинного фриза скалы диагонально пересекающего скальный массив. Плоскость сравнительно ровная, частично повреждена выломами, трещинами и известковыми натеками, под отрицательным углом к линии горизонта обращена на восток (азимут 13°).

В центральной верхней части плоскости выполнены четкими мазками охры вишневого цвета фрагменты линий и изображение прямого креста. В нижней части плоскости

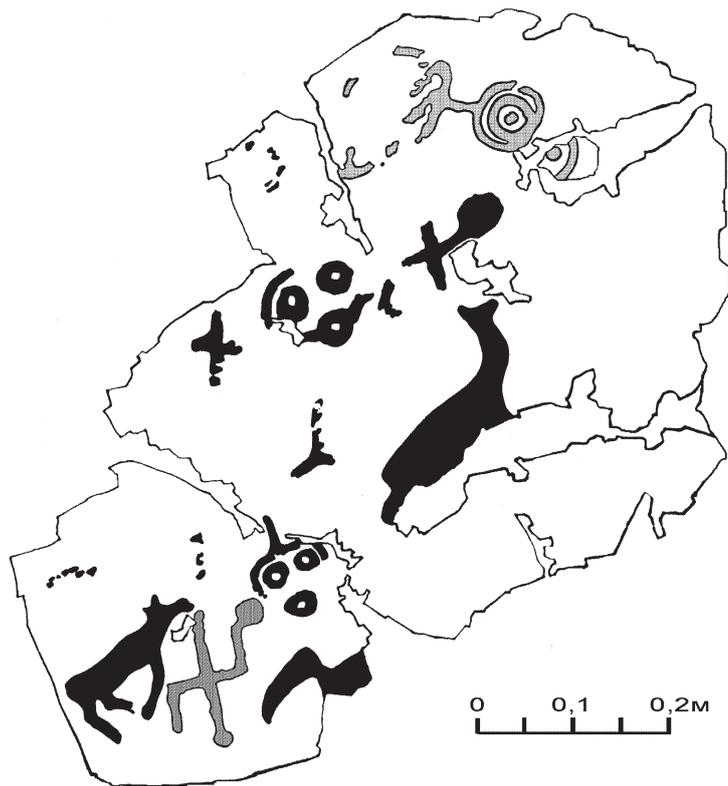
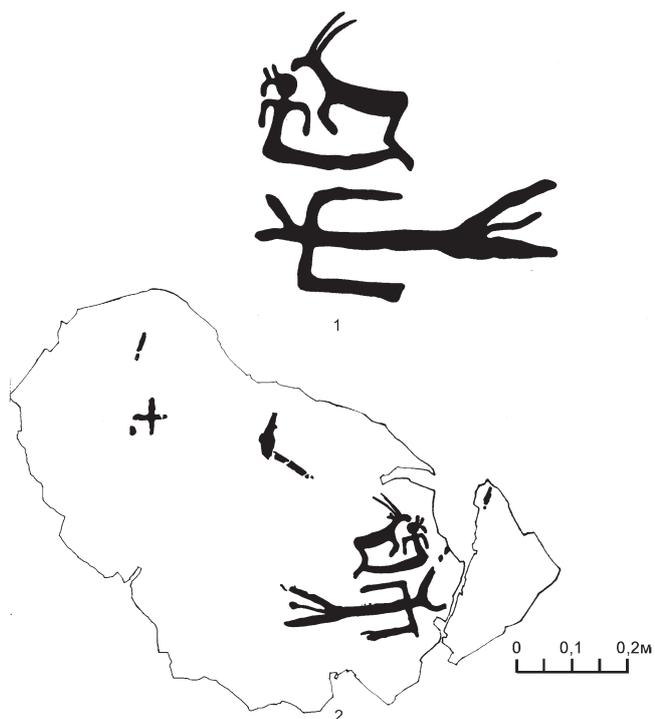

Табл. 31. Писаница Манзя-1. Плоскость 2. Копии рисунков

Табл. 32. Писаница Манзя-I. Плоскость 7:

1 – копии рисунков по Окладникову А.П. (Манзя, рисунок 4);

2 – копии рисунков по А.Л. Заике

выявлена лаконичная композиция из трех полуразмытых фигур, выполненных охрой более светлых тонов. Представлена горизонтальная антропоморфная фаллическая фигура «шамана» в «рогатом» головном уборе, выполненная в линейном стиле. Над ней расположена другая линейная антропоморфная фигура, показанная в положении сидя (в лодке?). Туловище и руки развернуты в фас, голова и нижние конечности – в профиль (табл. 32, рис. 2). На голове у нее показан головной убор в виде бокового пучка из трех линий. Слева к ней примыкает фигура животного. Копытное животное (козел?) обращено к человеку, показано в динамике прыжка.

Писаница Манзя-II

Памятник расположен в центральной части скального массива на высоте 13–25 м от уреза воды, в 1,8 км от п. Манзя, в 150 м к СВ от писаницы Манзя-I (табл. 27, № 2). Местонахождение является наиболее насыщенным петроглифами. На территории памятника в общей сложности выявлено 32 плоскости с рисунками, сконцентрированными на четырех участках скалы (табл. 33). На пяти плоскостях присутствуют отдельно либо в композициях антропоморфные изображения.

Первая группа плоскостей находится на южной оконечности памятника, выявлена на широком (4 м) участке скальных обнажений, обращенных на восток и юго-восток, на высоте 13 м от уреза воды. Плоскости неровные, обильно покрыты трещинами, разрушены выломами скальных пород, разделены участками осыпей, гранями выступов и поворотов каменных выходов.

Плоскость 1 находится на левом участке обнажений, представляет собой фрагмент широкого отвесного фриза скалы, обращена на восток (аз. 10°) (табл. 34). В центральном, верхнем и левом участках плоскости выявлены крестовидные знаки. В нижней части зафиксированы две линейные антропоморфные фигуры. У левой фигуры голова показана контурно в виде округлого ромба, у правой фигуры голова практически не обозначена, нижнюю часть туловища пересекают две горизонтальные линии. Все рисунки темно-бордового цвета, кроме одного креста кирпичной расцветки.

Вторая группа (*11–17 плоскости*) расположена в 80 м к СВ от участка с плоскостями 1–10 на участке скальных обнажений протяженностью 7 м. Скальный фриз высотой 2,5 м на высоте 15 м от уреза воды круто, по диагонали (под углом 30–40°) пересекает скальный массив, обращен на восток, в подножии имеет мощную осыпь с крутыми скатами. Скальные

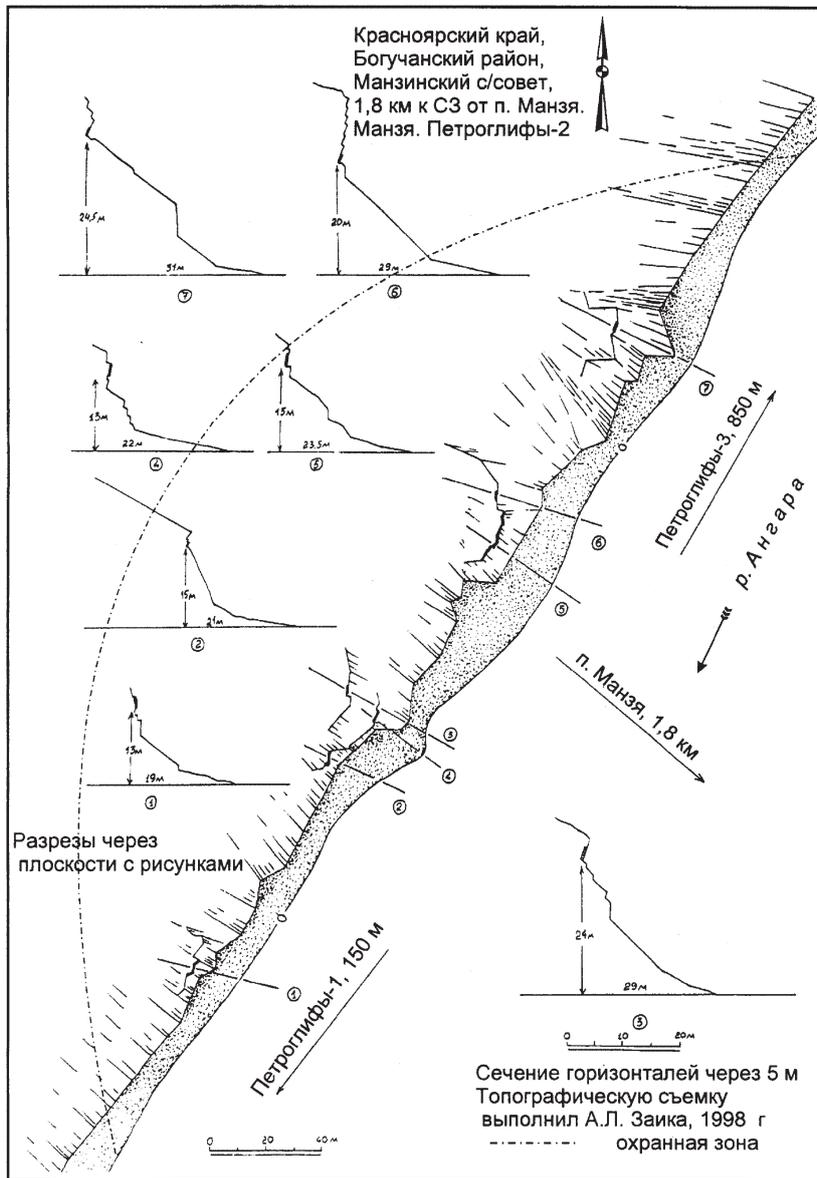

Табл. 33. Манзя. Петроглифы-2 (Манзя-2).

Топографический план

обнажения неровные, изобилуют выступами, выломами, трещинами, широкими участками осыпавшихся скальных пород.

Плоскость 17 находится в крайней левой части данного участка скалы, является торцевой плитой подножия скального фриза. В отличие от других плоскостей, она под положительным углом наклона ($+30^\circ$) обращена на юг (аз. 85°) (табл. 36, рис. 1). В верхней части плоскости выявлено плохо просматриваемое под слоем известковых натечков изображение антропоморфной фигуры, выполненное охрой вишневого цвета. Линейное туловище фигуры пересекают три параллельные горизонтальные черты. Голова показана большим округлым пятном, имеет вертикальный головной убор в виде креста. Контур головы пересекают два горизонтальных росчерка. Постановка ног П-образная, ступни не обозначены. Между ног показан гипертрофированный фаллос с ярко выраженным округлым окончанием.

Третья группа (18–19 плоскости) находится в 50 м к СВ от плоскости 17 на отвесном обнажении скальных выходов, обращенных на восток. Поверхность скальных фризов неровная, бугристая, расчленена глубокими трещинами, расщелинами, несет на себе следы других видов разрушений (отслаивание скальных пород, выпадение крупных каменных блоков). Рисунки выявлены на двух смежных плоскостях на высоте 13 м от уреза воды. Подходы к плоскостям затруднены: подножием их являются отвесные фризы скалы (табл. 35).

Плоскость 18 средних размеров, подчетыреугольной формы, ограничена трещинами, под отрицательным углом наклона (-10°), обращена на восток (азимут 5°). На поверхности плоскости выявлена многофигурная композиция (табл. 36, рис. 2). В левой части плоскости распложены две силуэтные фигуры животных и одно антропоморфное изображение. Крупная фигура животного, которое по характерным признакам (спинной горб, подшейная кисть) можно считать лосем, как бы нависает над двумя нижними. Ноги животного слегка согнуты, копыта не обозначены. На голове показаны одной линией уши, рога – в виде одно-

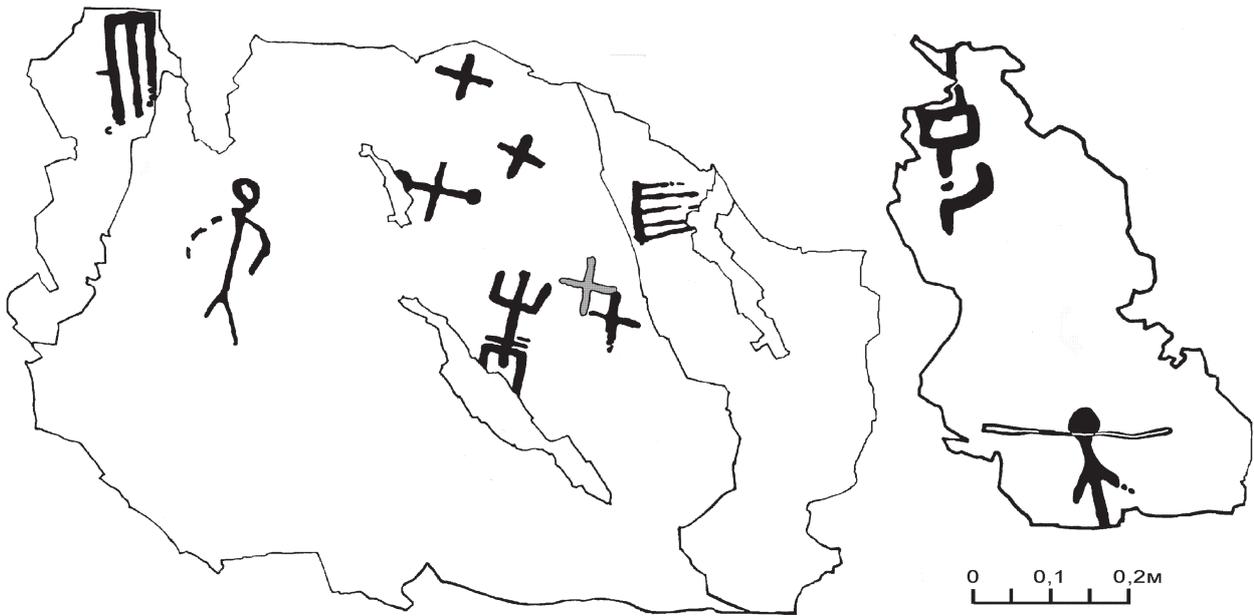
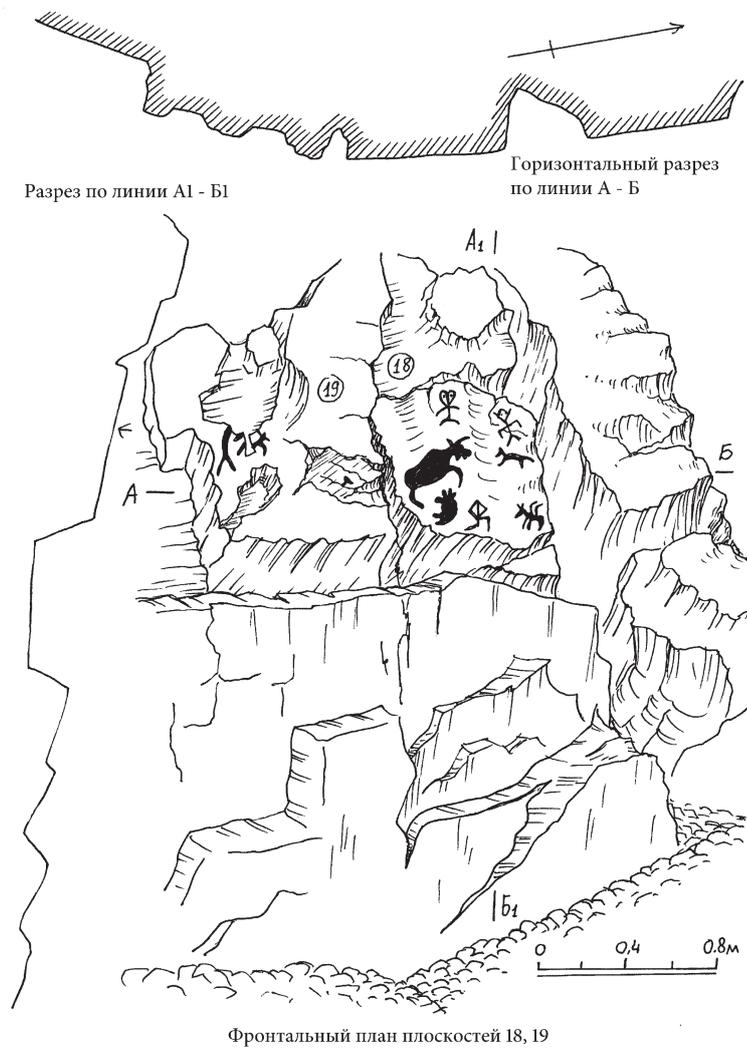

Табл. 34. Писаница Манзя-II. Плоскости 1-4

Фронтальный план плоскостей 18, 19

Табл. 35. Писаница Манзя-II. Плоскости 18, 19.
Фронтальный план и разрезы

го загнутого вперед отростка. Ниже лосся, под его животом, находится рисунок другого животного, предположительно медведя, который показан в вертикальном положении (сидя?). Фигура профильная, передние и задние конечности слегка подняты и вытянуты вперед (влево), на голове видны уши. Справа от него находится антропоморфная линейная фигура. Она напоминает бегущего человека. Ноги показаны в профиль, туловище – в фас, причем руки согнуты в локтях и опираются на бедра, голова не обозначена.

В верхней части плоскости можно видеть антропоморфную фигуру, изображенную в фас и выполненную в линейном стиле. Голова показана в форме сердцевидной личины, руки и ноги расставлены в стороны. Нижняя часть левой ноги обрывается выломом скалы. В правом верхнем углу плоскости находится другая линейная антропоморфная фигура. Голова у нее показана в виде ромба, глаза обозначены двумя вытянутыми вертикально точками. Длинная шея обра-

зует одну линию с туловищем, руки согнуты в локтях, опущены вниз. Прямые ноги расставлены в стороны. Непосредственно под этим изображением находится силуэтный рисунок животного, показанного в позе внезапной остановки. Хвост животного вытянут вдоль туловища, морда – навстречу лосю.

В самом низу, в правом углу плоскости, изображено животное, судя по всему, копытное, с двумя отростками на спине в виде вертикальных загнутых под прямым углом линий. На голове имеются два отростка (уши, рога). Животное показано статично (конечности вертикально опущены вниз).

Все рисунки выполнены охрой одного цвета – вишневого. Вместе с тем необходимо отметить, что верхние антропоморфные фигуры с масками-личинами нанесены на поверхность сравнительно свежих сколов плоскости.

Четвертая группа (31–32 плоскости) находится левее, за поворотом скалы, на широком скальном фризе высотой около 6 м и протяженностью около 5 м. На высоте 15 м от уреза воды плоскости под отрицательным углом наклона ($-12-15^\circ$) обращены на восток и юго-восток. Скальный фриз неровный, сильно поврежден вертикальными трещинами и расщелинами, изобилует выступами и выломами скальных пород.

Плоскость 31 расположена в 2,5 м правее плоскости 30 на фрагментарно сохранившейся поверхности скального фриза, ограниченного глубокими вертикальными расщелинами (табл. 37). Под отрицательным углом наклона (-15°) она обращена на ВЮВ (азимут 20°), в подножии имеет неширокий уступ. Поверхность плоскости расчленена глубокими диагональными трещинами, верхняя ее часть на широком участке сильно разрушена по причине осыпания скальных пород.

У верхней кромки плоскости, в правой ее части, на высоте 1,2 м от подножия выявлена фрагментарно сохранившаяся антропоморфная фигура (рассечена пополам вертикальной трещиной). Контур туловища имеет подтреугольную форму, прямые линии рук опущены вниз. Ноги согнуты в коленях, соединены вместе, образуя ромбовидный контур, ступни развернуты наружу. Верхняя часть фигуры на уровне головы разрушена. Цвет рисунка – темно-вишневый. Левее и ниже, на внутренней поверхности вылома, выявлены фрагменты линейной антропоморфной фигуры с широко расставленными ногами и одной рукой. Сквозь слой мощных известняковых натеків цветовой оттенок охры определить трудно.

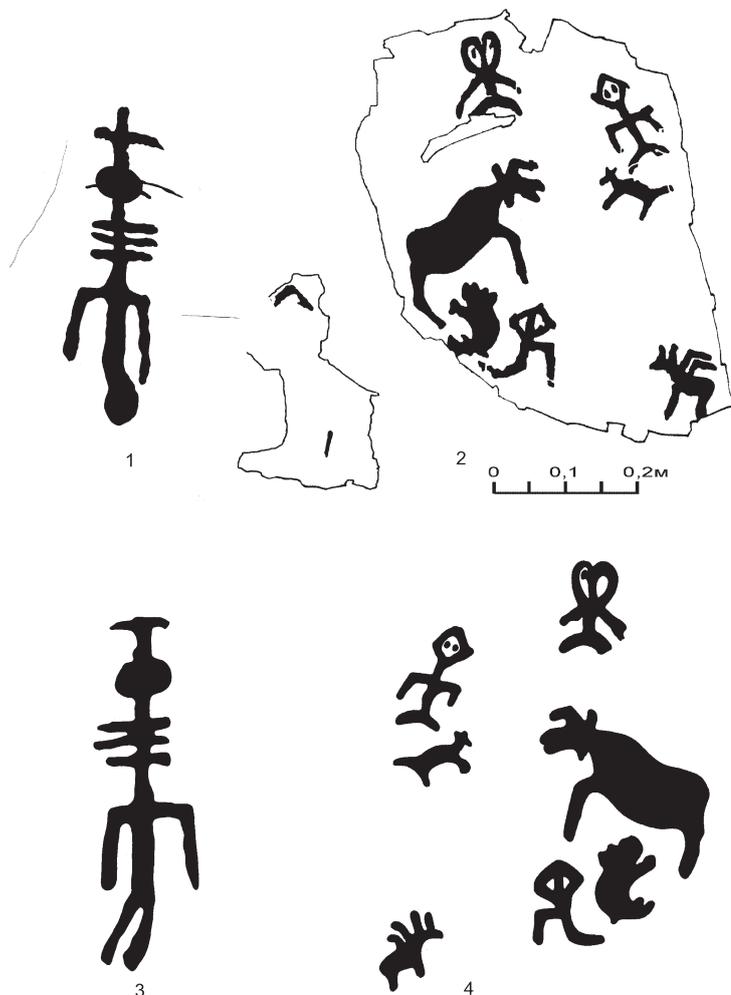

Табл. 36. Писаница Манзя-II. Плоскости 17, 18.

Копии рисунков:

1, 2 – по А.Л. Заике; 3, 4 – по А.П. Окладникову

Табл. 37. Писаница Манзя-II. Плоскость 31.
Копии рисунков

Ниже, на ступенчатом выступе плоскости, с правой стороны вертикальной трещины выявлена крупная силуэтная антропоморфная фигура (табл. 37). Широкая в нижней части, она имеет подтреугольную форму туловища, заканчивается длинной узкой шеей. Округлая голова увенчана двумя «рогами». Рога дугообразные, концами опущены вниз. Поперечная линия рук широкая, короткая. Другая короткая широкая линия перпендикулярно примыкает к нижней части туловища с правой стороны. Выполнен рисунок охрой вишневого цвета. Ниже, на поверхности выступа, на высоте 0,2 м от подножия выявлен фрагмент вертикального мазка охры того же цвета.

Четвертый участок с рисунками расположен в крайней правой части писаницы, в 100 м к северо-востоку от плоскости 31 на высоте 24,5 м от уреза воды, на скальном фризе скалы, обращенном на ВЮВ. На территории участка выявлена одна *плоскость 32* с рисунками (табл. 38, рис. 1). Поверхность скального фриза сильно повреждена вследствие эрозийных процессов. На высоте 0,9 м от подножия выявлен локальный участок сохранившейся внешней поверхности скалы под отрицательным углом наклона (-15°), обращенный на ВЮВ (азимут 15°).

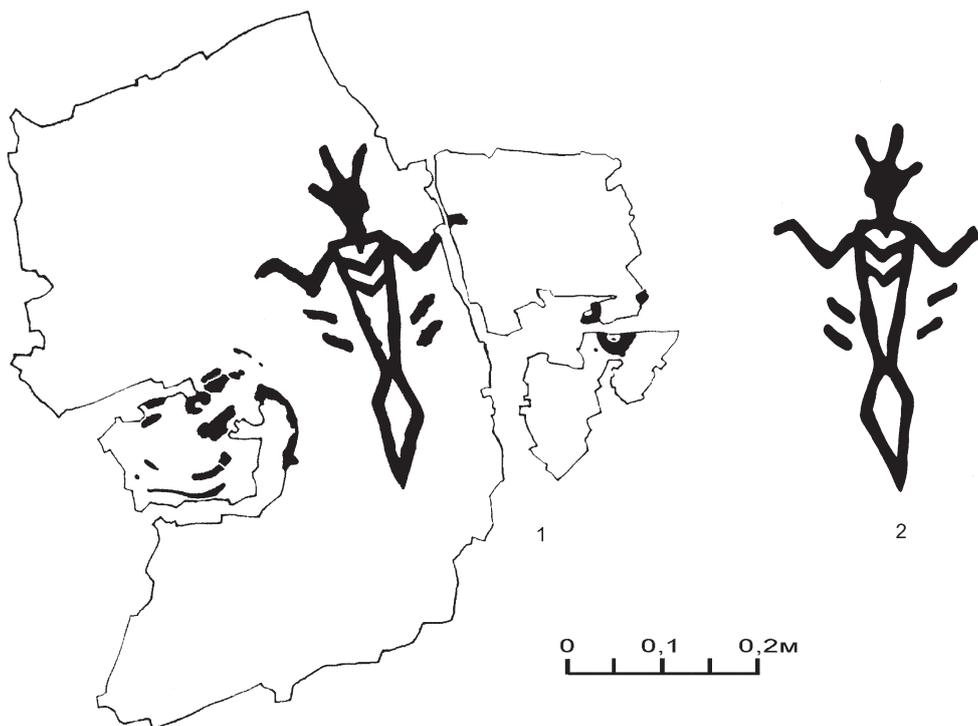
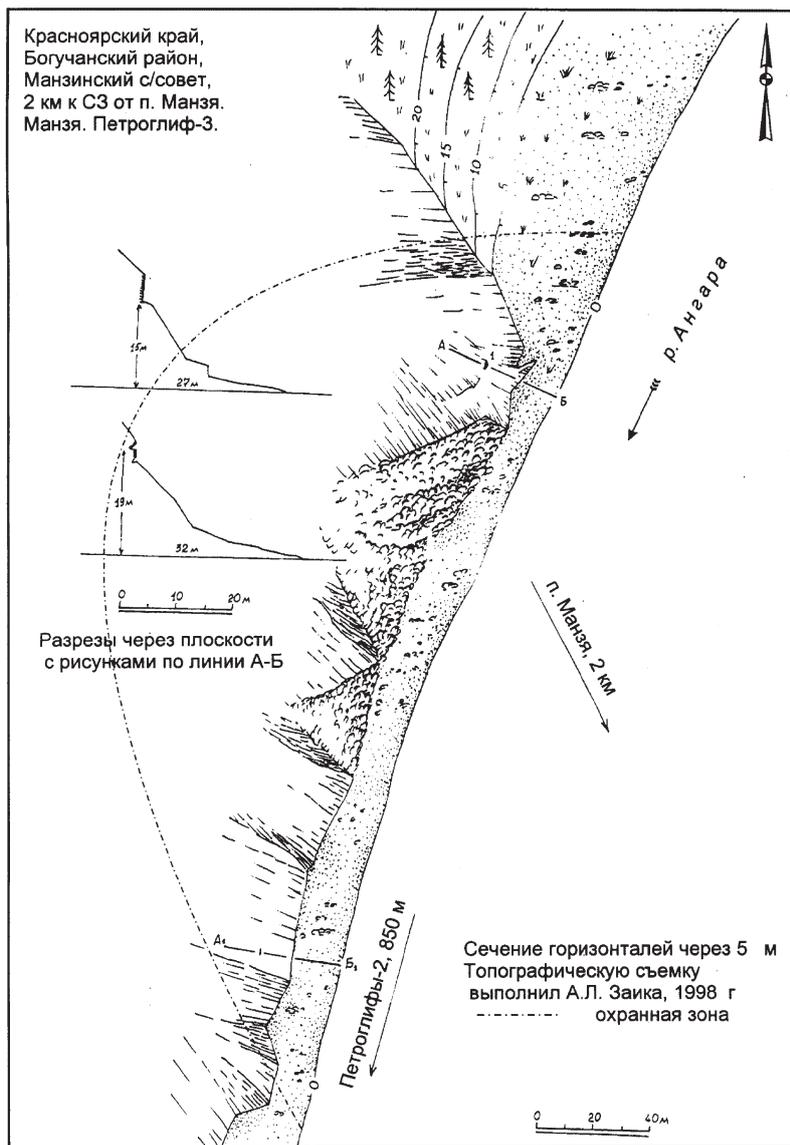

Табл. 38. Писаница Манзя-II. Плоскость 32. Копии рисунков:
1 – по А.Л. Заике; 2 – по А.П. Окладникову

Табл. 39. Манзя. Петроглифы-3 (писаница Манзя-III).

Топографический план

видны неопределенные линии охры того же цвета. В 0,6 м левее, на высоте 1 м от подножия зафиксированы яркие горизонтальные и вертикальные мазки и росчерки охры бордового цвета.

Писаница Манзя-III

Памятник расположен на северной оконечности скального массива в 2 км к СЗ от п. Манзя, на расстоянии 750 м к СВ от петроглифов Манзя-II, на высоте 15–19 м от уреза воды (табл. 27, № 3). Границы памятника имеют размеры: по линии север – юг – 240 м, по линии запад – восток – 80 м (табл. 39). Рисунки выявлены на шести плоскостях, обращенных на восток и ЮВ, представлены антропо- и зооморфными фигурами, знаковыми символами, личинами фантастического облика.

Плоскость 1 расположена на высоте 20 м от уреза воды, небольшая, ограничена естественным выступом камня, вертикальная, обращена на юг. Выявлена неоконтуренная антропоморфная личина, выполненная охрой малиновой расцветки. Глаза у нее обозначены

В центре плоскости изображена контурная «рогатая» антропоморфная фигура, выполненная в «скелетном» стиле. Вертикально вытянутый подтреугольный контур туловища в верхней части пересекают сходящиеся под углом линии двух пар «ребер». Согнутые в локтях руки симметрично расставлены в стороны, кисти рук развернуты наружу и приопущены вниз. Ноги согнуты в коленях, сведены вместе, образуя ромбовидный контур, ступни не обозначены. На короткой шее округлым пятном показана голова с тремя прямыми линиями «рогов», по обе стороны туловища нанесены парные косые мазки охры, параллельные линиям «ребер». Цвет охры – бордовый (вишневый с бурым оттенком) (табл. 15, фото 2).

Правее выявлены фрагменты трех кольцевидных фигур, расположенных по контуру равнобедренного треугольника (личина?). Слева от антропоморфной фигуры фрагментарно

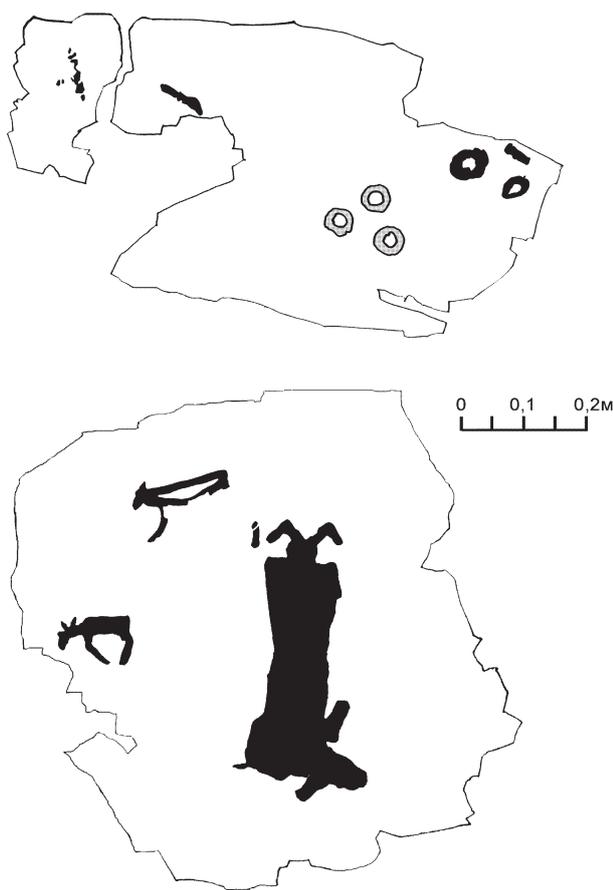

Табл. 40. Писаница Манзя-III. Площадки 3–4

пятнами, рот – короткой чертой. Над глазами, сходящимися под углом линиями, показан сердцевидный прогиб (табл. 41, рис. 1).

Площадь 2 расположена севернее плоскости 1, на высоте 16 м от уреза воды и обращена на ВЮВ (азимут 15°). Выявлена одиночная линейная фигура бордового цвета. Она имеет вид вертикальной линии, оканчивающейся вверху развилкой, внизу – кольцом, поделена пополам короткой горизонтальной чертой (табл. 41, рис. 2).

Площадь 3 находится в 3 м к северу от плоскости 2, на высоте 17 м от уреза воды, под положительным углом наклона (15°) обращена на восток (азимут 355°). Снизу и с боков ограничена осыпями, в верхней части имеет плоскую полочку (ширина 4 м) с широким навесом скальных пород. На вертикальной части плоскости, покрытой мощными известковыми натечками, выявлены две зооморфные и одна антропоморфная фигуры (табл. 40).

Крупная силуэтная человеческая фигура имеет: широкие, четко обозначенные плечи, удлиненное объемное туловище, которое в нижней части аморфно заканчивается двумя вертикальными и одним горизонтальным выступом. Конечности и шея отсутствуют. Голова глубоко «посажена» в плечи, имеет вид округлого пятна, увенчана двумя «рогами», концы которых опущены вниз. Слева от головы находится короткий мазок охры. Фигура выполнена красной охрой розоватого оттенка, сильно покрыта известковыми натечками, просматривается очень слабо.

Фигуры животных находятся левее, ориентированы в левую сторону (вниз по течению реки), выполнены охрой вишневого цвета. Верхняя фигура выявлена фрагментарно, выполнена контурно, показана в позе внезапной остановки. Животное имеет сегментовидное туловище, короткую широкую шею, голова и уши условно показаны короткой вертикальной чертой. Пары конечностей обозначены одиночными, сплошными линиями, под углом вынесены вперед, хвост не обозначен.

Нижняя фигура небольшого копытного животного (лосенок?) показана силуэтно. Конечности обозначены так же, согнуты на уровне коленных суставов, обращены вовнутрь. Туловище имеет подчетырехугольную форму, спинной горб подчеркнут опущенной вниз короткой шеей с массивной головой. Уши показаны развилкой коротких тонких линий, хвост не обозначен. Фигуры животных частично перекрыты известковыми натечками.

Площадь 4 находится выше плоскости 3, является скальным навесом над ней, обращена на ЮВ (азимут 45 °). Площадь сравнительно ровная, широкая (1–1,6 м), нависает под углом 50°. В центральной части плоскости выявлены две неоконтурные антропоморфные личины. Глаза у них показаны в виде окружностей, рот у верхней личины имеет вид короткой горизонтальной черты, у нижней – окружности (табл. 40). Личины показаны в перевернутом виде. Верхняя личина выполнена охрой бордового цвета, нижняя – кирпичного

оттенка. Слева на поверхности плоскости нанесены короткие линии тех же цветов.

Плоскость 5 находится в 220 м к СВС от плоскости 4, на северной оконечности скального массива, на высоте 15 м от уреза воды. Участок с рисунками находится в нижней части скального фриза с небольшой узкой горизонтальной площадкой у подножия, граничащей с крутой, мощной осыпью. Поверхность плоскости неровная, имеет локальные выступы и западения, нарушена вертикальными щелями и трещинами, выломами и широкими участками отслаивания скальной породы.

Плоскость вертикальная, в плане немного выпуклая, ограничена поворотами скальных выступов. Выявлены изображения людей, животных, птиц, знаковых символов (табл. 41, рис. 3). В верхней части плоскости рисунки выполнены охрой бордового цвета, в центральной – с кирпичным, в нижней – с розовым оттенками.

В верхней части зафиксированы фрагменты линейных фигур, незаконченный контур головы животного, линейная «рогатая» антропоморфная фигура, шагающая в правую сторону. Голова и туловище у нее показаны в фас, ноги с хорошо выраженными ступнями – в профиль. Правее расположена другая антропоморфная фигура, выполненная в «скелетном» стиле и показанная в фас. Округлая голова у нее глубоко «посажена» в плечи, руки согнуты в локтях, опущены вниз. Ноги согнуты в коленях и сведены вместе на уровне ступней, сами ступни не обозначены.

Центральную часть плоскости занимают линейные крестовидные и орнитоморфные фигуры, здесь же представлен фрагмент трудноопределимой фигуры (возможно, личины) в виде вертикальной дуги с круто закрученным верхним концом. Ниже фрагментарно выявлен контур трудноопределимого животного, ориентированного в правую сторону. Шея и голова у него перекрыты крылом орнитоморфной фигуры. На противоположном конце туловища симметрично им обозначен поднятый хвост. Животное показано статично, в позе внезапной остановки, аккуратно вписано между двух антропоморфных фигур, находящихся ниже.

Человеческие фигуры – силуэтные, объемные, реалистичные, показаны в динамике движения в правую сторону, выполнены охрой розового оттенка. Гипертрофированные го-

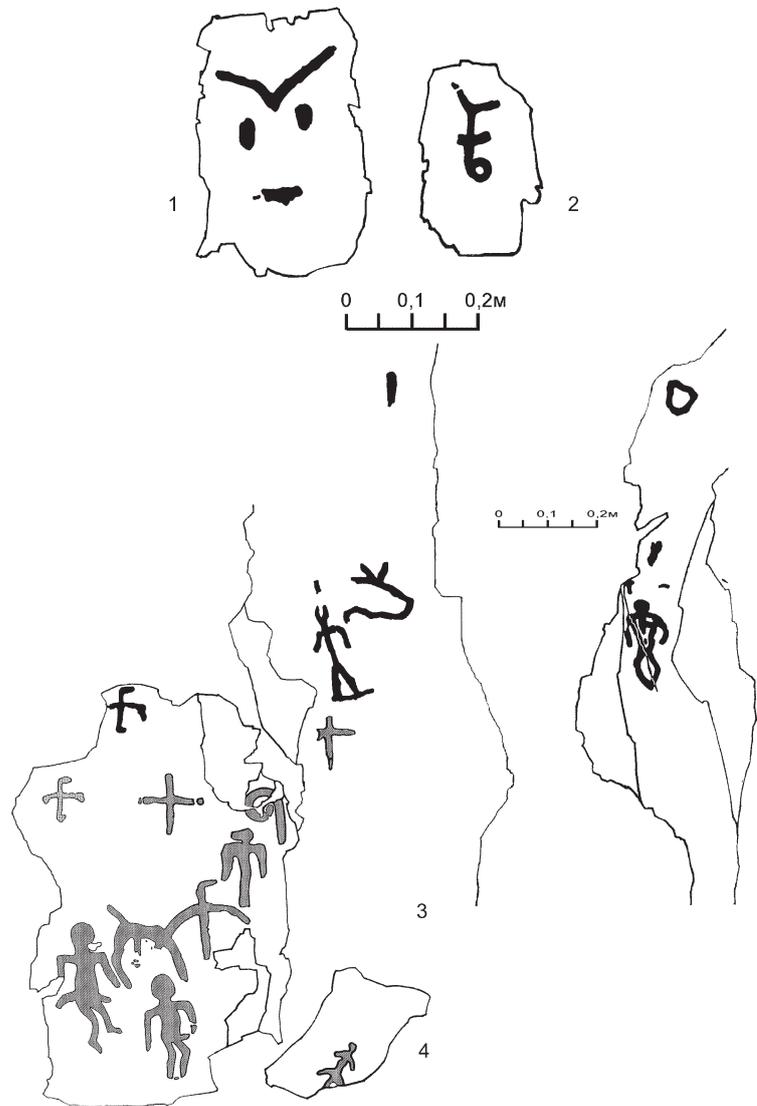

Табл. 41. Писаница Манзя-III. Копии рисунков:

1 – плоскость 1; 2 – плоскость 2; 3 – плоскость 5; 4 – плоскость 6

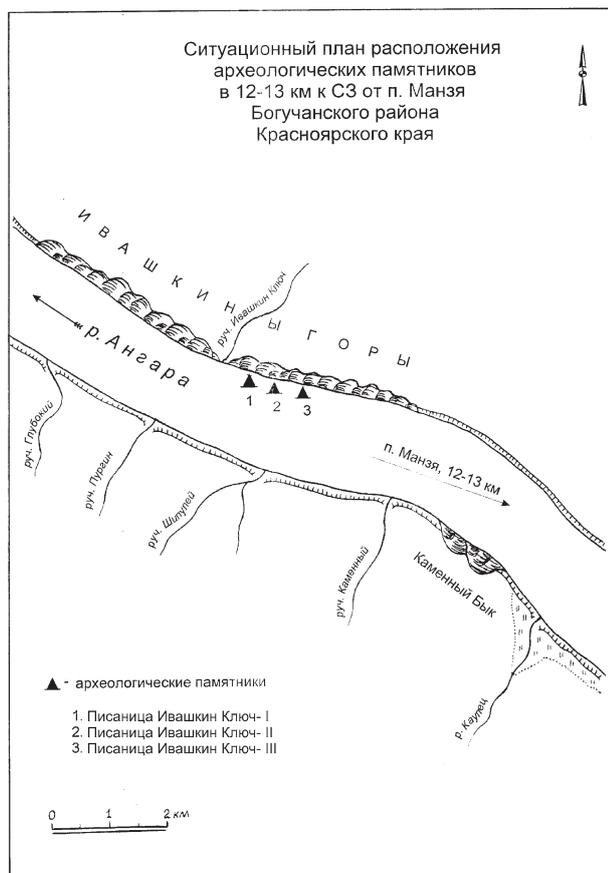
ловы показаны в виде больших округлых пятен, вместе с опущенными вниз руками развернуты в фас. Туловище и ноги показаны в профиль. В виде горизонтальных линий оформлены фаллические отростки и в одном случае – хвост. Туловище имеет характерный спинной прогиб и грудной выступ, подчеркнута линия ягодиц. Линии согнутых в коленях ног параллельны, заканчиваются небольшими ступнями.

Плоскость 6 находится правее и является боковой гранью скального фриза с плоскостью 5. На небольшом каменном выступе с положительным наклоном, обращенном на ЮВ, выявлен фрагмент линейной фаллической антропоморфной фигуры. Рисунок выполнен охрой с розовым оттенком (табл. 41, рис. 4).

2.7. Комплекс петроглифов «Ивашкин Ключ»

Комплекс петроглифов «Ивашкин Ключ» находится на правом берегу р. Ангары, в 12–13 км к северо-западу от п. Манзя, на южном береговом обнажении скального массива «Ивашкины горы», сложенного известняками (табл. 2, № 11).

Рисунки сконцентрированы на трех участках скального массива восточнее (выше по течению р. Ангары) устья ручья Ивашкин Ключ, встречаются на протяжении около 1 км (табл. 42). Рисунки выполнены красной охрой различных оттенков, красящим пигментом черного цвета и росчерками минерального карандаша, нанесены на вертикальные плоскости, фиксируются на высоте 13–25 м от августовского уреза воды.

Табл. 42. Ситуационный план расположения археологических памятников в 12–13 км к СЗ от п. Манзя

Наиболее повышенная концентрация рисунков наблюдается в центральной части скального массива (писаница Ивашкин Ключ-II). Остальные, менее насыщенные рисунками участки скалы расположены на восточной и западной окраинах скального массива (Ивашкин Ключ-I, III).

Писаница Ивашкин Ключ-I

Писаница расположена в 13 км к СЗ от п. Манзя, в 0,4 км выше устья руч. Ивашкин Ключ (табл. 42, № 1). На протяжении 40 м, на высоте 13–20 м от уреза воды, на четырех отрицательно наклоненных плоскостях выявлены рисунки, выполненные красной охрой кирпичного оттенка. Экспонированы рисунки на юг и юго-запад. Зафиксированы антропо- и зооморфные фигуры, крестовидные знаки.

Писаница Ивашкин Ключ-II

Писаница расположена в 12,5 км к СЗ от п. Манзя, в 100 м к ЮВ от писаницы Ивашкин Ключ-I (табл. 42, № 2). Рисунки

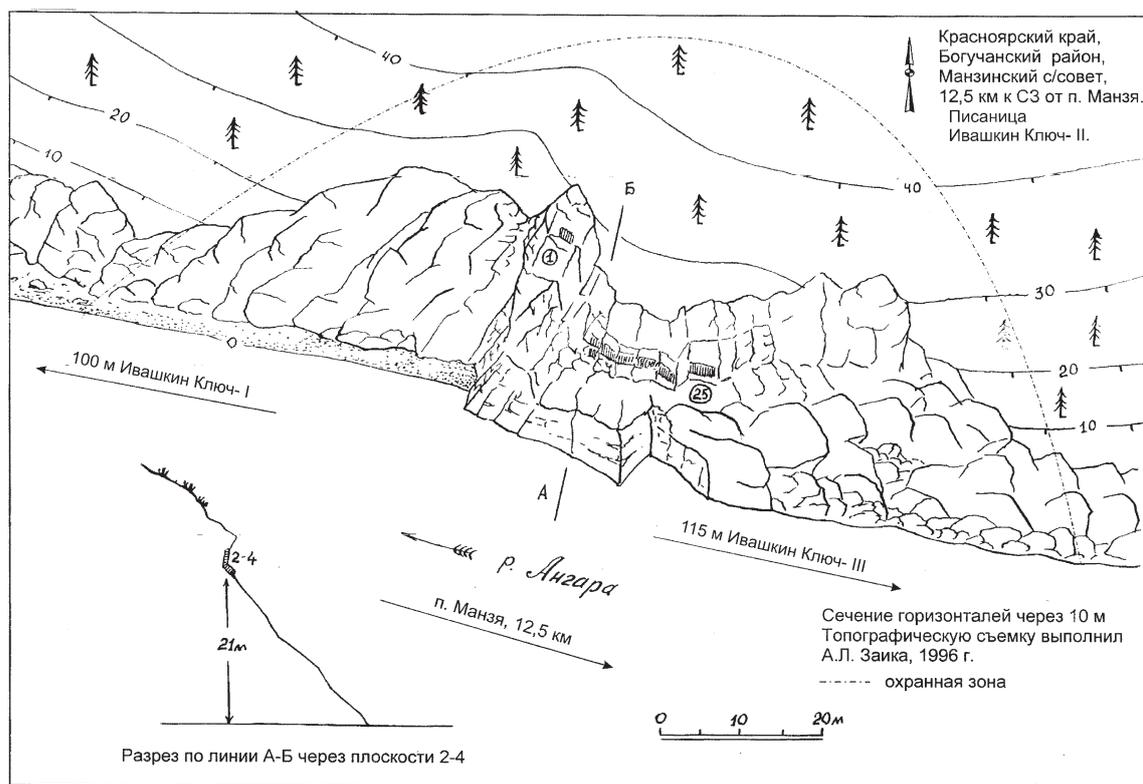

Табл. 43. Писаница «Ивашкин Ключ-II». Топографический план

выявлены на протяжении 40 м, на высоте 18–25 м от уреза воды, на 25 плоскостях, обращенных на юг и юго-запад (табл. 43). Плоскости в подножии имеют неудобные площадки с крутым уклоном в сторону реки и сложные подступы к ним.

Рисунки выполнены красной охрой различных оттенков, красящим пигментом черного цвета и росчерками минерального карандаша. Выявлено более 150 изображений в виде антропо- и зооморфных фигур, лодок, птиц, всадников, знаковых символов. Наибольший интерес представляют антропоморфные личины фантастического облика.

Плоскость I находится на западной оконечности писаницы на высоте 25 м от уреза воды (табл. 43, № 1). Широкий отвесный фриз под отрицательным углом наклона (-30°) обращен на ЮЗ (азимут 130°). Поверхность плоскости сравнительно ровная, по всей площади покрыта мощными известковыми натечками, в нижней части повреждена широкими участками отслаивания скальных пород на глубину 0,5–5 см.

Рисунки выявлены в центральной части плоскости на высоте 0,4–1,4 м от подножия, выполнены красной охрой вишневого оттенка, повреждены выломами, покрыты известковыми натечками. Изображения свободно расположены на плоскости и, по всей видимости, составляют единовременную композицию (табл. 44).

В центре находится незамкнутая антропоморфная личина фантастического облика. Глаза у нее большие, имеют вид окружностей с пятном в центре. Между глазами нанесена вертикальная черта с боковыми «отростками» в верхней части. Линия рта и ограничивающие ее две короткие вертикальные черты вписаны в прямоугольный контур. В левом верхнем углу плоскости расположен ряд из трех линейных орнитоморфных фигур, правее и выше личины яркими мазками выполнен прямой крест.

Правее и ниже личины выявлен ряд из семи вертикально изогнутых линий, пересеченных двумя сходящимися горизонтальными линиями. Левее и ниже личины расположен рисунок лодки с тремя профильными поясными антропоморфными фигурами (греб-

Табл. 44. Писаница «Ивашкин Ключ-II». Плоскость 1

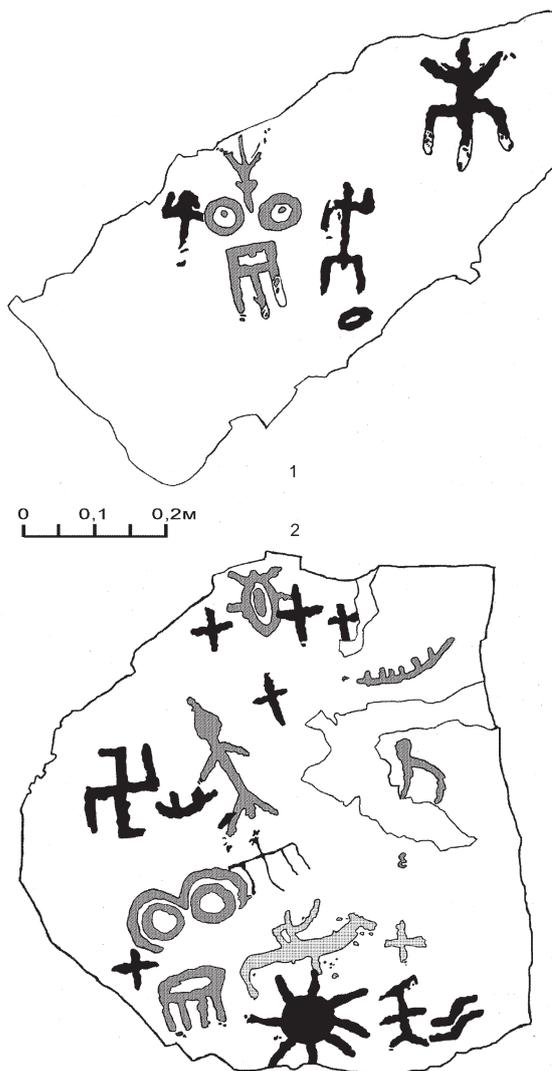

Табл. 45. Писаница Ивашкин Ключ-II:

1 – плоскость 2, 2 – плоскость 3

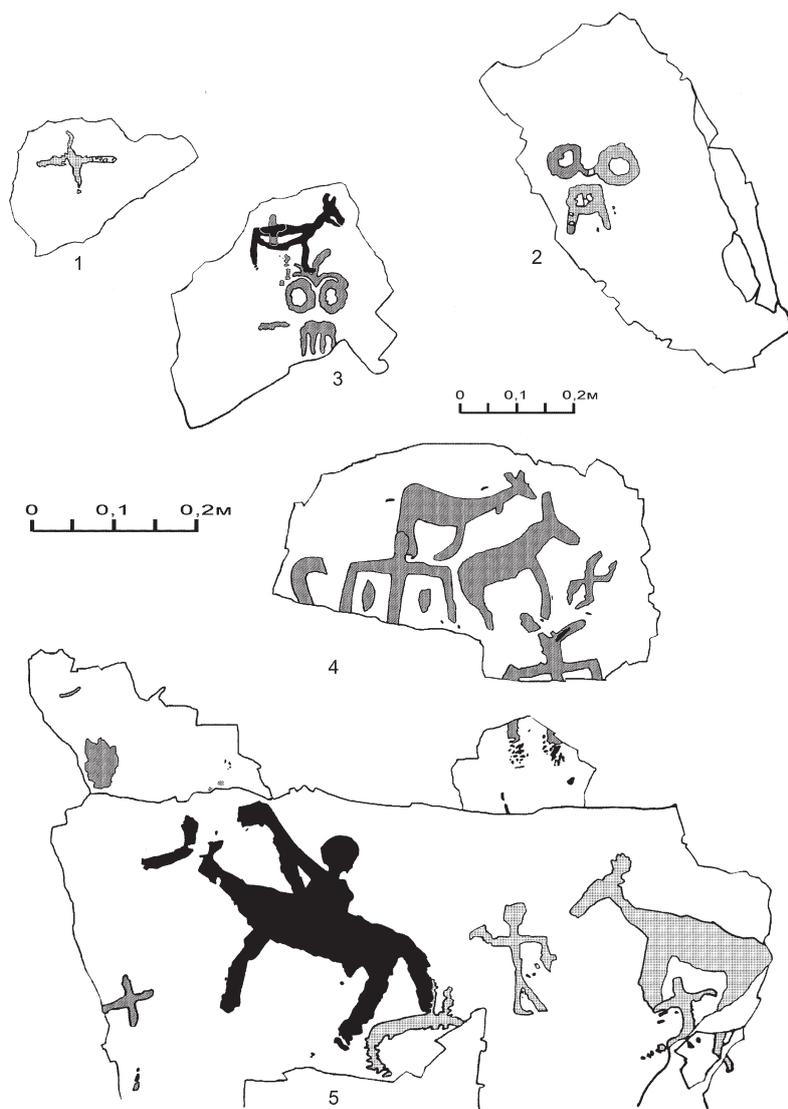
цы?). Ориентированы они в правую сторону (вверх по течению реки, на ЮВ). На одной вертикальной оси с личиной, в нижней части плоскости выявлены фрагменты трех аморфно выраженных человекоподобных фигур.

Плоскость 2 расположена в 13 м к ЮЮЗ (аз. 168°) от плоскости 1 за широким выступом скальных пород, на высоте 22 м от уреза воды, под отрицательным углом наклона (-25°) обращена на ЮЗ (азимут 120°). Поверхность плоскости сравнительно ровная, покрыта известковыми натеками, ограничена небольшими уступами скальных пород.

В центре плоскости выявлена неоконтуренная антропоморфная личина фантастического облика, выполненная красной охрой вишневого оттенка. Глаза у нее большие, имеют вид окружностей с пятном в центре. Между глазами нанесена вертикальная черта с боковыми «отростками» в верхней части. Прямоугольный контур рта разделен вертикальной линией, в нижней части от него «отходят» три вертикальные черты («борода») (табл. 45, рис. 1).

По сторонам личины расположены две линейные антропоморфные фигуры. Левая фигура сохранилась фрагментарно. Под правой фигурой выявлен знак в виде горизонтального овала, выше и правее ее – другая фигура человека, напоминающая букву «Ж». Рисунки выполнены красной охрой бордового оттенка.

Плоскость 3, смежная с плоскостью 2, расположена ниже ее и разделена с ней диагональным уступом скальных пород шириной 0,1 м. Экспозиция и наклон плоскости

Табл. 46. Писаница Ивашкин Ключ-II.
Плоскости 11(1), 10(2), 18(3), 12(4), 13(5)

четыре прямых креста бордового оттенка. В нижней части плоскости выявлены фигура всадника и прямой крест кирпичного оттенка. Правее всадника находится неоконтуренная антропоморфная личина фантастического облика вишневого оттенка. По сторонам ее расположены прямой крест и прочерченная линейная зоантропоморфная фигура бордового оттенка.

Вдоль нижней кромки плоскости расположен горизонтальный ряд знаковых символов бордового оттенка: солярный знак в виде округлого пятна с восемью «отростками»-лучами; линейный знак антропоморфного облика в виде вертикальной линии с развилкой внизу, по центру ее пересекает прямая черта, на верхнем конце – наклонная; знак в виде вертикального ряда двух «уточек».

Плоскость 12 находится правее и выше плоскости 3 на выступающем фризе скалы и ограничена: слева – уступом фриза, сверху – трещиной, снизу – горизонтальным выломом скальных пород. Плоскость под отрицательным наклоном обращена на ЮЗ (азимут 130°), находится на высоте 0,6 м от подножия скального фриза. Поверхность плоскости сравнительно ровная, частично перекрыта известковыми и железистыми натечками, в ниж-

те же, но поверхность ее менее ровная, повреждена трещинами и выломами скальных пород, покрыта известковыми натечками. Выявлена многофигурная композиция с различными цветовыми и техническими характеристиками рисунков, со случаями палимпсеста (табл. 45, рис. 2).

В центре плоскости находится линейная антропоморфная фигура вишневого оттенка с вертикальным «отростком» в верхней части сравнительно большого округлого пятна головы. Слева от нее расположены изображения лодки и левосторонней свастики бордового оттенка. Справа выявлен фрагмент антропоморфной фигуры.

В верхней части плоскости находится знак вишневого оттенка в виде вертикального овала с четырьмя боковыми «отростками» и вертикальным пятном внутри. Правее выявлен рисунок лодки того же цвета. Между ними расположены

ней и левой части повреждена широким участком выломов скальных пород. На поверхности плоскости выявлен фрагмент многофигурной композиции, выполненной красной охрой бордового оттенка (табл. 46, рис. 4).

В центре расположены две силуэтные фигуры копытных животных (лоси?). Под ними вдоль нижней кромки выявлены фрагменты двух линейных антропоморфных фигур. У правой фигуры голова показана в виде развилки, у левой – по обеим сторонам туловища находятся два округлых пятна. На правом краю плоскости расположен знак в виде свастики, концы которой обращены навстречу друг другу. На левом краю плоскости сохранился верхний фрагмент фигуры в виде вертикальной дуги.

Плоскость 10 находится на 1,4 м ниже плоскости 3 на вертикальном срезе скального останца, под отрицательным углом (-30°) обращена на ЮЗ. Сверху плоскость ограничена ступенчатым уступом, снизу – подножием останца. Поверхность плоскости сравнительно ровная, частично покрыта известковыми натечками.

В центре расположена неоконтуренная антропоморфная личина фантастического облика вишневого оттенка, слева от нее выявлена горизонтальная черта того же цвета (табл. 46, рис. 3). Верхнюю часть личины перекрывает контурное изображение копытного животного, туловище которого пересекает вертикальный крест. Рисунки бордового оттенка.

Плоскость 18 расположена в 2,5 м к ЮВ от плоскости 3 за поворотом скальных обнажений, на высоте 21 м от уреза воды, под отрицательным углом наклона обращена на ЮЮЗ (азимут 100°), является локальным выступом скальных пород. Поверхность плоскости бугристая, неровная, покрыта мощными известковыми натечками.

У правого края на сравнительно ровном локальном участке плоскости выявлена неоконтуренная антропоморфная личина фантастического облика, выполненная красной охрой вишневого оттенка. Круглые контуры глаз личины соединены короткой горизонтальной перемычкой. Квадратный контур рта разделен посередине вертикальной чертой, по краям имеет два нижних вертикальных «отростка» (табл. 46, рис. 2).

Плоскость 33 находится на крайнем правом (восточном) участке скальных обнажений писаницы на высоте 20,5 м от уреза воды, под отрицательным углом наклона (-40°), обращена на ЮЮЗ (азимут 110°), является частью локального выступа скальных пород. Поверхность плоскости сравнительно ровная, рельефно рассечена на участки ветвистыми прожилками кварцита, покрыта известковыми натечками (табл. 29, фото 2). Верхняя и левая части плоскости повреждены вследствие отслаивания и осыпания скальных пород. В подножии плоскости имеется покатая площадка.

На поверхности плоскости выявлено многофигурное панно, состоящее из рисованных и прочерченных изображений, густо заполняющих всю ее площадь, часты случаи палимпсеста (табл. 47). Рисунки выполнены красной охрой различных оттенков и сухим минеральным карандашом. Выявлены многочисленные зоо- и антропоморфные фигуры, среди которых узнаваемы изображения копытных, хищников, птиц, видны антропоморфные фигуры в масках, личины, фигуры шамана и всадника, знаковые символы. Учитывая высокую концентрацию изображений на плоскости и частые случаи палимпсеста, опишем рисунки, исходя из их пространственно-цветовых характеристик по стратиграфическим выявленным изобразительным пластам рисунков.

К нижнему, наиболее древнему изобразительному слою относятся плохо проглядываемые рисунки, выполненные красной охрой кирпичного оттенка. Прежде всего, это относится к фрагменту профильной силуэтной антропоморфной фигуры в центральной части

Табл. 47. Писаница Ивашикин Ключ-П. Плоскостъ 33

плоскости. Головная часть у нее не сохранилась. Ориентирована фигура в правую сторону. Туловище согнуто в пояснице и наклонено вперед. Рельефно выделены область груди и ягодиц. Конечности показаны одинарной линией. Руки отведены назад и опущены к пояснице. Длинные ноги вертикальной линией опущены вниз к основанию плоскости. К этому же изображению, по всей видимости, относится крестовидный знак в нижней части плоскости.

К следующему, по всей видимости, более позднему слою рисунков относятся изображения, выполненные более темной охрой малинового оттенка. Расположены они вдоль верхней и нижней кромок плоскости, сходясь в один ряд на ее правом участке. В правой верхней части плоскости выявлены горизонтальная и вертикальная антропоморфные фигуры. Между ними в положении вертикально, вниз головой, помещено силуэтное изображение копытного животного. Голова у него вытянута вперед, ноги согнуты в коленях и неестественно отнесены назад, хвост приподнят. На одной оси с ним, у нижней кромки плоскости, находятся три изображения неоконтурных антропоморфных личин фантастического облика, крестовидный знак. Правее расположен горизонтальный ряд из трех фигур животных, ориентированных в правую сторону. Животные показаны силуэтно. У левой фигуры туловище оканчивается длинной, горизонтально вытянутой шеей с рельефно выделенной головой на конце. Уши плохо обозначены. Сравнительно короткий приостренный хвост по дуге чуть опущен вниз. Пары конечностей показаны одной линией. Задние ноги отнесены назад, согнуты в коленях, опущены вниз. Передние – прямые, немного вынесены вперед. На уровне передних конечностей к спине животного примыкает вертикальная линия с развилкой посередине (всадник, копьё?). На спине животного также зафиксирован косой штрих.

Центральная фигура выполнена в той же манере, как и в левой верхней части плоскости. Объемное сегментовидное туловище заканчивается короткой шеей и длинной узкой мордой в виде «хобота». Пары ушей показаны в виде прямых линий, наклонены вперед навстречу движению. Хвост и линия задних ног перекрыты мазками более сочной охры вишневого оттенка, которые возможно повторяют и дополняют их очертания. Пара передних конечностей повторяет очертания линий ног у фигуры животного в верхней левой части плоскости. К центральной части туловища опущена сверху прямая вертикальная линия с короткой развилкой по середине (стрела?). Правая фигура шагающего, по всей видимости, хищного животного показана с валенкообразными конечностями. У него массивная голова с открытой пастью и короткие уши, хвост не выделен (медведь?). Между фигурами животных у верхней кромки плоскости находится линейная фигура человека, развернутая в фас, и знак в виде кольца, поделенного пополам косой линией, внутри каждого его сегмента выявлено округлое пятно. В центре плоскости левее и выше всадника находится прямой крест того же цвета.

Рисунки последующего стратиграфически выделенного нами слоя имеют более сочный вишневый оттенок, зафиксированы на периферийных участках плоскости. В левом верхнем углу плоскости вдоль ее вертикальной кромки расположены две фигуры животных, ориентированных вверх. Нижнее животное имеет «трапециевидное» туловище. Шея и хвост подняты, показаны тонкими прямыми линиями, расположенными симметрично. Голова плохо обозначена. Длинные рога (уши?) закинута назад, обозначены одной линией, параллельной спине. Конечности согнуты в коленях и отнесены назад.

Верхняя фигура сохранилась фрагментарно и в условных формах моделирует форму копытного животного. Туловище и голова у него плохо обозначены, закинута по высокой дуге рога соединяются с задней частью туловища. Линия передних конечностей повторяет очертания ног нижней фигуры. Линия задних конечностей выявлена фрагментарно до

уровня коленного сгиба. У нижней кромки плоскости, левее личин вертикально расположена высокая линейная фигура антропоморфного облика. В правой части плоскости зафиксированы фрагмент профильной фигуры человека, дополняющие фигуру животного ниже лежащего слоя.

Рисунки следующего изобразительного слоя нанесены густыми, хорошо различимыми под известковыми натечками мазками бордового оттенка. У многих рисунков отчетливо прослеживается последовательность нанесения линий. Основная масса рисунков выполнена в линейном стиле, представлена антропо- и орнитоморфными фигурами, крестовидными знаками. Они, занимая свободные участки и перекрывая нижележащие «слои» рисунков, расположены многоярусным рядом вдоль центральной горизонтальной оси плоскости.

У антропоморфных фигур голова имеет ромбовидный контур с двумя боковыми «рожками». В одном случае голова дополнена вертикальным «древовидным отростком». Орнитоморфные фигуры подобны человеческим, и отличает их лишь отсутствие нижних конечностей и своеобразных контуров головы. В двух случаях по обе стороны туловища «птиц» обозначены округлые пятна. Одна антропо-орнитоморфная фигура имеет вид крестовидного знака с развилкой в верхней части («идольчик?»).

В данном ряду фигур присутствует также силуэтная фигура шагающего животного с валенкообразными конечностями. Ориентирована фигура в правую сторону, хвост припущен вниз, длинная шея вытянута вперед. Голова трудно определима, перекрыта мазками того же цвета (возможно, данное изображение более раннее, соответствует ниже лежащему изобразительному пласту, где представлена стилистически близкая фигура хищника в правой части плоскости). Другая зооморфного вида фигура более стилизованная, показана путем нанесения взаимоперпендикулярных линий, находится в правой части плоскости.

Несколько отличаются от вышеперечисленных рисунков фигуры людей и птиц в правой нижней части плоскости. Они показаны более объемно, реалистичнее. На данном участке расположена фронтальная фигура человека, оформленная широкими линиями и более динамичная, профильная силуэтная человеческая фигура, у которой П-образная линия рук развернута в фас. Левее ее находится крестовидный знак, дополненный горизонтальной чертой в верхней части.

У левой кромки плоскости находятся две фигуры птиц, расположенных одна над другой. Верхняя фигура показана реалистично в профиль с высоко поднятыми крыльями. У нее развилкой обозначено хвостовое оперение, изящно показан плавный изгиб длинной тонкой шеи, аккуратно обрисована голова и тонкий клюв. В данном рисунке явно узнается образ водоплавающей птицы. Под ней более грубо выполнен рисунок птицы, показанной в вертикальном положении с развернутыми по сторонам крыльями. В отличие от основной группы и «развернутых» орнитоморфных фигур, она выполнена более объемно, широкими линиями, обозначая грузность тела птицы (глухарь?).

Самый верхний, поздний графический пласт на поверхности плоскости представлен линиями, прочерченными сухим минеральным карандашом. Они зафиксированы на мелких участках плоскости и большей частью имеют вид вертикальных и косых росчерков, о назначении которых пока трудно судить. С определенной долей вероятности можно предположить, что в левой нижней части плоскости в данной технике выполнена контурная фигура животного, ориентированного в правую сторону. Правее ее конфигурация взаимоперекрещивающихся линий напоминает антропоморфную фигуру. Наиболее узнаваемый образ выявлен в центральной части плоскости, здесь изображена профильная фигура шамана с бубном. По всей видимости, представлена сцена камлания, характерная для этнографических рисунков.

Писаница Ивашкин Ключ-III

Писаница расположена в 12 км к СЗ от п. Манзя, в 115 м к востоку от писаницы Ивашкин Ключ-I (табл. 42, № 3). Рисунки выявлены на протяжении 180 м на высоте 15–19 м от уреза воды на трех отрицательно наклонных плоскостях, обращенных на ЮЗ (табл. 48). Рисунки выполнены красной охрой различных оттенков. Зафиксированы зоо- и антропоморфные фигуры, знаковые символы в виде крестов и свастик.

Плоскость 2 расположена в центре писаницы, находится в 17,5 м от берега реки, на высоте 19 м от уреза воды, под отрицательным углом наклона (-25°) обращена на ЮВ (азимут 150°) (табл. 48, № 2). Плоскость высокая (1,4 м), узкая (0,4 м), является левым краем каменного блока и ограничена глубокой трещиной.

В нижней части плоскости на сравнительно ровной поверхности выявлена линейная фигура человека, выполненная красной охрой малинового оттенка (табл. 49, рис. 3). Фигура изображена в фас с широко расставленными конечностями. Окончания рук и ног соединены прямыми линиями, которые замыкают общий угловатый контур фигуры. Голова показана в виде округлого пятна с развилкой коротких «рогов» в верхней части.

Плоскость 3 находится на восточной окраине писаницы, в 70 м к ЮВ от плоскости 2, в 23,5 м от берега реки. Она расположена у верхней кромки скального массива на высоте 18,5 м от уреза воды, под отрицательным углом наклона (-30°) обращена на ЮЮВ (азимус 100°) (табл. 48, № 3). Плоскость подвержена вертикальному расслоению скальных пород. Поверхность плоскости сравнительно ровная, со следами мелкой бугорчатости, разделена прожилками кварцита, частично покрыта известковыми натечками. Рисунки выполнены красной охрой бордового оттенка, свободно расположены на плоскости, по вертикали поделены ступенькой осыпавшихся скальных пород (табл. 49, рис. 1).

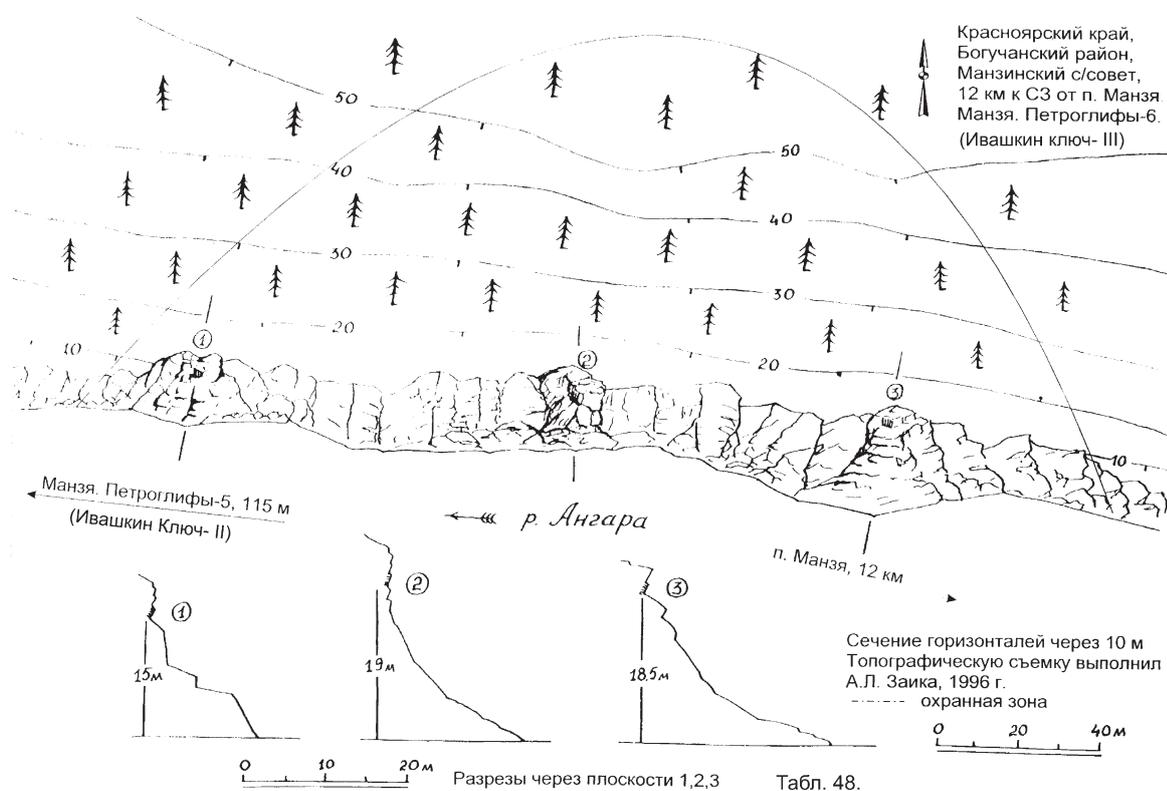

Табл. 48. Манзя. Петроглифы-6 (Ивашкин Ключ-III). Топографический план

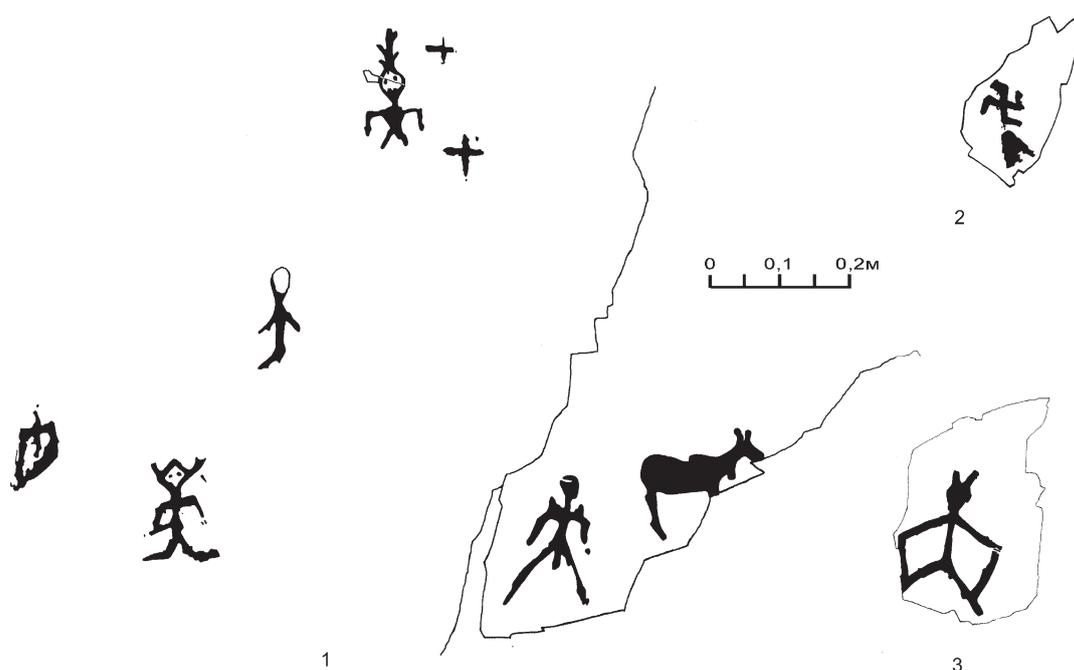

Табл. 49. Писаница Ивашкин Ключ-III.

Плоскости 1(2), 2(1), 3(3)

В центре плоскости расположена линейная антропоморфная фигура. Округлая голова ее усилена дополнительным пятном охры более темного оттенка. Выше ее находятся два прямых креста и фигура человека с маской – личиной. Фигура показана в фас с широко расставленными конечностями. Туловище короткое, силуэтное, подтреугольной формы. На тонкой короткой шее округлым контуром показана маска, нижняя часть которой закрашена. Видны два пятнышка глаз. Венчает маску вертикальная линия с ответвлениями по бокам («древовидный отросток»).

Левее и ниже центральной фигуры, на одной диагональной оси выявлена другая линейная антропоморфная фигура в ромбовидной маске – личине с двумя боковыми «рожками». Внутри контура личины видны два пятнышка глаз. Конечности широко расставлены в стороны. Правая рука соединена с туловищем прямой линией. Длинные ступни развернуты наружу. Левее ее расположен знак в виде трапециевидного контура, поделенного пополам вертикальной чертой.

Правее основной группы рисунков, за ступенчатым уступом, выявлены фигуры человека и копытного животного (лось). Линейная фронтальная фигура человека показана с широко расставленными конечностями, выделен фаллический отросток, линия плечевого пояса рук имеет два вертикальных выступа. На тонкой шее округлым пятном обозначена голова (повернута вправо?). Правее расположена силуэтная фигура лося, показанная в статичной позе. Ориентирована фигура вправо. Реалистичное объемное туловище имеет контрастный выступ горба, оканчивается прямой широкой линией поднятой шеи. Прямым вертикальным мазком обозначена подшейная кисть. На голове видна развилка коротких ушей, морда опущена вниз. Линия передних конечностей и часть морды животного сохранились фрагментарно.

2.8. Писаницы у д. Каменка

Писаница Каменка-I

Памятник располагается на утесе, который находится на правобережном мысу р. Каменка, практически в черте д. Каменка (табл. 50, № 1). Утес сложен известняками и имеет отвесные стены (табл. 52, фото 1). Основная масса рисунков выявлена с Ангарской стороны по южному склону утеса. Ряд изображений выявлен на северной стенке утеса со стороны р. Каменки (табл. 51). На памятнике зафиксированы рисованные изображения, выполненные красной охрой различных оттенков, и рельефные фигуры, выполненные путем выбивки. Плоскости вертикальные, обращены на юго-восток (Ангарская сторона) и северо-запад (сторона р. Каменки), находятся на высоте от 10 до 20 м над уровнем воды (табл. 57). Вы-

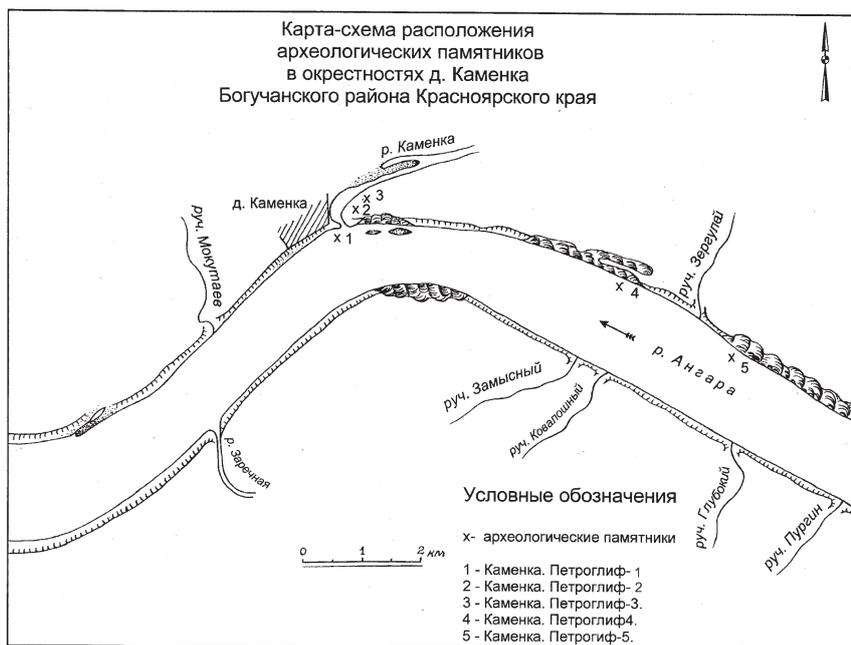

Табл. 50. Карта-схема расположения археологических памятников в окрестностях д. Каменки

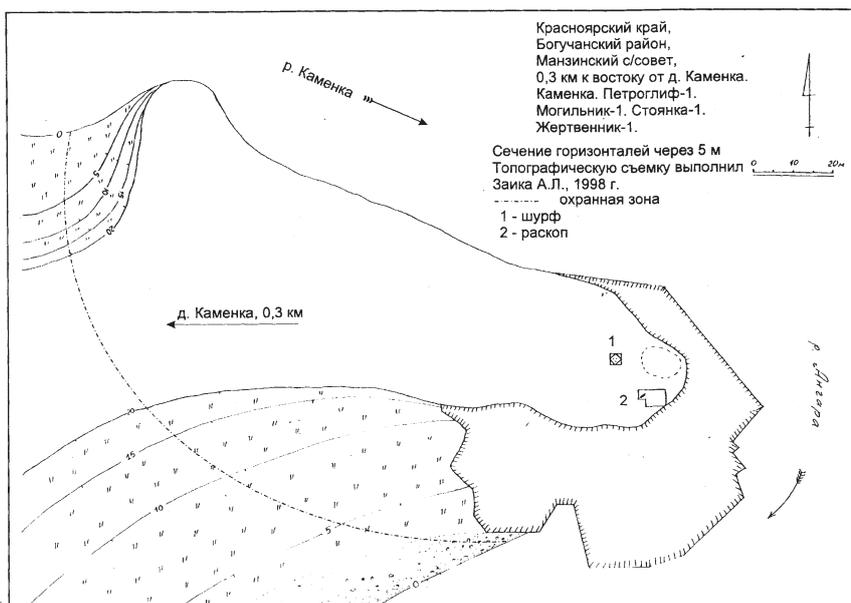

Табл. 51. Писаница Каменка-I. Топографический план

явлены фигуры животных, людей, лодок, знаков, птиц, изображений личин фантастического облика. Представлены культовые сцены, сюжеты охотничьего и скотоводческого характера.

Плоскость 1 (размеры: 30,5 см по вертикали и 47 см по горизонтали) расположена на южной окраине скальных обнажений, на высоте 2 м от подножия. Плоскость под отрицательным углом обращена на юг (азимут 80°), повреждена трещинами. В левой части камня охрой темно-кирпичного оттенка изображена линейная фаллическая фигура человека в «рогатом» головном уборе. Справа выявлена вертикальная черта бордового оттенка (табл. 62, рис. 3).

Плоскость 2 (размеры: ширина 2,5 м, высота 1,3 м) под отрицательным углом обращена на ЮЮВ (азимут 60°). Поверхность плоскости повреждена выломами и трещинами, перекрыта современной надпи-

1

2

Табл. 52. Писаница Каменка-1:

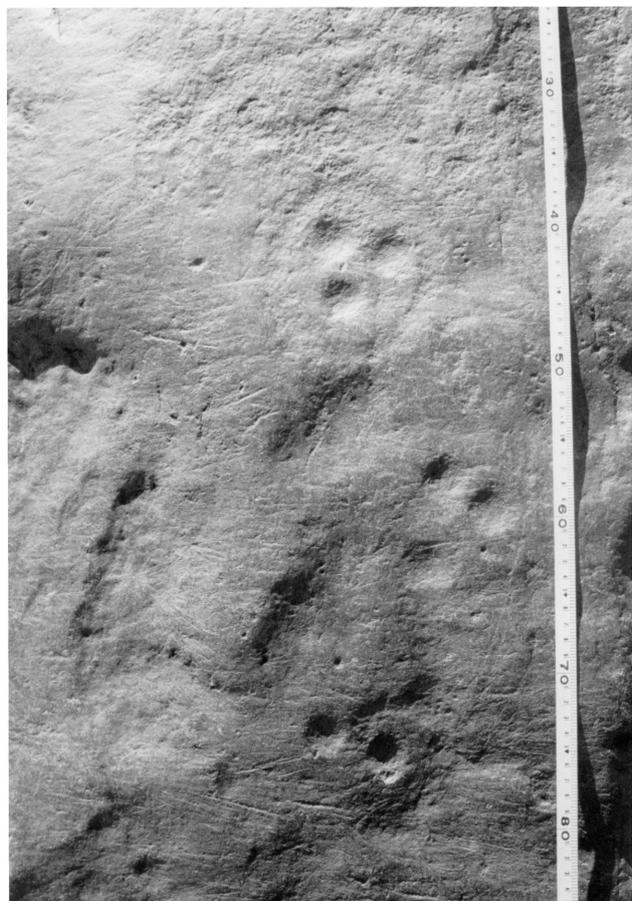
1. Общий вид на утес с ЮВ. 2. Плоскость 2. Вид с юга

стью: «МБВ – 160». Левая верхняя часть плоскости осыпалась. Рисунки выполнены охрой кирпичного и бордового оттенков (табл. 52, фото 2).

В верхнем правом углу частично выявлена фигура копытного животного с ветвистым рогом. Под ней располагается знак в виде прямого креста. Рисунки выполнены охрой бордового оттенка. Ниже правую часть плоскости занимают фрагменты знаковых символов,

1

2

Табл. 53. 1. Культурный комплекс Каменка-I. Вид на антропоморфный останец с СВ.

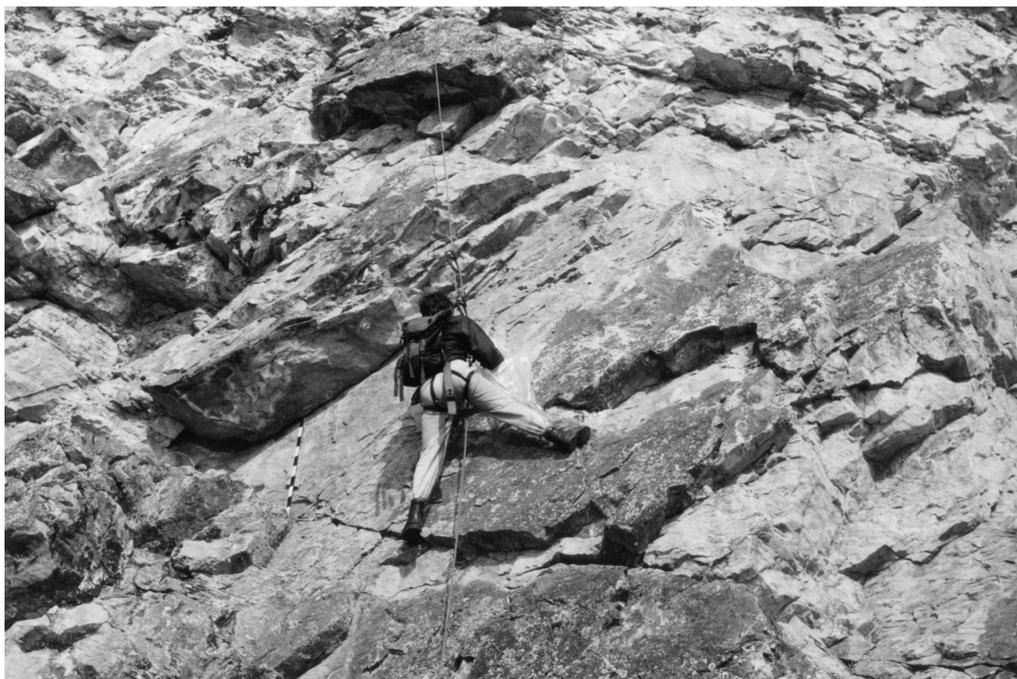
2. Петроглиф «Геофизик». Вид на личины

выполненных тем же цветом: 4 прямых креста, кольцо с пятном внутри, комбинация из двух ромбов с боковыми ответвлениями (табл. 58).

В центральной части плоскости расположены: фрагменты двух орнитоморфных фигур, двух вертикальных линий, фрагмент объемной зооморфной фигуры (медведь?). Рисунки выполнены охрой кирпичного оттенка. Выделяется центральная, линейная, антропоморфная фигура того же цвета с кольцевидной головой, боковыми отростками (грудью?) и решетковидным оформлением нижней части туловища. Головная часть фигуры перекрыта кольцом с пятном посередине бордового оттенка. Тем же цветом нанесены поверх фигуры два вертикальных прочерка и косой крест.

Слева выявлен фрагмент линейной антропоморфной фигуры без головы, правее – реалистичное, статичное изображение животного (лошадь?), которое перекрывает фрагмент фигуры в виде дуги и кольцо с радиально отходящими лучами (солярный знак?). Знак в виде прямого креста частично перекрывает солярный символ. Другой подобный знак расположен левее антропоморфной фигуры.

Фрагмент еще одной антропоморфной фигуры находится над вышеописанной. Голова параболоидной формы увенчана тремя «рогами» с боковыми ответвлениями, руки широко расставлены в стороны, «объемное» туловище заканчивается широким решетковидным контуром. Справа и поверх изображения нанесены росчерки сухого минерального карандаша. Все вышеприведенные рисунки выполнены охрой бордового оттенка. Левее центральной композиции выявлен фрагмент задней части «объемной» зооморфной фигуры. Поверх задней ноги животного нанесены взаимоперекрывающиеся знаки в виде двух косых крестов.

1

2

Табл. 54. 1. Писаница Шунтары-II. Плоскость 1. Копирование рисунков на полиэтилен. Вид с юга.
2. Каменка. Стоянка 1. Вид на шурф с юга

стов. Рисунки выполнены охрой бордового цвета. На левом краю плоскости зафиксированы фрагменты двух линий кирпичного оттенка.

Плоскость 3 (размеры: 96 см по вертикали и 117 см по горизонтали) находится над плоскостью 2, в центре естественного углубления каменного блока, под отрицательным углом обращена на ЮВ (азимут 50°). Плоскость сравнительно ровная, местами повреждена трещинами и выломами. Рисунки выполнены охрой бурого оттенка. В центре плоскости представлена многофигурная композиция с вертикальным принципом размещения фигур (табл. 59). Объединяющим элементом композиции является дугообразная линия, обращен-

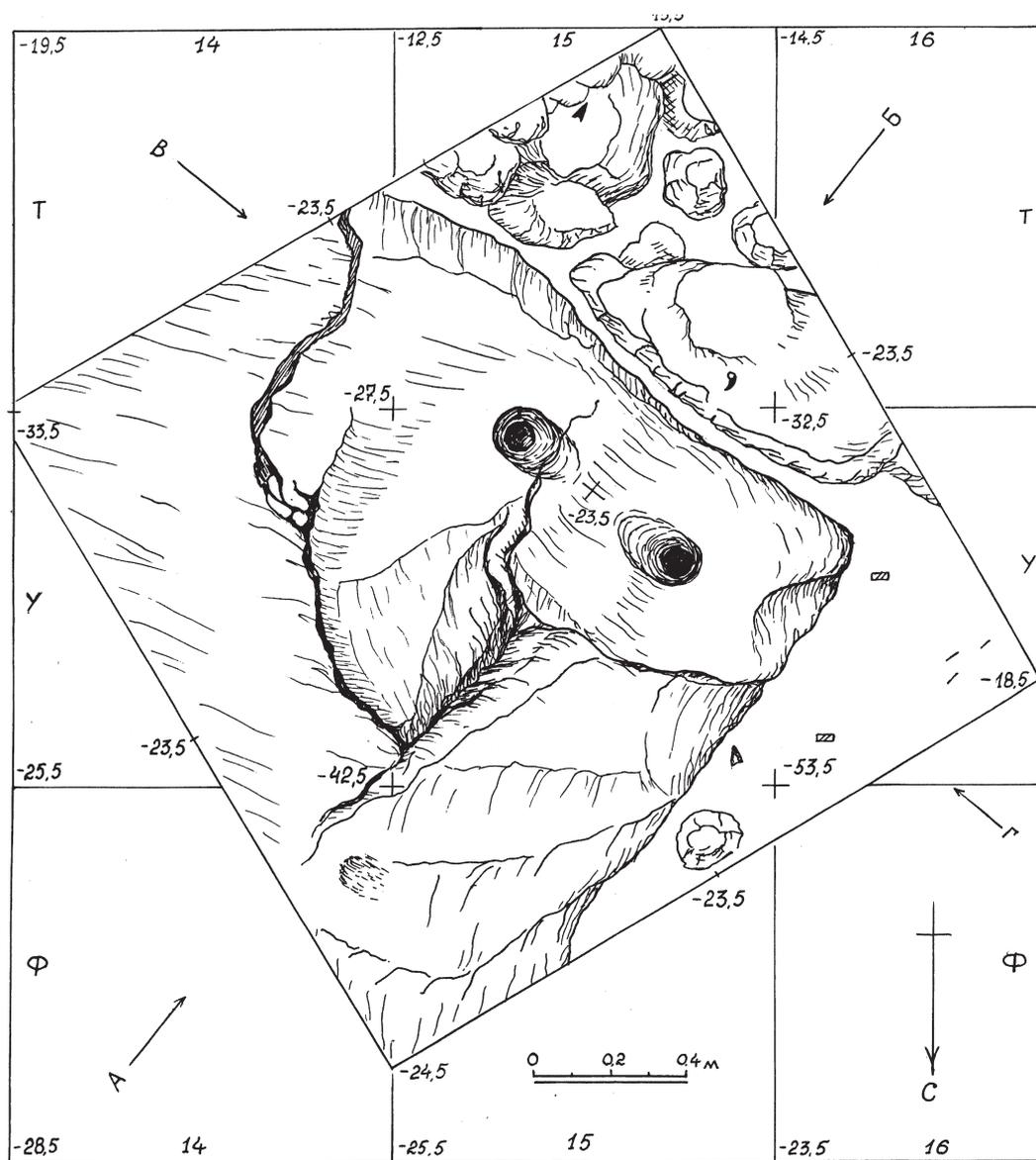

Табл. 55. Каменка. Стоянка 1. План шурфа

ная разветвленными концами вверх. Нижняя часть дуги изображена контурно в виде лодки (?). На ней показана стоящая антропоморфная фигура фантастического облика с головой в виде развилки «рогов». Туловище имеет вид контура трапеции, в нижней части заужено. Длинные руки двумя линиями опущены вниз. Кисти оформлены в виде колец. Правая линия дуги в верхней части имеет ступенчатый изгиб, на котором помещена другая антропоморфная фигура, показанная в линейном стиле. Правая рука фигуры также заканчивается кольцом, левая – развилкой пальцев. От головы сохранилась вертикальная линия. Свободные участки вокруг антропоморфных фигур и между ними заполнены цельными и фрагментарными изображениями крестовидных знаков, размер которых колеблется от 1 до 3 см. Общее количество знаковых символов – более 22. Наибольшая концентрация их зафиксирована в нижней части композиции.

Плоскость 4 угловатая (размеры: 141 см по вертикали и 96 см по горизонтали), вертикальная, обращена на ЮВ (левая часть – азимут 80°, правая – азимут 60°). Плоскость повреждена выломами и трещинами, частично перекрыта современными надписями. Представлена вертикальная композиция (табл. 60). Рисунки выполнены охрой разных оттенков.

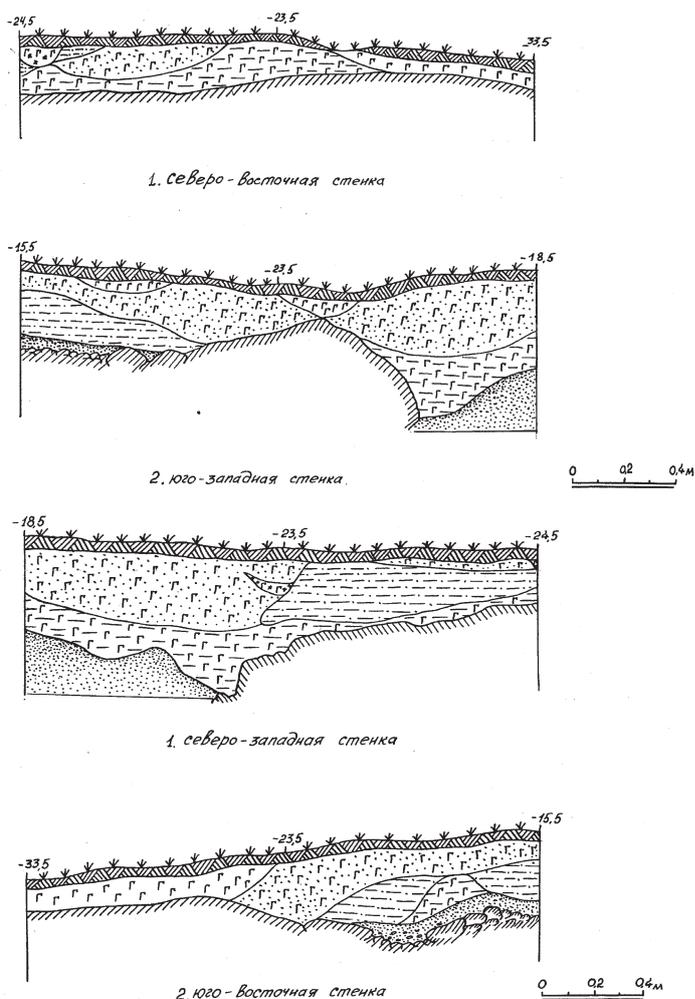

Табл. 56. Каменка. Стоянка 1. Шурф 1.
Стратиграфия стенок шурфа

В верхней части плоскости изображены крестовидный знак и черта, ниже располагается зооморфная фигура трудноопределимого вида. Голова животного сохранилась фрагментарно, пары ног показаны одинарной линией, хвост не фиксируется. Изображения выполнены в линейном стиле охрой кирпичного оттенка. Ниже охрой бордового оттенка изображен знак в виде кольца с отростком сверху и знаковый символ, выполненный контурно. Он представляет собой разделенный надвое вертикальный прямоугольник с вертикальными линиями внутри каждой из двух его частей. Левая часть фигуры перекрыта современными надписями.

Ниже располагается комплекс антропоморфных изображений и знаков. Выявлено 6 антропоморфных фигур. Четыре из них выполнены охрой кирпичного оттенка, две – охрой бордового цвета. Одна из них имеет женские признаки и представляет собой фигуру роженицы. Все фигуры

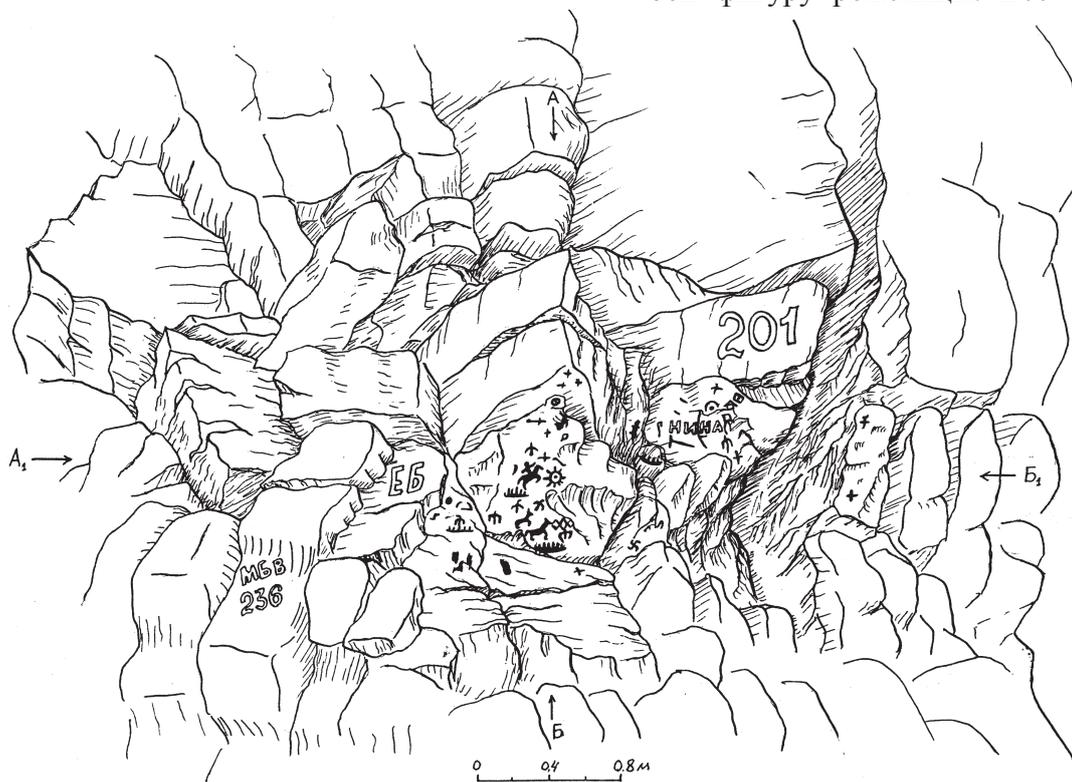

Табл. 57. Писаница Каменка-I. Фронтальный план расположения плоскостей

Табл. 58. Писаница Каменка-І. Плоскость 2

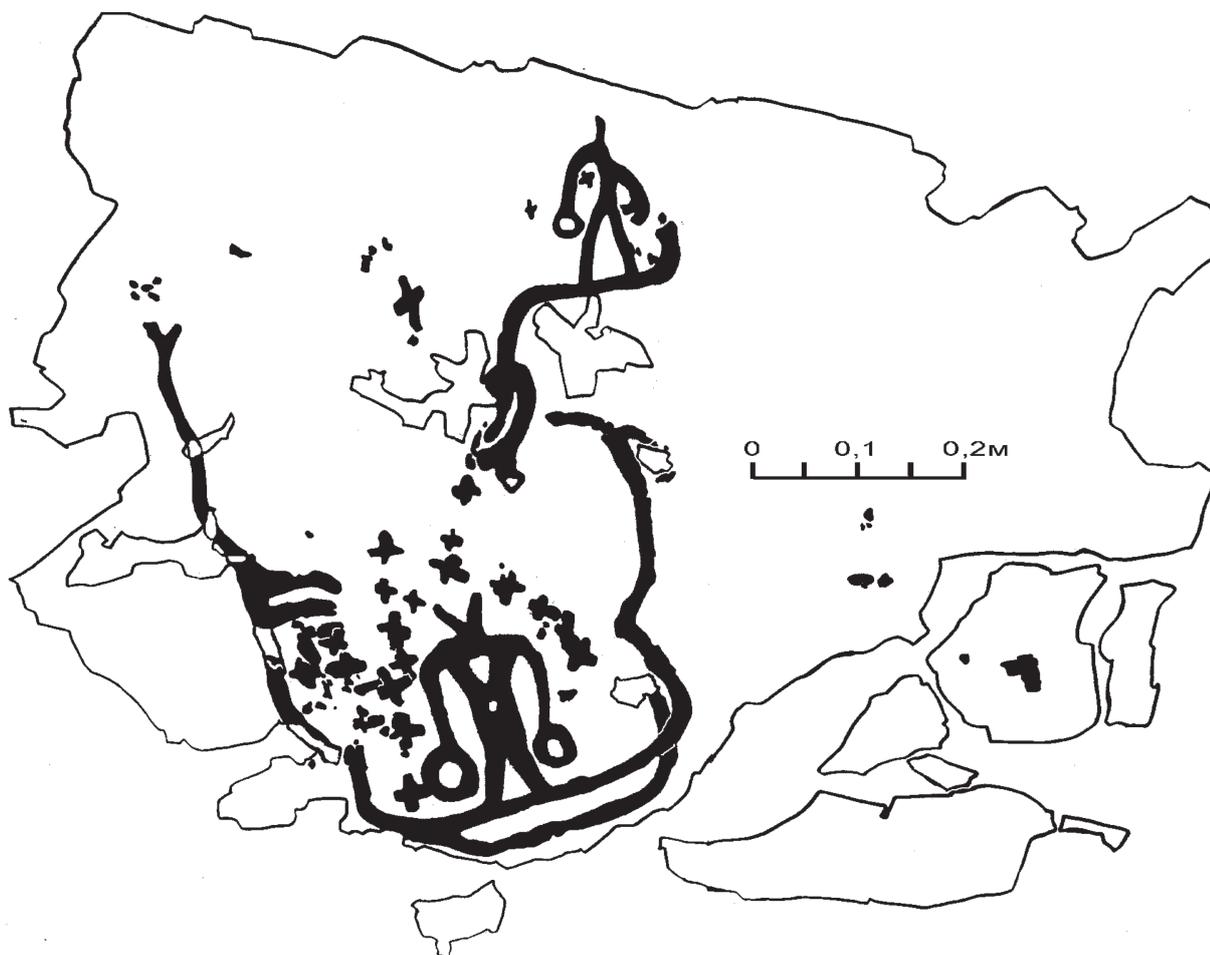

Табл. 59. Писаница Каменка-І. Плоскость 3

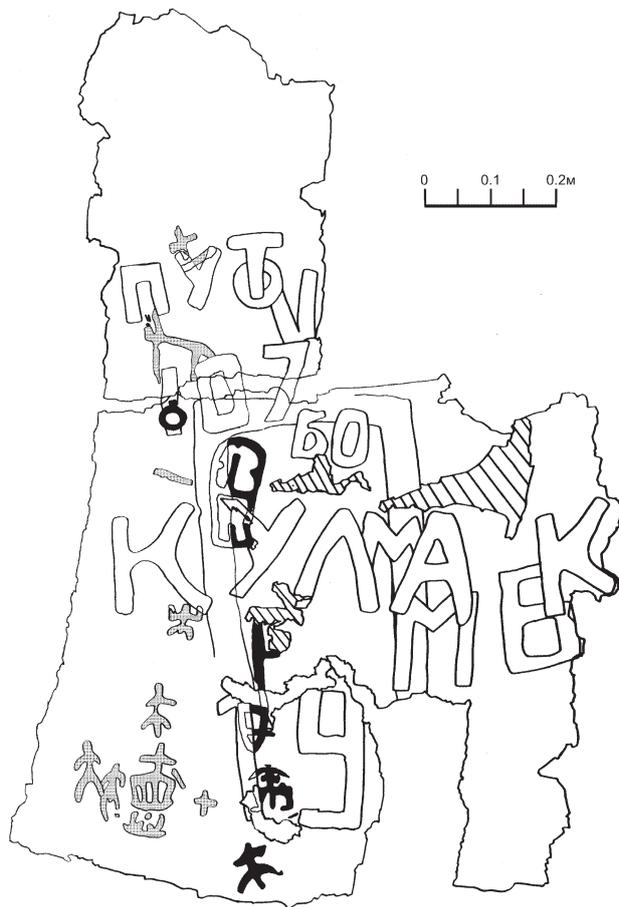

Табл. 60. Писаница Каменка-I. Плоскость 4

выломами и трещинами, покрыта современными надписями (табл. 61).

Изображения, находящиеся на данной плоскости, относятся, по-видимому, к двум хронологическим слоям. В центре плоскости находится крупное изображение неоконтуренной личины. Глаза у нее представлены окружностями с пятнами зрачков в центре, между собой имеют короткую перемычку. Контур широкого рта заполнен поперечными линиями «зубов», снизу к нему примыкают короткие линии «бороды». Слева от личины расположен крупный рисунок лодки с антропоморфной фигурой в центре¹. Над ней показана неоконтуренная личина с пустыми окружностями глаз и тройной развилкой между ними, рядом выявлены фрагменты линий неопределенного изображения.

Ниже центральной личины расположены фигуры копытных животных. Подпрямоугольные и сегментовидное туловища у них заполнены вертикальными линиями «ребер», ноги вертикально опущены вниз, головы сохранились фрагментарно, хвосты не обозначены. Над верхними животными зафиксированы два изображения неоконтуренных личин. Глаза у них показаны в виде колец или пятен, головные уборы имеют вид вертикальной линии с боковыми ответвлениями.

Плоскость 6 обращена на ЮВ (азимут 50°). В верхней левой части плоскости выявлены изображения прямого креста и вертикальной черты (табл. 62, рис. 2).

Плоскость 7 находится в полутора метрах правее плоскости 8, ширина плоскости – 0,3 м. Под положительным углом обращена на ЮЮВ (азимут 70°). Выявлено изображение знака в виде буквы Y (табл. 62, рис. 1).

выполнены в линейном стиле. Знаковые символы представлены: фигурой в виде разделенного вертикальными линиями прямоугольника с крестом наверху. Ниже него – маленькое округлое пятно и горизонтальная черта с вертикальными отростками. Правее располагаются прямой крест. Эти знаки выполнены охрой кирпичного оттенка. Правее и выше располагаются знак и вертикальная черта с отростком. Знак представляет собой щитообразный контур с горизонтально пересекающей его чертой.

Плоскость 5 (размеры: 143 см по вертикали и 127 см по горизонтали) находится над плоскостью 4, под положительным углом наклона обращена на ЮВ (азимут 60°), в подножии имеет горизонтальную площадку шириной 0,7 м. Плоскость содержит изображения антропоморфных личин, лодок и копытных животных, показанных в «скелетном» стиле. Рисунки выполнены бордовой охрой различных оттенков. Поверхность плоскости повреждена

¹ По всей видимости, представлена оконтуренная личина с взаимоперпендикулярными линиями «татуировки» и глазами в виде пятен.

Табл. 61. Писаница Каменка-I. Плоскость 5

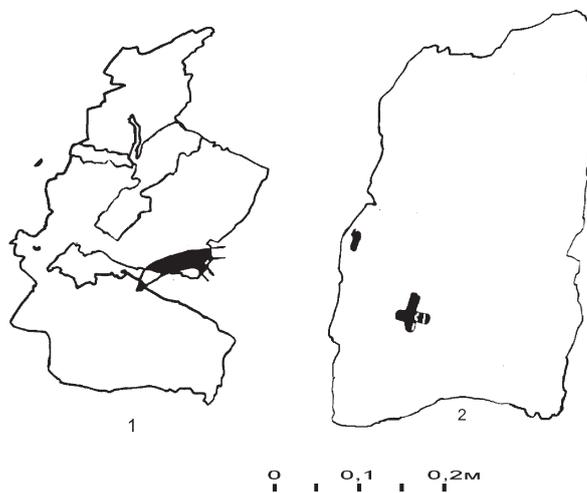

Табл. 62. Писаница Каменка-I:

1. Плоскость 7. 2. Плоскость 6. 3. Плоскость 1

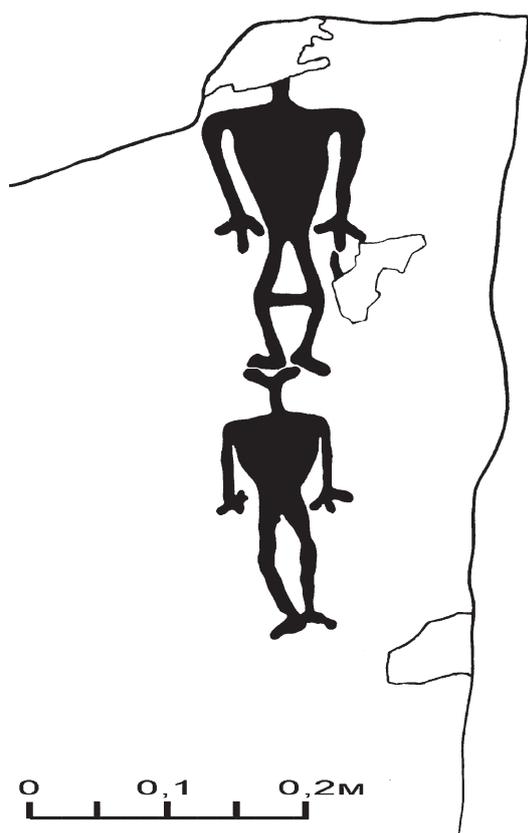

Табл. 63. Писаница Каменка-I. Плоскость 8

Плоскость 8 вертикальная, подтреугольной формы, высотой 70 см и шириной 45 см, ограничена выступами и уступами скальных пород, находится в 0,8 м правее плоскости 6, экспонирована на ЮВ (азимут 60°). Поверхность плоскости сравнительно ровная, покрыта лишайниками, частично повреждена выломами пород (табл. 64). В левой верхней части плоскости выявлена вертикальная композиция из двух антропоморфных фигур, расположенных друг над другом (табл. 63). Выполнены изображения путем мелкой частой неглубокой выбивки. Фигуры показаны в фас. Туловища у них силуэтные, подтреугольной формы, с широкими плечами и зауженной талией. Руки опущены вниз, оканчиваются трехпальными кистями. Линии ног образуют ромбовидный контур: ступни практически сведены вместе, колени развернуты в стороны (поза «полуприседа»). Ступни развернуты наружу. У верхней фигуры между коленями показана горизонтальная перемычка. Головы

1

2

Табл. 64. Писаница Каменка-I. Плоскость 8. Вид на петроглифы с ЮВ:

1. В естественном виде. 2. На копировальном материале.

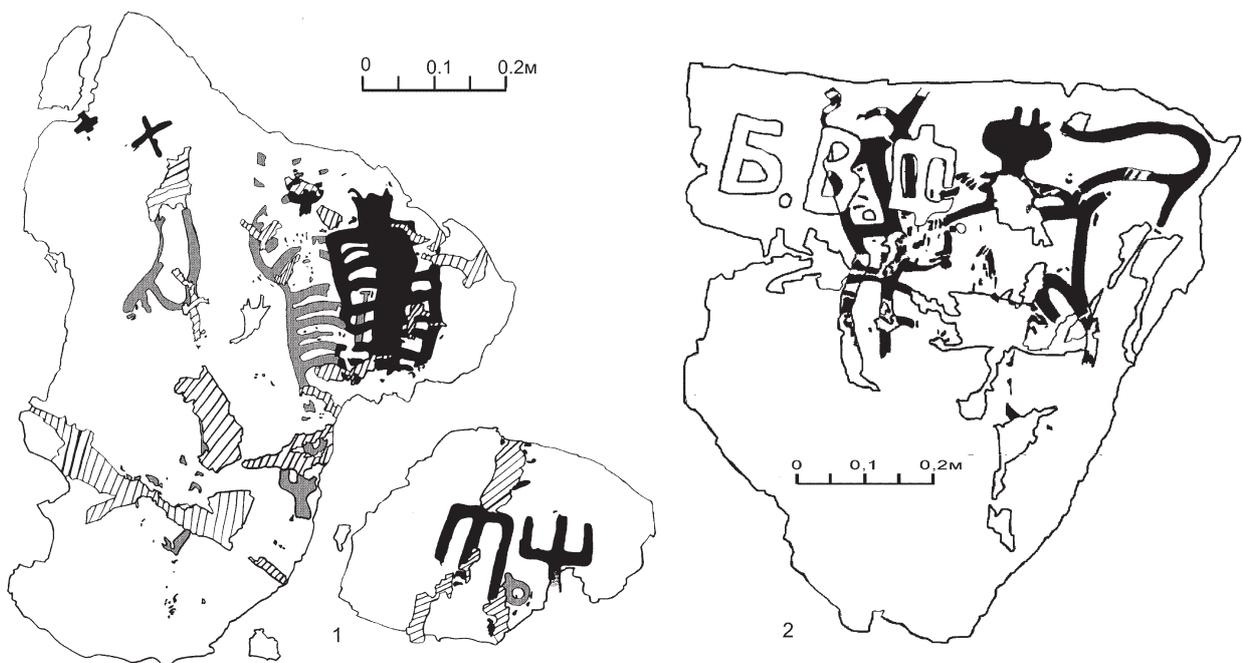

Табл. 65. Писаница Каменка-I:

1. Плоскость 9. 2. Плоскость 10

имеют вид вертикальной черты с развилкой «рогов» на верхнем конце (у верхней фигуры головная часть повреждена).

Плоскость 9 площадью 1 кв. м находится правее, в 0,5 м от плоскости 8, под плоскостью 7, под положительным углом наклона обращена на ВЮВ (азимут 20°). Рисунки находятся в левой части, правая часть покрыта плотным слоем лишайников, повреждена выломами и трещинами.

Представлены изображения, выполненные охрой разных оттенков (табл. 65, рис. 1). В верхней части плоскости изображены два х-образных знака, нанесенных охрой бордового оттенка. Ниже располагается дугообразная черта с отростками, выполненная в линейном стиле. Она частично перекрыта трещиной. Правее располагается пятно с рваным контуром кирпичного оттенка¹. Рядом расположена вертикальная черта с горизонтальными линиями в правой части, частично перекрыта трещинами². Правее находится крупное антропоморфное изображение, выполненное в «скелетном стиле» охрой бордового оттенка. Оно имеет форму прямоугольника с широким выступом наверху, напоминающим горловину.

Ниже на плоскости располагаются пятно с рваным контуром и две вертикальные черты, перекрытые трещинами. Одна из них на нижнем конце повернута влево и раздваивается. Линии и пятно выполнены охрой кирпичного оттенка. На соседнем камне (справа) находятся два изображения в виде трезубцев, выполненные охрой бордового оттенка (антропоморфные фигуры?). Один «трезубец» расположен остриями вверх, другой – вниз. Между ними находится знак в виде кольца с отростком, нанесенный охрой кирпичного оттенка.

Плоскость 10 (размеры: 83 см по вертикали, 79,5 см по горизонтали) расположена под плоскостью 9 (плоскость 9 нависает над ней), под положительным углом наклона

¹ Вероятней всего, представлен фрагмент личины с параболоидным контуром.

² Как выяснилось позже, на плоскости представлены остатки антропоморфной фигуры, выполненной в «скелетном стиле».

обращена на ВЮВ (азимут 30°). Поверхность плоскости повреждена выломами и трещинами, частично перекрыта современными надписями. Изображения выполнены охрой бордового и кирпичного оттенков.

На плоскости выявлены рисунки, относящиеся предположительно к трем хронологическим слоям. Это видно из общей структуры композиции, где присутствует явное наложение изображений друг на друга (палимпсест). Изображения выполнены в контурном и силуэтном стилях. Исходя из порядка наложения рисунков, следует полагать, что самым древним из них является фигура, расположенная в правом верхнем углу плоскости. Это контурное изображение копытного животного. Голова и пара передних ног у него не фиксируются (частично из-за наложений). В центральной части

Табл. 66. Писаница Каменка I:

1. Плоскость 11. 2. Плоскость 12. 3. Плоскость 13

плоскости находится изображение, выполненное поверх вышеописанной фигуры. Это контурный рисунок копытного, у которого одна из задних ног частично не фиксируется. Туловище у него имеет угловатый контур.

К третьему (самому позднему) хронологическому слою относятся два антропоморфных изображения. В левом верхнем углу располагается личина, обозначенная подовальным контуром, разделенным прямыми линиями на четыре части. Снизу к ней примыкают вертикальные линии, напоминающие бороду, которые также могут являться передними ногами копытного животного. Линии в верхней части личины напоминают «рога». Личина частично перекрыта современными надписями. К этому же хронологическому слою относятся, по-видимому, фрагменты антропоморфной фигуры. Ее голова – округлой формы, перекрывает голову копытного животного, имеет роговидные отростки. Шея хорошо обозначена, показаны плечи, и на этом фигура практически обрывается. Выявленные ниже скопления охристых вкраплений и пятен могут быть фрагментами туловища и одной ноги. Данный участок плоскости поврежден выломами.

Плоскость 11 (размеры: 66 см по вертикали, 43 см по горизонтали) расположена правее плоскости 9, над плоскостью 13. Верхняя часть плоскости вертикальная, обращена на ЮВ (азимут 60°), нижняя грань под отрицательным углом наклона экспонирована на ЮЮЗ (азимут 110°). Плоскость повреждена выломами. Все изображения выполнены охрой бордового оттенка. В верхней части изображены три вертикально расположенные черты, частично перекрытые выломами. Одна из них слегка изогнута, другая имеет отходя-

щие вправо горизонтальные отростки. На нижней грани располагаются пятна и две прямые черты – горизонтальная и вертикальная. По обеим сторонам вертикальной черты находятся два кольцеобразных контура. Вместе с чертами их можно определить как фрагменты антропоморфной личины (табл. 66, рис. 1).

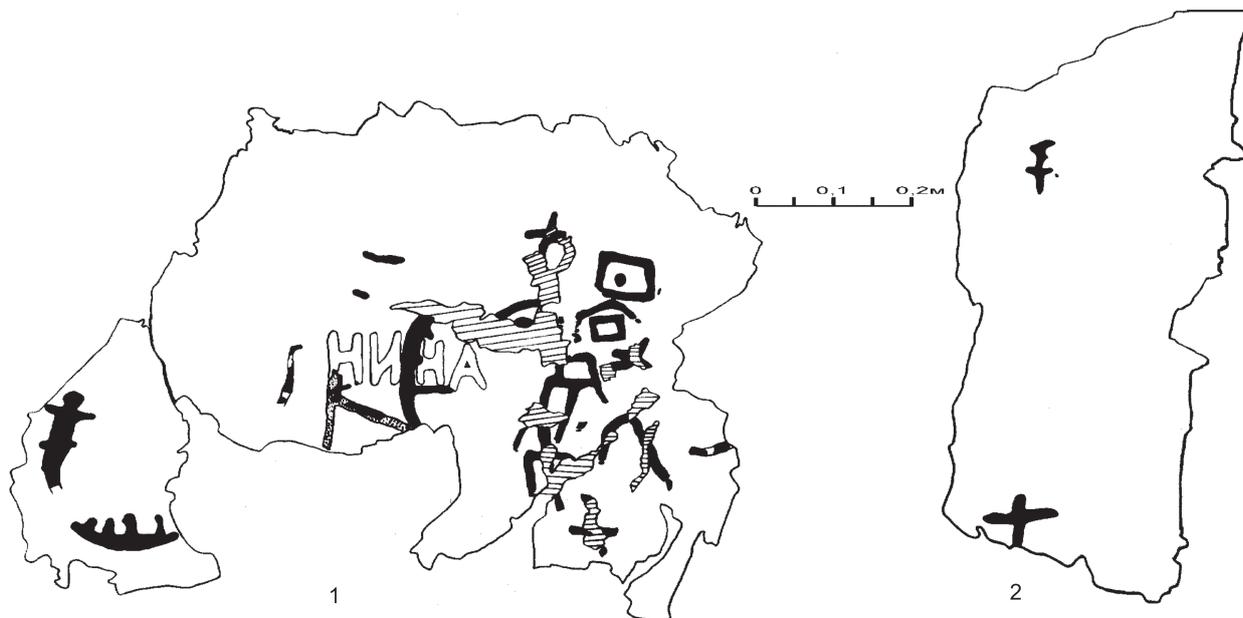
Плоскость 13 (размеры: 0,5 м по вертикали и 1 м по горизонтали), смежная с плоскостью 10, находится под плоскостью 11 и разделена с нею горизонтальным уступом скалы шириной 5 м. Поверхность плоскости неровная, бугристая, покрыта трещинами и выломами, плотным слоем лишайников, разделена на две части выступом. Под положительным углом наклона она обращена на ЮВ (азимут 60°). В центре плоскости изображен солярный знак с радиальными отростками-лучами. Внутри его контура – пятно. Ниже знака располагается горизонтальная черта. На плоскости зафиксировано еще несколько мелких пятен с рваными контурами и охристые вкрапления (табл. 66, рис. 3).

Плоскость 12 (размеры: 63,5 см по вертикали и 29 см по горизонтали) расположена в 0,8 м правее плоскости 11, под отрицательным углом наклона обращена на ЮВ (азимут 60°). Плоскость разделена надвое выступом. В левой верхней ее части изображена антропоморфная фигура в виде вертикальной восьмерки, выполненная охрой бордового оттенка. Голова не сохранилась, руки отсутствуют, тело имеет вид овального контура, ноги внизу сведены вместе. В нижней части плоскости расположена вертикально-наклонная черта, правее от нее – округлое пятно охры (табл. 66, рис. 2).

Плоскость 14 б (размер: 30 см по вертикали, 35 см по горизонтали) находится под плоскостью 12, в 10 м над уровнем воды, под отрицательным углом обращена на юго-восток. Ее поверхность повреждена выломами и трещинами (табл. 57). Рисунки выполнены охрой красного цвета с кирпичным оттенком.

Табл. 67. Писаница Каменка-I. Плоскость 14

Табл. 68. Писаница Каменка-I:

1. Плоскость 15 а, б. 2. Плоскость 16

На плоскости изображена вертикально расположенная многофигурная композиция (табл. 67). Случаев палимпсеста нет. В нижней части плоскости изображена горизонтально расположенная лодка. Выше – изображения трех копытных животных, трудноопределимого вида, нижнее из которых практически не сохранилось из-за трещины. Рисунки выполнены в линейном стиле, ноги показаны одинарными линиями. Справа от них находится фаллическая антропоморфная фигура. «Голова» у нее показана в виде небольшого вертикального отростка, тело – в виде контура ромба; два ромбовидных контура зафиксированы по обе стороны туловища. Постановка ног – П-образная. Над фигурой, левее ее, находятся изображения двух птиц, показанных как бы в полете, и антропоморфная фигура, почти полностью перекрытая современной надписью. Выше расположено изображение лодки, также перекрытое современной надписью. Над лодкой выявлены рисунки всадника и солнца. Всадник изображен в линейном стиле, лошадь – в силуэтом. Пары конечностей лошади показаны одинарной линией. Изображение солнца представлено в виде круглого контура с радиальными отростками-лучами и пятном внутри. Выше – два прямых креста и изображение птицы, выполненное в линейном стиле. На «хвосте» птицы имеется небольшое утолщение, крылья показаны в виде дуги. Над ними зафиксированы два трудноопределимых знака: один в виде прямого креста с удлиненными горизонтальными лопастями и утолщением на левом конце одной из них; другой – в виде кольца с небольшим отростком. Здесь же присутствует трудноопределимое изображение, которое представляет собой крупное пятно с рваным контуром и тремя «отростками».

Плоскость 15 а (размеры: 32 см по вертикали, 20 см по горизонтали) расположена правее плоскости 14, в 12 м над уровнем воды, под отрицательным углом обращена на юго-восток. Ее поверхность ровная, выломов и трещин нет. Рисунки выполнены охрой красного цвета с кирпичным оттенком (табл. 68, рис. 1).

В нижней части плоскости находится рисунок лодки, выполненный в линейном стиле. На лодке имеются четыре вертикальных отростка (люди?). Выше – изображение зооантропоморфного существа, тело и голова у него выполнены в силуэтом стиле. Короткие конечности – в линейном стиле, расположены перпендикулярно телу. Гипертрофированно показаны хвост или линия фаллоса.

Плоскость 15 б (размеры: 60 см по вертикали, 73 см по горизонтали) расположена правее плоскости 15а, под отрицательным углом обращена на юго-восток. Ее поверхность повреждена выломами и трещинами. Рисунки выполнены охрой красного цвета с кирпичным оттенком (табл. 68, рис. 1).

Среди фрагментов трудноопределимых изображений зафиксированы две антропоморфные личины – одна из них частично повреждена трещинами и перекрывает другую, которая сохранилась только в виде «глаза» (прямоугольник с точкой внутри). Перекрывающая личина показана с двумя пустыми прямоугольными глазницами и дугообразными бровями над ними. Ниже изображены квадратный рот и «борода» в виде вертикальных изогнутых «отростков».

Также на плоскости зафиксированы два знака в виде прямых крестов: один над личинами, другой левее от них. Выявлены фрагменты прямого креста, расположенного рядом с двумя другими и поврежденного в центре трещиной. По периферии плоскости находятся несколько прямых и изогнутых линий.

Плоскость 17 (размеры: 102 см по вертикали, 151 см по горизонтали) обращена под отрицательным углом наклона на ЮЮВ (азимут 70°). Поверхность плоскости повреждена выломами. Рисунки выполнены охрой бордового оттенка.

На данной плоскости представлены изображения, относящиеся, по-видимому, к одному временному периоду. Композиция имеет горизонтальное построение (табл. 69, рис. 1). В верхней части плоскости, почти параллельно горизонту расположены два горизонтальных ряда прямых вертикальных черт небольшого размера. Здесь же имеются различные пятна с рваным контуром и изогнутые линии. Ниже представлены трудноопределимые фрагменты рисунков, сохранившиеся в виде изогнутых линий с «отростками». Правее находятся уже более определенные изображения, представляющие собой 4 антропоморфные фигуры и знак в виде наклоненной вправо восьмерки, в верхнем кольце которой к центру сходятся наклонные линии, образуя «дольки». Самая нижняя из антропоморфных фигур – горизонтальная, выполнена в линейном стиле, ноги фигуры не фиксируются. Правее и выше изображены две однотипные фигуры. Туловища у них имеют удлиненный подтреугольный контур с фрагментами линейного внутреннего заполнения. Головы и высокие навершия оформлены сходящимися вертикальными линиями. Пары нижних конечностей показаны одной линией, руки отсутствуют. Между головными уборами фигур находится небольшая линейная антропоморфная фигура, показанная вниз головой.

Плоскость 19 (размеры: 2 м по вертикали, 3 м по горизонтали) расположена на северной стенке утеса (со стороны р. Каменки), в 1,5 м правее плоскости 18, под отрицательным углом наклона обращена на СВ (азимут 300°), в подножии имеет небольшой приступок шириной 0,4 м. Поверхность плоскости сравнительно ровная, выломов, трещин нет, в центральной части обильно покрыта лишайниками, уничтожившими красящий слой рисунков. Рисунки выполнены охрой бордового оттенка с различной степенью яркости. На плоскости представлен комплекс рисунков, состоящий из личин, знаков, антропоморфной фигуры и трудноопределимых изображений, выявленных на высоте 0,8–1,5 м от подножия (табл. 69, рис. 2). На плоскости изображено семь личин, расположенных по периметру камня. Большинство не имеют контура и представлены, как правило, в виде окружностей и древовидных отростков между ними, обозначающих рот, глаза и нос. В двух случаях личины симметрично перекрывают друг друга, оставляя общей межглазную линию. У трех личин снизу к контуру рта примыкают линии «бороды». Личина, изображенная в левой нижней части

Табл. 69. Писаница Каменка-І:

1. Плоскость 17. 2. Плоскость 19

плоскости, имеет неполный сердцевидный контур (левая половина изображения утрачена) с горизонтальной линией «татуировки» и древовидным навершием. Глаза и рот с пятью «отростками» «бороды» показаны в виде овалов. Ниже зафиксированы фрагменты еще одного рта и, по всей видимости, туловища. Слева и выше нее зафиксированы изображения знаковых символов и линейная антропоморфная фигура. Антропоморфная фигура показана схематично: голова в виде вертикального отростка, переходящего в туловище, руки в виде горизонтальной черты, ноги показаны А-образно. Знаковые символы представлены в виде наклонной восьмерки, у которой верхнее кольцо внутри пересечено линией и пятью крестами, один из которых прямой, другой – в виде свастики. Седьмая личина находится в 1 м от общей композиции, в правой нижней части плоскости, на высоте 0,5 м от подножия. Расположена она в окружении крестовидных знаковых символов и имеет вид трех окружностей (глаза и рот) с изогнутой скобкой над ними (фрагмент сердцевидного контура?).

Плоскость 20 высотой 2 м и шириной 3 м, смежная с плоскостью 19, находится правее и выше ее на 1 м, под отрицательным углом наклона обращена на СВ (азимут 310°). Рисунки расположены в свободной от лишайников центральной части плоскости. Представлены изображения лодки, солнца и других знаковых символов. Цвет охры: светло- и темно-бордовый.

Плоскость 21 высотой 0,8 м и шириной 0,6 м находится в 2 м к СЗ от плоскости 20, на том же уровне скальных обнажений, под отрицательным углом наклона обращена на СВ (азимут 310°). Рисунки выявлены на участке отслоившихся скальных пород площадью 0,3 кв. м. По периметру плоскости нанесен ряд черточек, в центре выявлены личина и фрагменты других изображений темно-бордового цвета.

Писаница Каменка-II

Петроглифы расположены на правом берегу р. Ангары, в 0,5 км к востоку от д. Каменки, в 0,2 км к ЮВ от левого берега р. Каменки (приток р. Ангары), на мысовидном скальном выходе с задернованной вершиной (табл. 50, № 2). На северных и западных стенах утеса на протяжении 14 м выявлено 14 плоскостей с рисунками, выполненными красной охрой (табл. 70). Экспонированы рисунки на север, СЗ, запад. Зафиксированы знаковые символы, фигуры людей, животных, птиц, всадник.

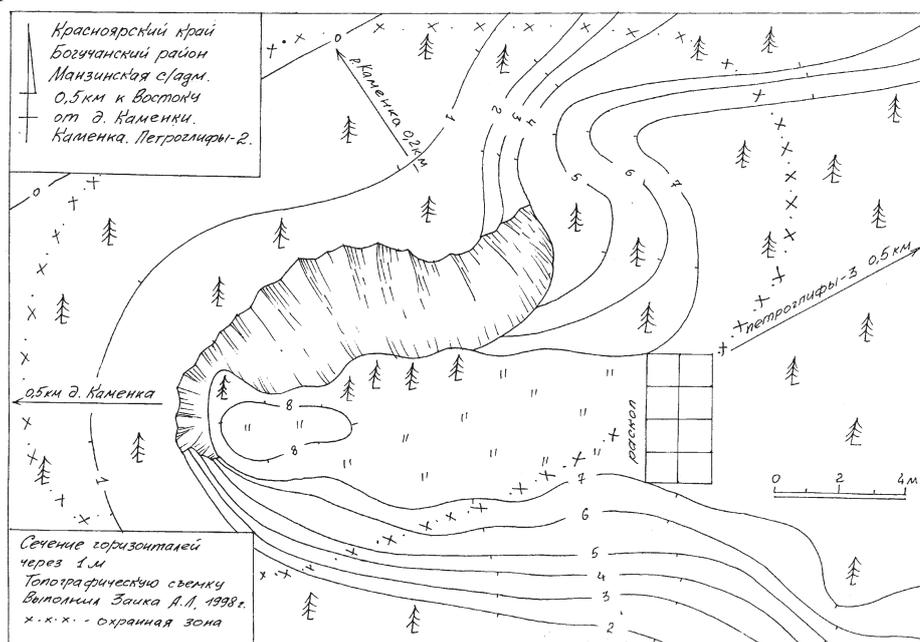

Табл. 70. Каменка. Петроглифы-2 (писаница Каменка-II). Топографический план

Табл. 71. Писаница Каменка-II. Плоскость 14.
Копии наскальных изображений

Плоскость 14 находится на восточной оконечности писаницы. Плоскость небольшая (ширина 37 см, высота 30 см), по горизонтали поделена пополам узкой трещиной. Поверхность ровная, рисунки выполнены красной охрой. Выявлены фрагменты трудноопределимых линейных фигур, одна из которых напоминает изображение птицы с развернутыми крыльями и хвостовым оперением в виде тройного пучка линий (табл. 71).

У нижней кромки плоскости сохранилось изображение в виде дуги с радиально отходящими от нее линиями. Количество «лучей» – 10. Сверху изображение оконтуривает дугообразная линия с развилкой на концах.

Писаница Каменка-IV

Петроглифы расположены на правом берегу р. Ангары, в 5 км к ЮВ от д. Каменки, на восточной оконечности скального массива, в 1 км выше устья руч. Зергулей, на высоте 15–17,5 м от уреза воды (табл. 2, № 11). Границы памятника имеют размеры: по линии запад – восток – 150 м, по линии север – юг – 50 м. Рисунки выполнены охрой различных оттенков, выявлены на 10 плоскостях, обращены на ЮЗ, ЮВ, юг, восток (табл. 72). Зафиксированы антропо- и зооморфные фигуры, солярные знаки, личины. Представлены охотничьи и скотоводческие сюжеты, культовые сцены.

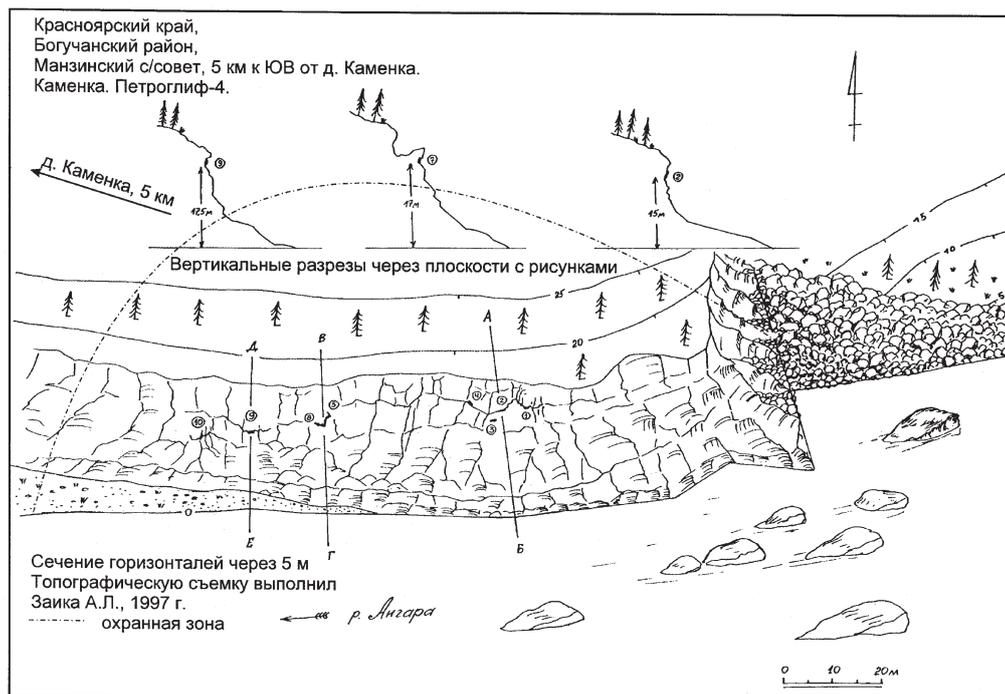

Табл. 72. Каменка. Петроглиф-4 (писаница Каменка-IV). Топографический план

Табл. 73. Писаница Каменка-IV. Копия рисунков на плоскости 2

Плоскость 2 расположена на крайнем правом (восточном) участке писаницы, на высоте 15 м от уреза воды, под небольшим отрицательным углом наклона (-5°) обращена на юг (азимут 90°) (табл. 72). Плоскость подтреугольной формы, размером по вертикали 110 см, по горизонтали 109 см (в основании), ограничена участками выломов скальных пород. В подножии плоскости в настоящее время удобная площадка для нанесения рисунков отсутствует. Поверхность плоскости неровная, волнистая, несет следы древних геологических процессов (диффузия пород) в виде волнистых и спирально закрученных бороздок, а также пересечена узкими диагональными трещинами. Левый и верхний края плоскости осыпались, повредив рисунки.

Практически вся поверхность плоскости покрыта взаимоперекрывающимися изображениями, выполненными охрой бордового оттенка (табл. 73). По всей видимости, наиболее древний (нижний) пласт рисунков представлен вертикальной композицией, состоящей из трех антропоморфных фигур с масками – личинами (табл. 74). Поверх данных изображений был нанесен вертикальный ряд животных (лоси?), выполненных в контурном стиле, реалистично. Справа от данной композиции выявлен фрагмент силуэтной фигуры лося (?). Этот рисунок мог появиться как раньше, так и одновременно с данной композицией животных, ориентированы фигуры вправо. Одновременно или чуть позже появился ряд изображений более мелких животных, противопоставленных фигурам лосей. Фрагменты подобной фигуры выявлены под изображением «нижнего» лося. Наиболее поздними, вероятно, являются геометризованные знаковые символы в виде контурных фигур, распо-

Табл. 74. Писаница Каменка-IV. Плоскость 2. Антропоморфные фигуры

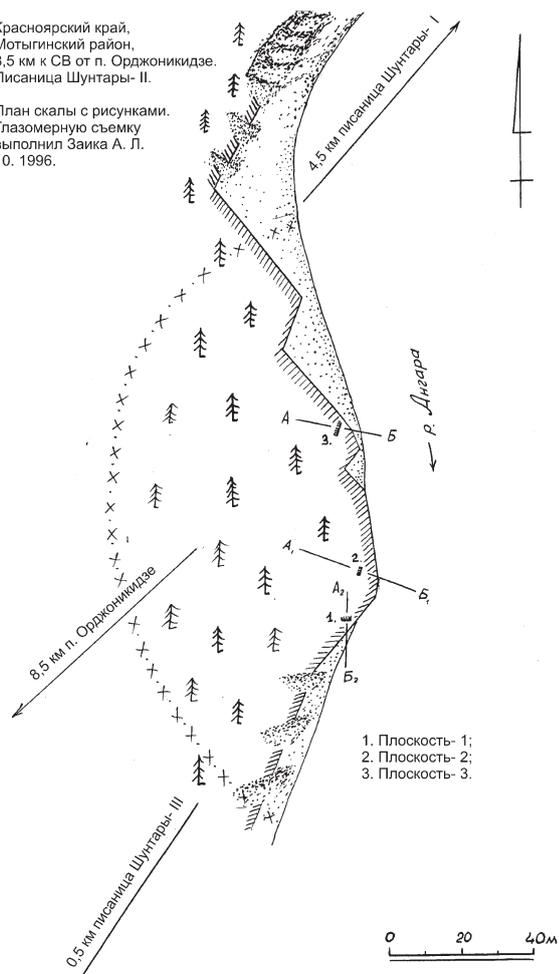
женные по периферии плоскости. Неясно положение в этой системе силуэтного знака – солнечного символа – и фрагмента изображения в виде вертикальной черты и кольца в нижней части плоскости (личина?). Подобный вариант в структуре палимпсеста не претендует на завершенность и достоверность по причине отсутствия контрастов в цветовых тонах рисунков различных изобразительных пластов. В данном случае мы опирались на видимые случаи перекрывания одного изображения другим, на композиционную взаимосвязь фигур и стилистические признаки.

2.9. Петроглифический комплекс «Шунтары»

Писаница расположена в 15 км ниже (по течению) устья р. Каменки у шиверы Шунтарской (табл. 2, № 9). Рисунки встречаются на протяжении 5 км вдоль правого берега р. Ангары и сконцентрированы на трех участках скальных обнажений. Рисунки приурочены к плоскостям отвесных береговых утесов, сложенных известняками. Утесы невысокие (15–20 м), с уплощенной, залесованной хвойным лесом вершиной, часто разделены обширными участками слабо задернованных береговых осыпей. Плоскости с рисунками находятся с речной стороны утесов на высоте 9–11,5 м, вертикальные, обращены на юг, юго–восток и восток (табл. 75, 76). В ряде случаев они имеют в основании горизонтально наклоненные площадки, в большинстве своем – труднодоступны (табл. 54, фото 1).

Красноярский край,
Мотыгинский район,
8,5 км к СВ от п. Орджоникидзе.
Писаница Шунтары- II.

План скалы с рисунками.
Глазомерную съемку
выполнил Заика А. Л.
10. 1996.

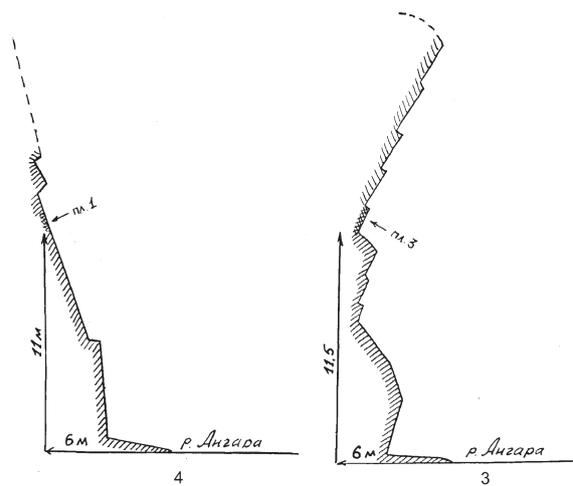
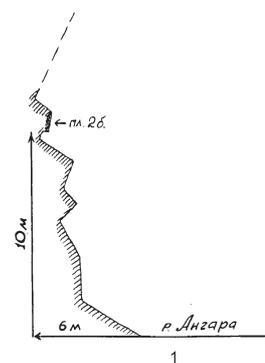

Табл. 75. Писаница Шунтары-II.
Топографический план

Писаница Шунтары- II.
Разрезы скалы через плоскости с
рисунками.
Выполнил Заика А. Л. 10. 1996.

1. Разрез по линии А₁ - Б₁;
2. Разрез по линии А₂ - Б₂;
3. Разрез по линии А - Б;

0 4 8 м

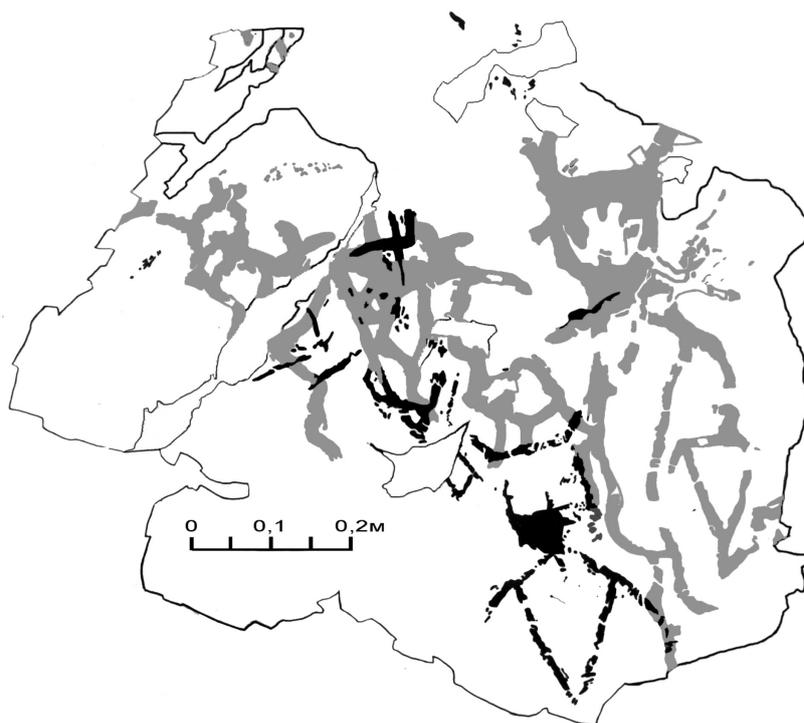
Табл. 76. Писаница Шунтары-II. Разрезы через
плоскости с рисунками

Рисунки выполнены красной охрой различных тонов (от светло-розового до темно-бордового) контурно, силуэтно, в линейном стиле. Выявлены изображения животных, людей, знаковые символы. Многие рисунки повреждены или практически уничтожены вследствие естественного разрушения скальных пород, распространения лишайников, покрыты известковыми натечками.

Всего выявлены три группы писаниц: Шунтары-I, II и III. Антропоморфные изображения встречаются на писанице Шунтары-II, на скальном массиве под названием «Утесы Хомантичьи». Рисунки выявлены в месте речного прижима на трех плоскостях отвесного берегового утеса с плоской залесованой верхушкой (табл. 75).

Плоскость 2 находится в центральной части утеса, на высоте 10 м от уреза воды, сильно повреждена вследствие естественных разрушений скальных пород, в подножии имеет полого наклонную к реке широкую площадку. Рисунки сохранились на трех участках плоскости (табл. 77).

Участок (б) занимает центральную часть плоскости. Поверхность камня с небольшим отрицательным наклоном немного вогнута, сравнительно ровная, по диагонали расчечена двумя крупными и им перпендикулярными более мелкими трещинами. Рисунки экспонированы на юго-восток (азимут 20°). Нижняя, верхняя и боковая части камня утрачены. Сохранилась центральная часть многофигурной композиции с участием «рогатых» антропоморфных фигур. Нижний пласт рисунков выполнен охрой темно-бордового цвета,

Табл. 77. Писаница Шунтары-II. Плоскость 2. Копии наскальных изображений

их перекрывают линии более светлых тонов. Разновременные рисунки объединены общей темой, которую условно можно обозначить «шаманы».

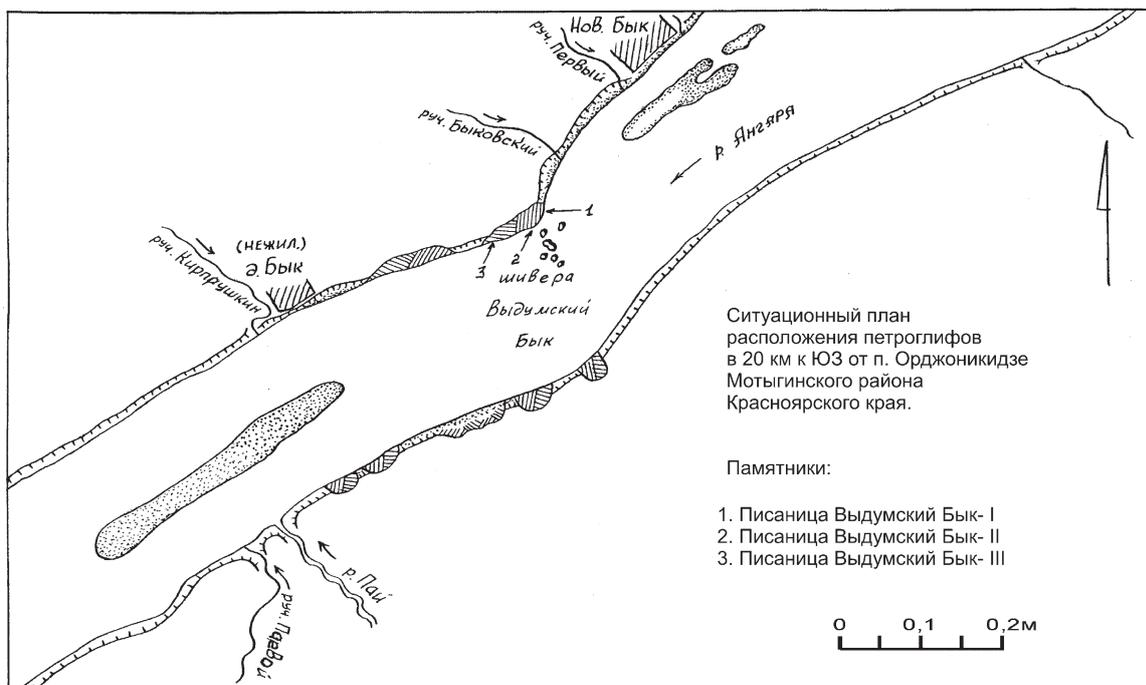
В левой части показана вереница «одноногих» антропоморфных фигур с туловищами подтреугольной формы, головы у них показаны в виде развилки. Перекрывают их фрагменты очертаний более поздних изображений. В правой части выявлены: крупная фигура человека с маской-личиной, увенчанной «рогами», и перекрывающая ее, во многом иконографически повторяющая ее, но более геометризированная антропоморфная фигура с крупной «рогатой» маской-личиной. Скорее всего, временной интервал между данными изобразительными пластами сравнительно невелик.

Участок (а) находится на небольшой грани камня (место осыпания скальной породы) в левой части плоскости (в 0,6 м к юго-западу от участка (б)). Сравнительно ровная поверхность камня под положительным наклоном обращена на ЮВ. Выявлены фрагменты изображения в виде изогнутой линии, нанесенной охрой темно-розового цвета.

Участок (в) расположен в правой части плоскости, на месте вылома небольшого блока скалы, в 1 м к северо-востоку от участка (б). Грань с рисунками под отрицательным углом обращена на ЮВ. Выявлен фрагмент изображения в виде дуги с «отростками», опущенной концами вниз. Цвет охры малиновый.

2.10. Петроглифический комплекс «Выдумский Бык»

Комплекс петроглифов находится на правом берегу р. Ангары, в 27 км ниже п. Орджоникидзе (табл. 2, № 8), между бывшими дд. Бык и Новый Бык, на скальном массиве Выдумский Бык, напротив шиверы Выдумский Бык (табл. 78). Окружающая местность представляет собой таёжную зону с холмистым рельефом (абсолютные отметки 360–600 м) правобережья р. Ангары. Береговая линия представлена отвесными утёсами, сложенными

Табл. 78. Ситуационный план расположения петроглифов в 20 км от п. Орджоникидзе, напротив шиверы Выдумский Бык

известняками. Утёсы невысокие (15–20 м) с уплощённой залесованной вершиной, часто разделены обширными участками слабозадернованных осыпей.

Рисунки выявлены в трёх пунктах на береговых утёсах, разделённых полукилометровыми участками мощных береговых осыпей (табл. 78). Рисунки выполнены красной охрой различных оттенков силуэтно, контурно, линейно, в «скелетном» стиле, а также путём прочерчивания сухим минеральным карандашом, нанесены на вертикальные фризы скалы. Наибольшая концентрация рисунков наблюдается на «верхнем» (по течению реки) участке скал (Выдумский Бык-I) (табл. 78, № 1). Большинство рисунков скрыты под мощными известковыми натёками (табл. 86, фото 2), покрыты мхами и лишайниками, часто труднодоступны.

Писаница Выдумский Бык-I

Писаница расположена в верхней по течению (восточной) оконечности скального массива, в 0,7 км ниже устья руч. Быковский. Часть рисунков расположена на восточной стороне скальных обнажений, обращённых к реке. Площадки 9–17 находятся на южных фризах скалы, уходящих вглубь берега. Рисунки выявлены на протяжении 300 м вдоль берега и 100 м вглубь него, на высоте 7–30 м от уреза воды (табл. 79).

Площадь 1 находится на северной оконечности писаницы, в 18 м от берега, на высоте 9 м от уреза воды, с небольшим отрицательным наклоном обращена на восток (азимут 0°). В подножии плоскость имеет узкую, наклонную к реке площадку, обрывающуюся к подножию утёса отвесной стеной (табл. 79, № 1). Высота плоскости 2 м, длина 3,5 м, поверхность сильно неровная, с мелкими остроугольными выступами и впадинами. По всей длине этого скального фриза от его основания до 1–1,2 м (по высоте) на неровных площадках выявлены рисунки, нанесенные поверх известковых натёков или перекрытые ими. Известковая корочка частично отслоилась, повредив изображения. Основной цвет охры – светло-розовый, реже – бордовый, встречаются случаи палимпсеста. Площадь содержит три

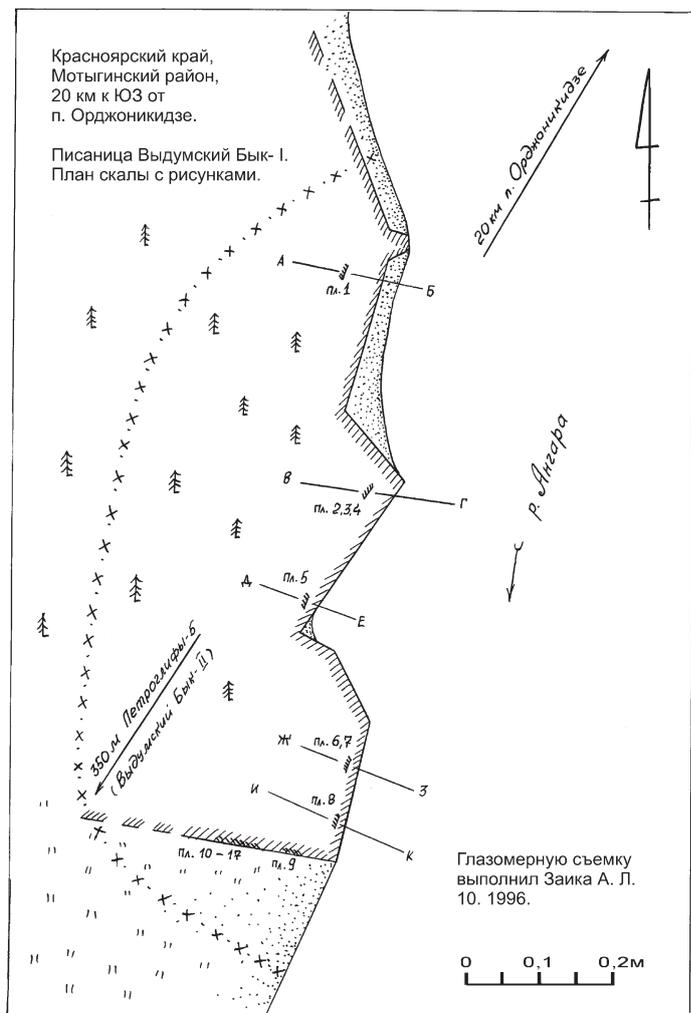

Табл. 79. Писаница Выдумский Бык-I.
Топографический план

участка, разделённых вертикальными уступами.

На участке 1 а, слева от уступа, в верхней части плоскости находится антропоморфное изображение в виде личины (табл. 80, рис. 1). Справа от неё – два фрагмента контурных фигур. Слева и ниже – два фрагмента неоконтурных антропоморфных личин. Ниже одной личины находится рисунок в виде вертикального овала («рот» личины?) и дугообразная линия. В нижней части плоскости выявлена частично оконтуренная антропоморфная личина, выполненная охрой розового цвета. Внешний контур личины выполнен охрой бордового цвета, имеет вид дугообразной линии с межглазным прогибом и внешними радиальными «лучами». Правее изображена другая антропоморфная личина сердцевидной формы, дополненная сверху вертикальным «отростком» древовидной формы. Выше находится крест, справа от личины – линейная Y-образная фигура. Правее

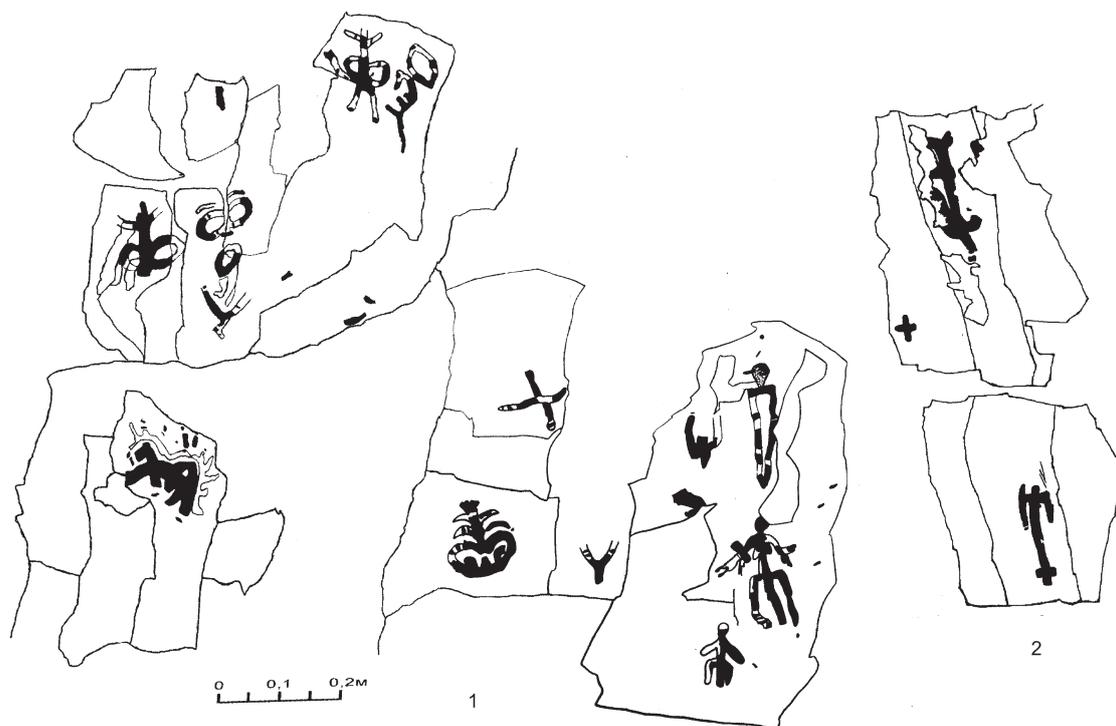

Табл. 80. Писаница Выдумский Бык-I. Копии наскальных рисунков:

1. Плоскость 1 а. 2. Плоскость 1 б

выявлена вертикальная композиция из трёх антропоморфных фигур. Верхняя фигура – с удлинённым контурным туловищем подтреугольной формы, у которой отсутствуют конечности. Центральная фигура вертикальная, фаллическая, в верхней части туловища с двух сторон изображены выступы (женская грудь?). Верхние конечности пересечены поперечными линиями. Изображение выполнено в линейном стиле. Нижняя фигура вертикальная, линейная, фаллическая.

На участке 1б, справа от уступа, выявлен фрагмент фигуры в виде подтреугольного контура, разделённого внутри горизонтальной чертой и имеющего внешние «отростки». Левее и ниже выявлен знак в виде прямого креста (табл. 80, рис. 2). Ниже, под горизонтальной трещиной, изображена вертикальная, линейная антропоморфная фигура. Линию туловища в основании пересекает короткий мазок охры. Справа над головой фигуры – три штриховые линии.

Плоскости 2, 3, 4 расположены ниже по течению, в 100 м к югу от плоскости 1, за береговой осыпью на скальном мысовидном утёсе (табл. 79, № 2, 3, 4). Находятся они на высоте 7 м от уреза воды, в 12,5 м к западу от берега реки. Плоскости с рисунками имеют удобный подход с берега, между собой горизонтально сопряжены по ступеням скального фриза, под небольшим отрицательным углом обращены на ЮВ (азимут 35°–40°). Под известковыми натёками и поверх них, за границами распространения чёрного лишайника выявлены плохо различимые контуры рисунков, выполненные охрой тёмно-красного цвета. Рисунки повреждены трещинами, выломами скальных пород, участками отслоившейся карбонатной корки. По всей видимости, для рисунков выбирались более светлые, покрытые известковыми натёками участки плоскости, которые затем густо заполнялись изображениями, что определило вертикальное построение ряда композиций.

Плоскость 2 небольшая, вертикальная, под небольшим положительным углом обращена на ЮВ (азимут 35°). В центре плоскости выявлена фигура в виде ломаной линии, выполненная охрой бордового цвета.

Табл. 81. Писаница Выдумский Бык-I. Копии наскальных рисунков: плоскость 3

Плоскость 3 смежная с плоскостью 2, с правого края разделена с нею вертикальным выступом скальных пород шириной 0,3 м, широкая (1,8 x 1 м), вертикальная, обращена на ЮВ (азимут 35°) (табл. 81). Рисунки выполнены красной охрой вишнёвого оттенка.

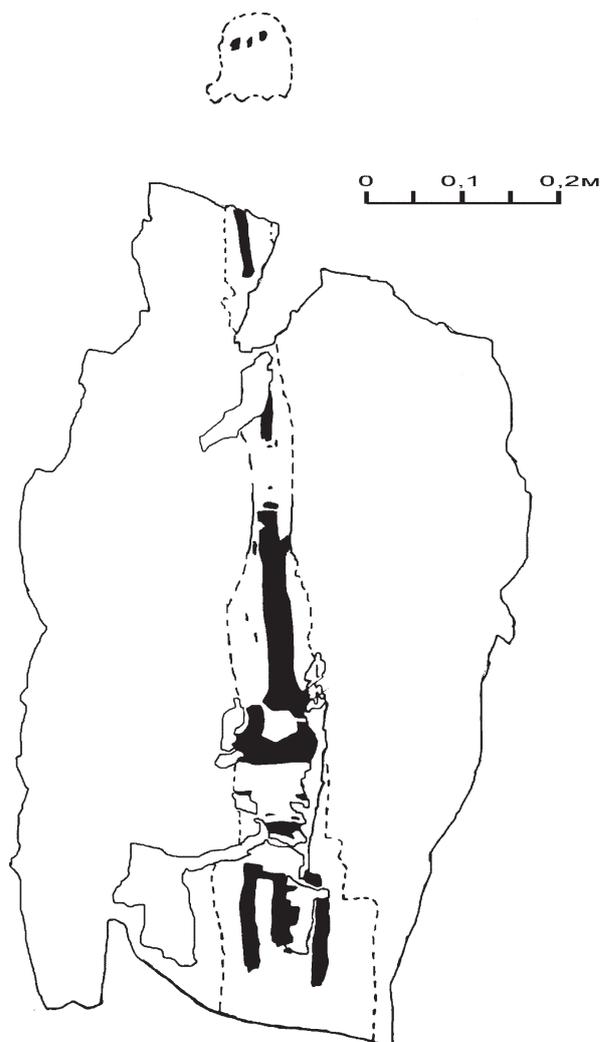
В верхней части плоскости выявлены взаимно перпендикулярные мазки охры, образующие ломаную линию. Под ними находится сложная фигура в виде округлых контуров с боковыми «отростками» (личина?). Ниже расположен горизонтальный ряд сопряжённых между собой трёх круглых пятен с боковыми крестовидными и другими «отростками». Поверх центрального пятна нанесена линейная антропоморфная фигура с развёрнутыми по сторонам конечностями. Фаллический «отросток» у фигуры в нижней части имеет кольцевидный контур. Ниже, у основания плоскости, представлена трудноопределимая конфигурация в виде двух сомкнутых округлых контуров со сложным внутренним и внешним оформлением.

Левее, на поверхности частично сохранившихся участков карбонатной корки выявлен вертикальный ряд фрагментов линейных фигур. В левой части плоскости сохранились фрагменты антропоморфной и двух трудноопределимых фигур.

На правом краю плоскости представлены антропоморфная фигура, выполненная в «скелетном» стиле, и короткий мазок охры. Туловище фигуры имеет овальный контур, разделённый внутри одной вертикальной и двумя горизонтальными линиями. Конечности отсутствуют. На тонкой шее показана голова в виде маски-личины с полукруглым (параболоидным) контуром и двумя крестовидными «рожками». Глаза обозначены двумя небольшими пятнышками, нижняя часть личины частично заполнена краской по контуру треугольника.

Плоскость 4 широкая (2,3 м), высотой 1 м, вертикальная, обращена на ЮВ (азимут 40°), находится в 2,5 м к югу от плоскости 3. У правого края плоскости на поверхности известкового натёка выявлен рисунок, выполненный охрой бордового цвета. Рисунок представляет собой изображение антропоморфной личины с высоким головным убором в виде вертикальной линии с боковыми отростками. Внешний контур личины не выявлен. Глаза и ноздри обозначены небольшими горизонтальными мазками охры, рот имеет вид широкой полоски. В нижней части личины выявлены три вертикальные линии – «бороды», соединённые в верхней части поперечной линией (табл. 82). Рисунок повреждён выломами скальных пород, участками отслоившейся карбонатной корки.

Плоскости 6, 7 расположены на отвесном утёсе, в месте прижима течения реки, напротив надводных камней шиверы, в 60 метрах от плоскости 5/6, в 4,5 м от берега реки,

Табл. 82. Писаница Выдумский Бык-I.
Копии наскальных рисунков: плоскость 4

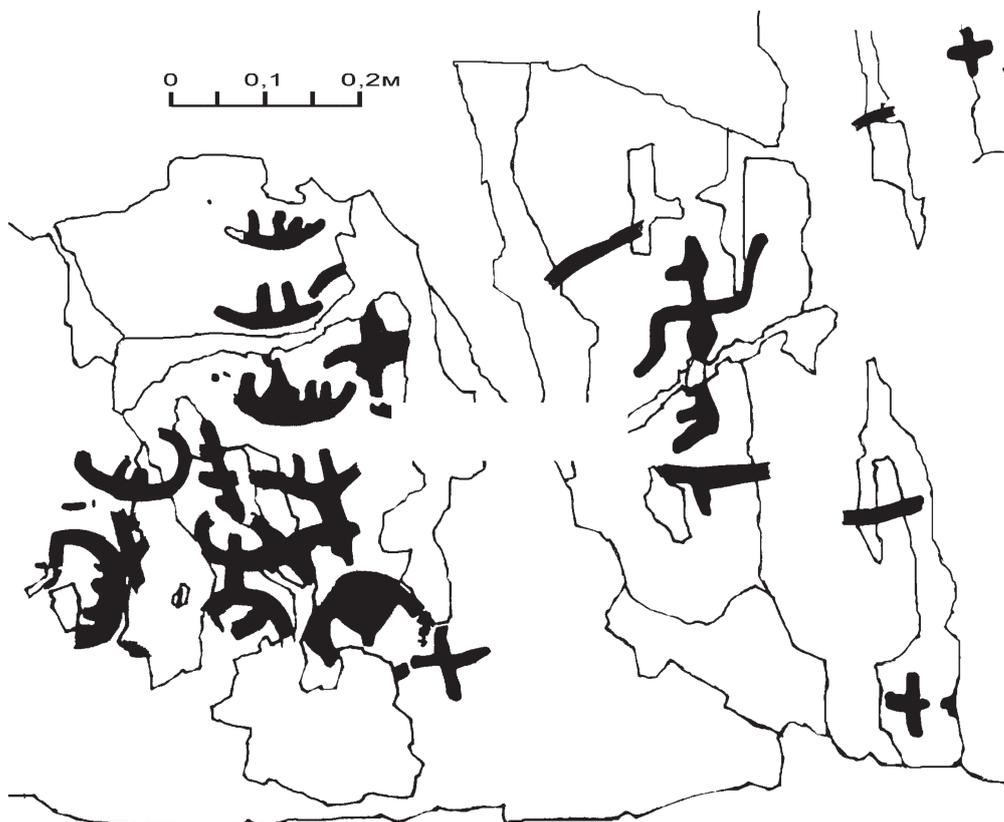

Табл. 83. Писаница Выдумский Бык-I. Копии наскальных рисунков: плоскость 7 а

на высоте 9 м от уреза воды (табл. 79, № 6, 7). Плоскости смежные, не имеют в основании какой-либо площадки, под отрицательным углом (-20°) обращены на ЮВ (азимут 20° , 25° , 30°). Плоскость 6 подтреугольной формы, основание её шириной 2,5 м, правое ребро – 2,0 м, левое – 1,0 м. Слева к ней по диагонали примыкает плоскость 7. Длина ее 3 м, правая часть высотой 1,5 м, левая – 0,5 м. Поверхности плоскостей сравнительно ровные, покрыты мощным слоем известковых натёков, под которыми просматриваются по всей площади многочисленные рисунки с явными случаями палимпсеста. Цвет охры на всех плоскостях бордовый.

В центральной части плоскости 6 выявлено изображение дугообразной фигуры с тремя вертикальными отростками наверху (лодка с пассажирами?). Правый конец дуги пересекает косой мазок охры. Ниже и правее изображена другая подобная фигура с одним вертикальным отростком (лодка с пассажиром?). Вверху над первым изображением – три вертикальных мазка охры.

На поверхности плоскости 7 а выявлены изображения лодок, антропоморфных фигур, прямых крестов, фрагменты линейных фигур (табл. 83). Поверхность плоскости покрыта трещинами, повреждена выломами скальных пород, рисунки перекрыты мощным слоем известковых натёков. На соседней плоскости 7 б на поверхности фрагментарно сохранившейся карбонатной корочки выявлен фрагмент изображения в виде вертикальной линии.

Плоскости 8 а, 8 б, 8 в находятся в 30 м к ЮЗ от плоскости 7, на высоте 13 м от уреза воды, в 10 м от кромки берега. Они являются гранями выступающего каменного блока скальных пород, который в подножии имеет небольшой приступок, оканчивающийся крутым скатом скалы (табл. 79, № 8).

Плоскость 8 а крайняя левая, под отрицательным углом обращена на ЮВ (азимут 65°), повреждена выломами скальных пород, покрыта известковыми натёками. На высо-

те 1 м от подножия плоскости выявлены рисунки, выполненные охрой кирпичного оттенка. Представлена вертикальная композиция из двух антропоморфных фигур в сопровождении крестовидных фигур и фрагментов трудноопределимых линейных изображений (табл. 84, рис. 1). Верхняя антропоморфная фигура выполнена в скелетном стиле. Голова подтреугольная, силуэтная, с двумя линейными выступами «рогов» по краям. Туловище имеет подтреугольный контур, разделённый внутри поперечными угловатыми линиями, оканчивается ромбовидным контуром сведённых вместе ног. Руки широко расставленные в стороны, согнуты в локтях, опущены вниз, оканчиваются трёхпальными кистями. Нижняя фигура более крупная, контурная. Голова имеет вид угловатого овала с двумя вертикальными линиями «рогов». Удлиненное подтреугольное туловище имеет широкие плечи и зауженную талию, внутри пересечено дугообразной линией. Сравнительно короткие ноги расставлены в стороны. Руки опущены вниз, согнуты в локтях. Одна рука оканчивается дугообразной линией, другая сохранилась фрагментарно.

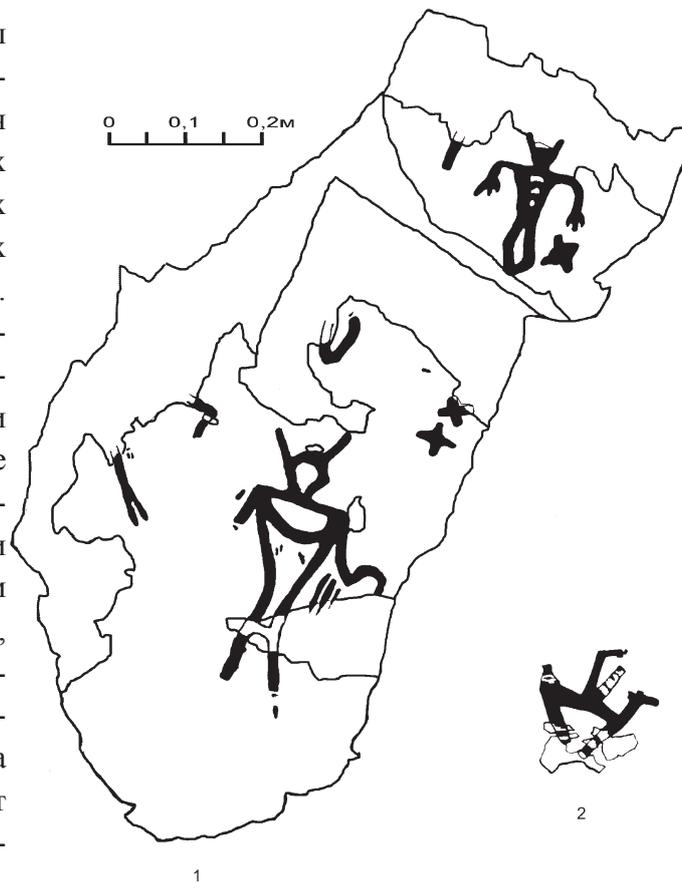

Табл. 84. Писаница Выдумский Бык-I.

Копии наскальных рисунков:

1 – плоскость 8 а; 2 – плоскость 8 б

Плоскость 8 б находится правее за широкой расщелиной (ширина 1,2 м), под отрицательным углом наклона обращена на ЮВ (азимут 65°). На высоте 0,8 м от подножия плоскости выявлен фрагмент подтреугольной контурной фигуры с линейными выступами в верхней части (табл. 84, № 2). Рисунок выполнен охрой вишнёвого цвета.

Плоскость 8 в находится в полутора метрах к СВ от плоскости 8 б, на правом краю каменного выступа, под отрицательным углом наклона экспонирована на ЮВ (азимут 55°). На высоте 1 м от подножия плоскости выявлены линейные фрагменты плохо сохранившейся фигуры, по всей видимости, антропоморфного облика и знак в виде прямого креста. Рисунки выполнены охрой вишнёвого цвета (табл. 85).

Плоскости 9–17 расположены в южной оконечности утёса, где скальные обнажения круто поворачивают от речного русла и уходят на запад вглубь берега (табл. 79). Отсутствие речного течения обусловило накопление в подножии утёса мощных отложений осыпающегося крупного и мелкообломочного материала породы. Слабо задернованная осыпь по мере удаления от берега по наклонной возрастает и на высоте 28 м от уреза воды, в 85 м от русла реки полностью перекрывает скальные обнажения, оставляя небольшие останцы. Рисунки фиксируются на скальных фризах у верхней границы осыпи.

Плоскость 9 находится в 18 м к ЗСЗ от русла реки на высоте 5–6,5 м от подножия (верхней кромки осыпи) и, соответственно, в 10 м от уреза воды. Экспонирована плоскость на юг (азимут 290°), труднодоступна. Видны на поверхности плоскости фрагменты рисованных изображений, выполненных охрой бордового цвета. Размещены рисунки на двух

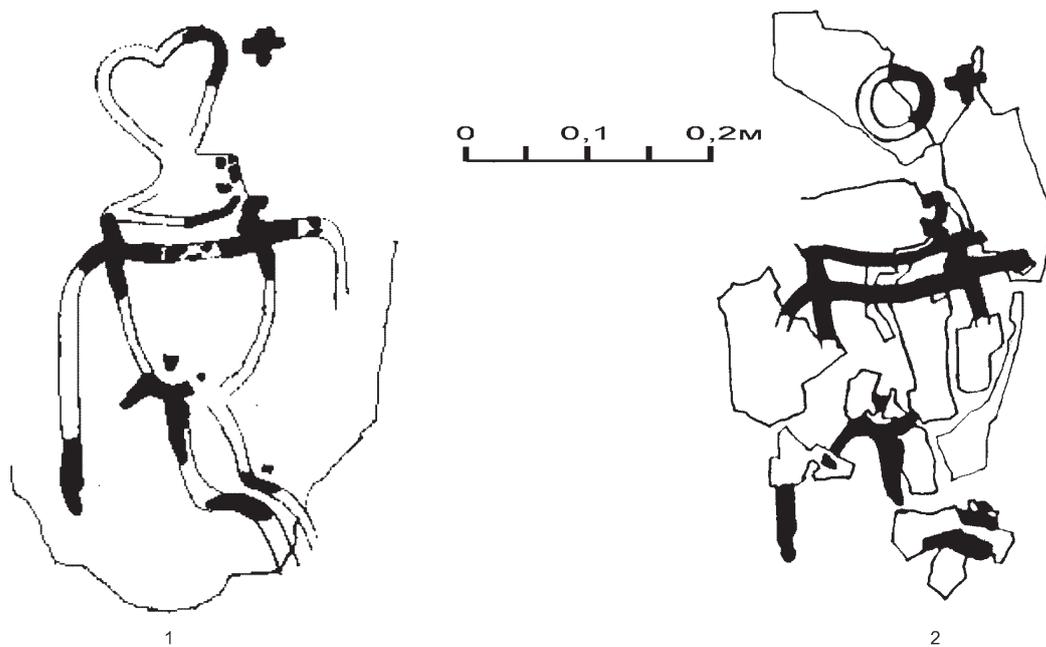

Табл. 85. Писаница Выдумский Бык-I. Копии наскальных рисунков: плоскость 8 в; 1, 2 – варианты реконструкции изображений

Табл. 86. Писаница Выдумский Бык-I. Копии наскальных рисунков: плоскость 14

участках скального фриза, которые разделены выломами скальных пород шириной 0,6 м. На верхнем участке (плоскость 9б) шириной 2,6 м и высотой 1,4 м выявлены крестовидные знаки, лодки, фрагменты линейных фигур. На нижнем участке плоскости 9б (высота 0,6 м, длина 1 м) выявлены две антропоморфные фигуры, выполненные в линейном стиле, крестовидный знак, фрагменты линий.

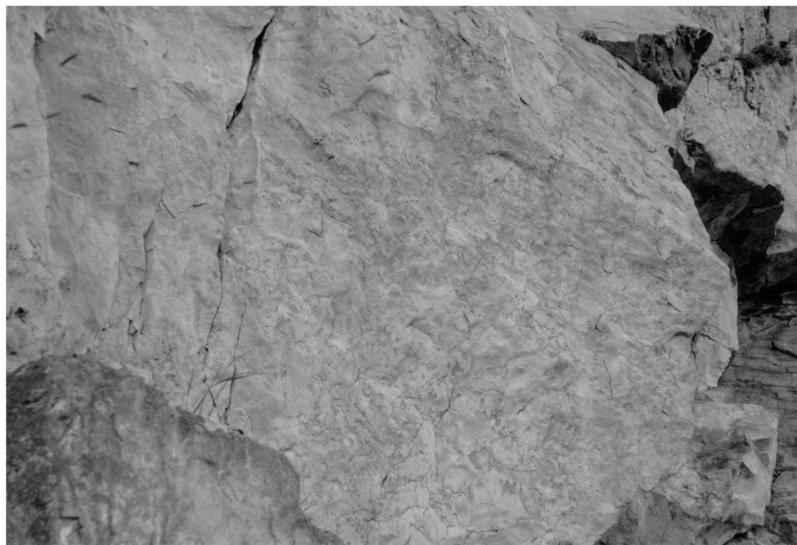
Плоскости 10, 11 находятся в 30 м к западу от плоскости 9, у края осыпи, на высоте 17–17,5 м от уреза воды, на широком угловатом фризе скалы. Сквозь известковые нате-

ки, за границами распространения лишайника видны контуры трудноопределимых фигур, фрагменты линий.

Плоскость 10 находится на правом участке фриза и обращена на ВЮВ (азимут 20°). На высоте 0,8–1 м от подножия выявлены: линейные антропоморфные фигуры и косой мазок охры, выполненные охрой кирпичного оттенка.

Плоскость 11 является 1 левой верхней частью скального фриза, обращена на ЮЮЗ (азимут 110°). На высоте 1,4 м от подножия плоскости – четыре пятна, расположенные по контуру ромба, горизонтальные и наклонные мазки охры. Рисунки выполнены охрой бордового цвета, по всей видимости, отпечатались следы пальцев, покрытых красящим пигментом. Появиться они могли как случайно, так и преднамеренно с целью определения соответствия консистенции, цветовых характеристик краски и фактуры, расцветки каменного «полотна». Левее расположена вертикальная полоса, перекрытая

2 поперечными линиями. Под известковыми натёками цвет рисунка приобрел тёмно-розовый оттенок.

Табл. 87.

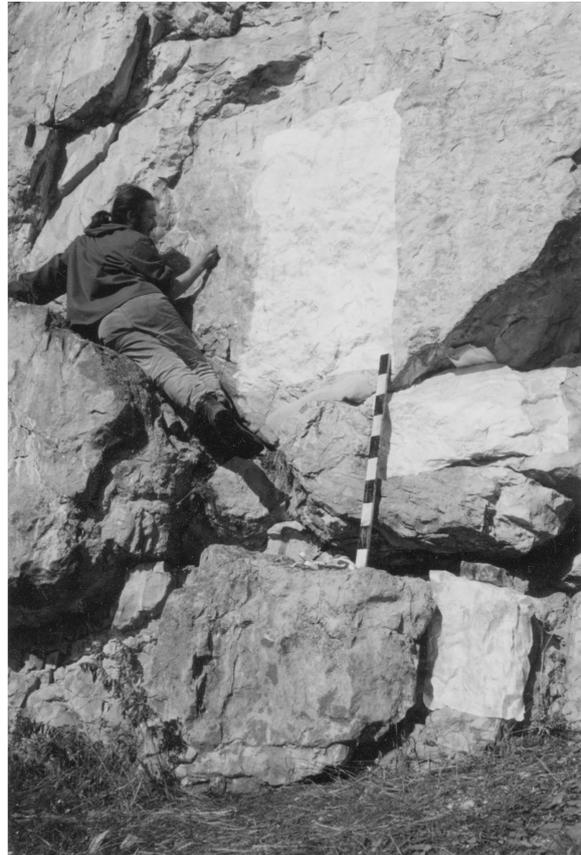
1. Писаница Рыбное. Вид с юго-востока. Ночные съемки.

2. Писаница Выдумский Бык-1. Плоскость 14. Вид с юго-запада

Плоскость 12 находится в 2 м к западу от плоскости 11, на небольшом угловатом каменном выступе у верхнего края осыпи, под широким нависающим карнизом скалы. Под положительным углом наклона она обращена на юг (азимут 40°). Выявлены мазки охры кирпичного оттенка и тонкие росчерки того же цвета.

Плоскости 13, 14, 15 расположены за поворотом, в 4 м к СЗ от плоскости 12, на высоте 18,5–21 м от уреза воды. Плоскости смежные, находятся на одном скальном фризе, разделены вертикальными трещинами и уступами, обращены на ЮЮВ (азимут 70°).

Плоскость 14 (центральная) крупных размеров, сравнительно ровная, с волнистым рельефом, обращена на юг (азимут 90°). По всей площади покрыта рисунками, контуры которых не совсем ясны. В центральной части плоскости удалось выявить изображение антропоморфной фигуры с «рогатой» маской-личиной, рисунок выполнен охрой розового цвета (табл. 88, фото1). Левее фрагментарно выявлена фас-профильная контурная антропо-

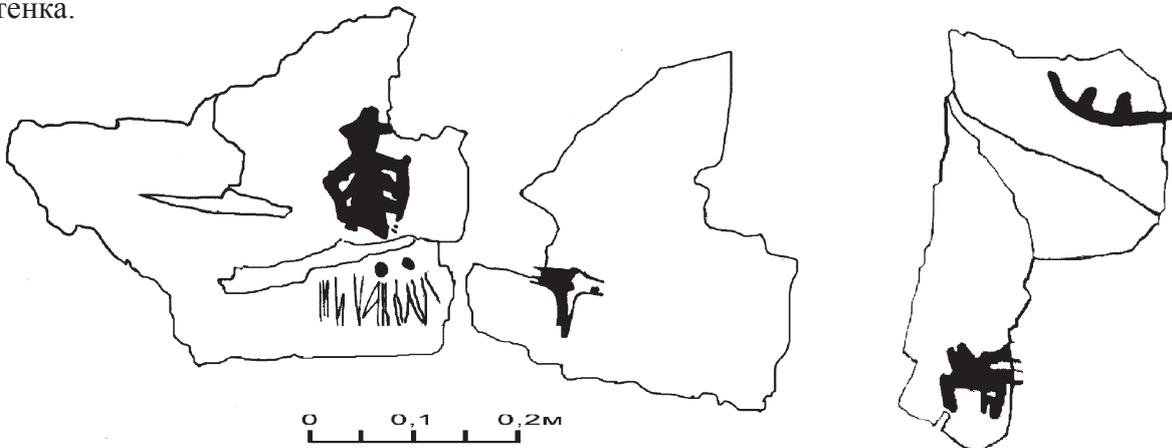
1

2

Табл. 88. Писаница Выдумский Бык-I. Плоскость 14:

1. Контуры рисунков на микалентной бумаге. 2. Копирование на микалентную бумагу

морфная фигура тёмно-розового цвета с маской-личиной, нижняя часть рисунка перекрыта контурным изображением копытного животного кирпичного оттенка, ориентированного в правую сторону. В верхней части плоскости находится крупное изображение антропоморфной личины с трапециевидным контуром, который симметрично окаймляют две угловатые линии с развилками на верхних концах. Глаза и рот личины обозначены небольшими пятнами (табл. 86). Рисунки выполнены охрой бордового цвета. Левее, за границей вертикальной трещины, выявлена другая личина с неполным сердцевидным контуром. Ниже хорошо сохранился на плоскости рисунок копытного животного (козел?), выполненный охрой того же цвета. Остальные видимые фрагменты линейных фигур выполнены охрой кирпичного оттенка.

1

2

Табл. 89. Писаница Выдумский Бык-I. Копии наскальных рисунков:

1. Плоскость 16 б. 2. Плоскость 16 в

Плоскость 16 а, б – крупных размеров (3,5 x 2,0 м), находится в глубокой нише, на высоте 21,5–22 м от уреза воды, защищена скальными карнизами. В центральной части плоскости (участок 16 а) выявлена хорошо сохранившаяся вертикальная композиция с участием линейных фигур и ромбовидных контурных знаков. Рисунки выполнены охрой бордового цвета, экспонированы на Ю и ЮЮЗ (азимут 100–110°). Правее в небольшой нише (участок 16 б), под известковыми натеками выявлена антропоморфная фигура, выполненная в «скелетном» стиле. Под ней были обнаружены росчерки сухого минерального карандаша (табл. 89, рис. 1). Цвет охры – розовый, экспонированы рисунки на юг (азимут 90°). В левой части фриза, на небольшом обломке скальных пород (участок 16 в) сохранились рисунок лодки и фрагмент линейной фигуры всадника (табл. 89, рис. 2). Экспонированы рисунки на ЮЗ.

Писаница Выдумский Бык-II

Писаница расположена в 350 м к ЮЗ от писаницы Выдумский Бык-I на береговом утесе. На высоте 6 м от уреза воды, на плоскости, обращенной на восток (азимут 3°), зафиксированы рисунки. Плоскость находится в небольшой нише под козырьком скалы. Выявлена силуэтная фигура животного (лось?), выполненная охрой темно-красного цвета. Рядом зафиксированы фрагменты трудноопределимого изображения.

Писаница Выдумский Бык-III

Писаница расположена в 0,5 км ниже по течению от писаницы Выдумский Бык-II, на крутом береговом утесе (табл. 78, № 3). На широком диагонально наклонном фризе скалы (4,8 x 2,0 м), экспонированном на ЮВ, на высоте 13 м от уровня воды и в 12 м от берега реки выявлены три плоскости с изображениями антропоморфных личин и фрагментарно сохранившихся линейных фигур. Рисунки выполнены красной охрой и сухим минеральным карандашом.

Плоскость 1 (2,5 x 1 м) находится в правой нижней части фриза, ограничена трещинами и выломами скальных пород, под отрицательным углом наклона обращена на ЮЮВ (азимут 258°). В нижней части плоскости зафиксирована неоконтурная личина, по обе ее стороны расположены фрагменты линейных фигур и прямой крест (табл. 90). У личины показаны два округлых глаза и вертикальная межглазная линия с боковыми ответвлениями, рот не обозначен. В центре плоскости находится горизонтальная черта, к ко-

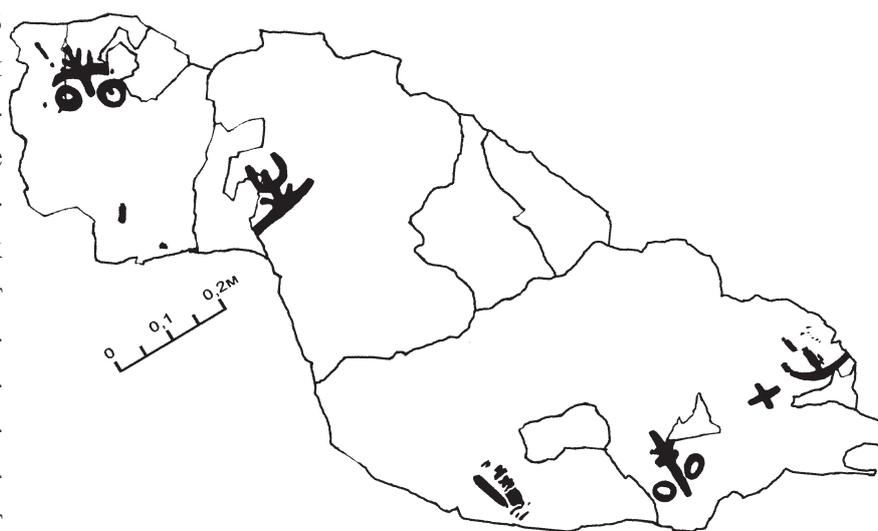
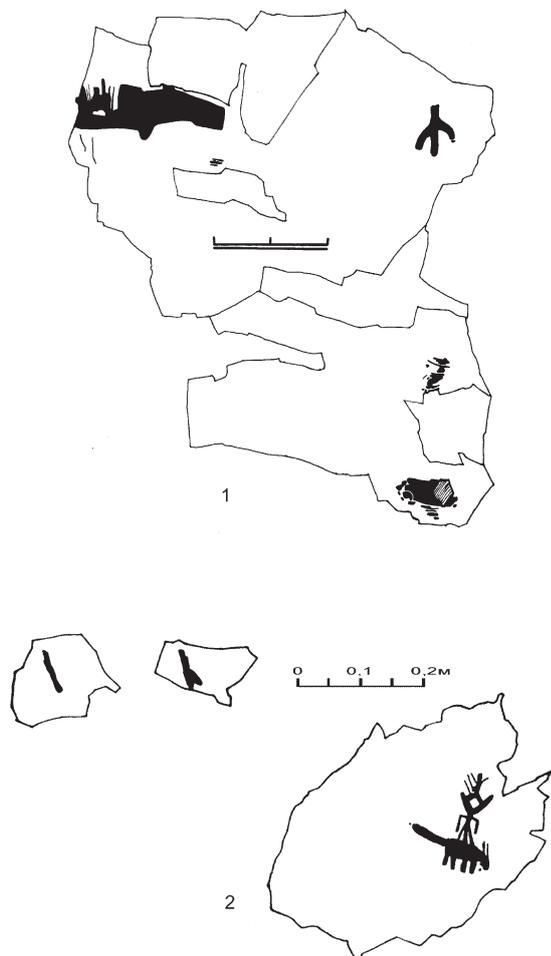

Табл. 90. Писаница Выдумский Бык-III.
Копии наскальных рисунков: плоскость 1

Табл. 91. Писаница Выдумский Бык-III.
Копии наскальных изображений:
1. Плоскость 2. 2. Плоскость 3

торой сверху примыкает вертикальная линия с боковыми «отростками» (антропоморфная фигура?). Выше, за границей трещины, расположена вторая подобная неоконтуренная личина. В отличие от нижней личины, у нее присутствует линия межглазного прогиба.

Плоскость 3 находится в 2,5 м от плоскости 1, на левом участке скального фриза, на высоте 0,5 м от его подножия обращена на ЮЮВ (азимут 258°), ограничена трещинами. Выявлена линейная фаллическая антропоморфная фигура с ромбовидной маской-личинной и древовидным головным убором, помещенная на спину животного (табл. 91, рис. 2). Животное имеет длинный горизонтально вытянутый хвост и короткие вертикальные конечности. Туловище узкое, силуэтное, оканчивается короткой шеей. Голова опущена вниз, вертикальными штрихами минерального карандаша (как и «отростки» головного убора человека) обозначены сравнительно длинные уши животного.

2.11. Писаница Рыбное

Писаница Рыбное расположена в 10 км к ЮЗ от п. Мотыгино, на восточной окраине д. Рыбное (табл. 92), на сланцевом утесе серо-зеленого цвета под названием «Рубашный» («Кармакул») (табл. 94, фото 1).

Рисунки расположены в северо-западной части утеса на вертикальных и горизонтально наклонных плоскостях, на высоте 4–4,5 м от уреза воды, экспонированы на юго-восток (табл. 93). Изображения выполнены путем выбивки, в ряде случаев – с последующей шлифовкой. Вследствие выветривания скальных плоскостей, действия воды и льда рельеф рисунков к настоящему времени частично сnivelирован и приобрел слабовыраженный характер. Более того, многие плоскости покрыты толстыми напластованиями современной масляной краски, густо заполнившей слабые углубления линий рисунков. По вышеуказанным причинам контуры изображений при дневном освещении теряются¹ и визуально просматриваются только при контрастном боковом освещении (каждая деталь рисунка выявляется под определенным углом падения света), в условиях полного затемнения (табл. 87, фото 1)². Всего были

¹ Первые рисунки были выявлены «на кончиках пальцев» при обследовании «подозрительной» плоскости (плоскость 3) осязательным путем.

² Скорее всего по этим причинам можно объяснить неудачи предыдущих исследователей во время поиска петроглифов на писанице. Все это послужило причиной разработки и использования новых приемов и методов полевых исследований.

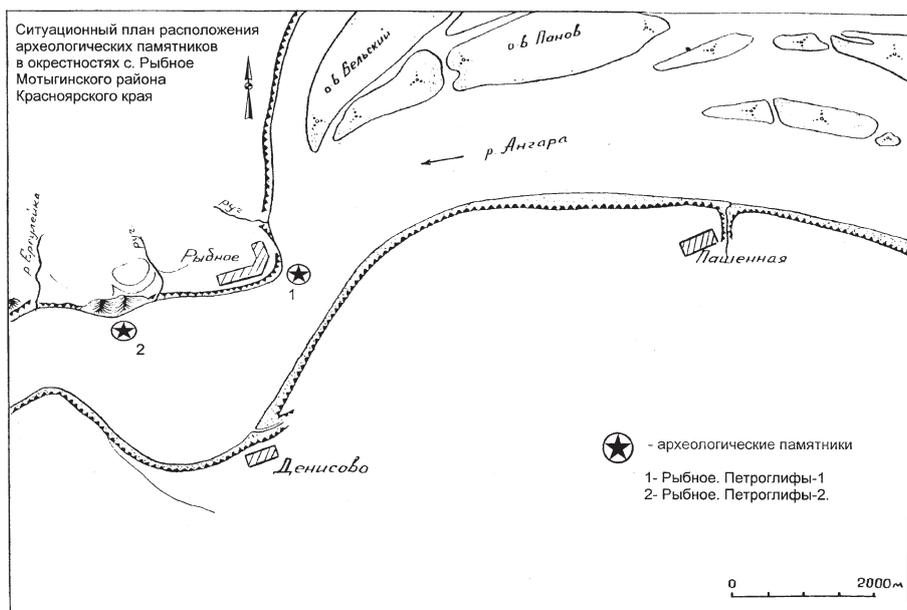

Табл. 92. Ситуационный план расположения археологических памятников в окрестностях с. Рыбное

выявлены три плоскости с рисунками. Интересующие нас антропоморфные изображения были зафиксированы на третьей плоскости.

Плоскость 3 расположена на восточном отвесном склоне утеса, в 3 м к западу от русла реки, в 40 м к северо-востоку от плоскостей 1, 2, на высоте 4,7 м от уреза воды. В 30 м к юго-западу (азимут 250°) от плоскости, на вершине утеса установлен памятник-стела погибшим партизанам. Напротив плоскости, вдаваясь в русло реки, находится пологая площадка скальных выходов. Плоскость крупных размеров (высота 3 м, длина 4,85 м) имеет форму пятиугольника, по вертикальной линии симметрично немного вогнутая, под положительным углом наклона (20°) обращена на юго-восток (азимут 30°), в основании имеет узкую площадку. По всей площади плоскость густо покрыта рисунками. Частые случаи палимпсеста привели к тому, что площадь «девственной» скальной по-

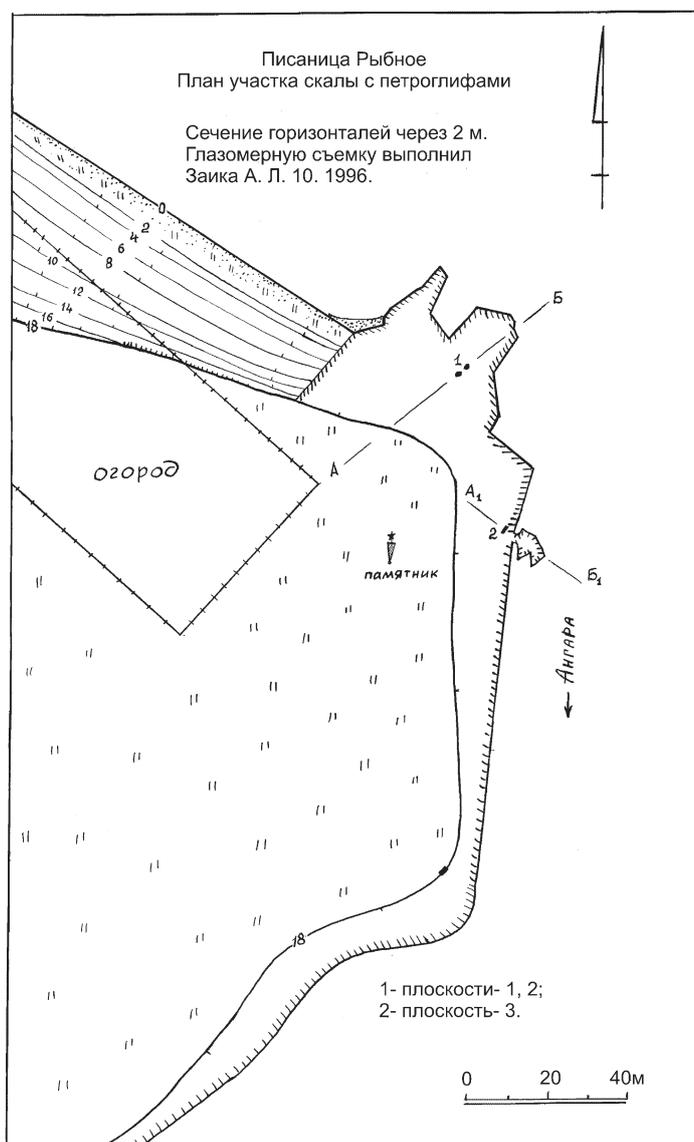

Табл. 93. Писаница Рыбное. Топографический план

верхности уступила рукотворной¹. Более того, вся поверхность покрыта несколькими слоями масляной краски, запечатлевшей современные надписи и большой (в человеческий рост) рисунок русалки.

Древние рисунки выполнены в технике выбивки. Линии углублений, формирующие большинство рисунков, широкие (3,0–3,5 см), в поперечном разрезе имеют вид плавной дуги, по степени «загара» не отличаются от скальной поверхности. Внутренняя часть углублений имеет «чешуйчатый» вид, что можно объяснить вертикально-слоистой структурой сланцевых пород скалы. Часть изображений выполнена узкими (0,4–0,7 см) линиями выбивки, имеют угловатые контуры. Рисунки показаны линейно, контурно, силуэтно.

Основной сюжет петроглифов – фигуры птиц с развернутыми по сторонам крыльями, встречаются контурные фигуры копытных животных с трапециевидными и сегментовидными туловищами. Зафиксированы изображения людей, антропоморфной личины, солярных знаков, решетковидной фигуры (табл. 94, фото 2).

Личина находится в центре плоскости, имеет сердцевидный контур и разветвленный головной убор (табл. 102, рис. 3). Контур личины разделен на четыре сектора перпендикулярными линиями. В верхней части мелкой неглубокой точечной выбивкой обозначены глаза. Анализ микрорельефа линий изображения показал, что в основе данного образа лежит фронтальная фигура птицы, у которой голова была обращена в правую сторону. Позже нижние концы крыльев были плавно соединены с хвостовым оперением, замкнув, таким образом, сердцевидный контур. Поперечным желобком была оформлена горизонтальная линия «татуировки», точечными ударами – «глаза». К линии головы и клюва птицы был добавлен симметричный боковой «отросток», обозначивший разветвленное навершие антропоморфной личины.

1

2

Табл. 94. Писаница Рыбное:

1. Общий вид с северо-востока. 2. Плоскость 3. Вид с юго-востока

¹ Ночью при боковом освещении рельеф плоскости выглядит как поверхность стиральной доски. Соответственно, все это создало большие трудности при выявлении контуров каждого рисунка.

2.12. Писаница Мурожная-3

Писаница Мурожная-3 (Первомайск. Петроглифы-5, 6) расположена на правом берегу р. Ангары, в 255 м к востоку от писаницы 2 (табл. 95, № 5, 6). На протяжении около 100 м вдоль берега реки, на высоте 1,5–3 м от уреза воды выявлено пять плоскостей с рисунками, экспонированных на Ю и ЮВ (табл. 97, 98). На поверхности сравнительно ровных вертикальных плоскостей скальных обнажений сланцевых пород обнаружены изображения, выполненные путем точечной выбивки, протирки и гравировки. Представлены фигуры людей в сложных головных уборах, с округлыми и ромбовидными масками-личинами, изображения животных (табл. 99).

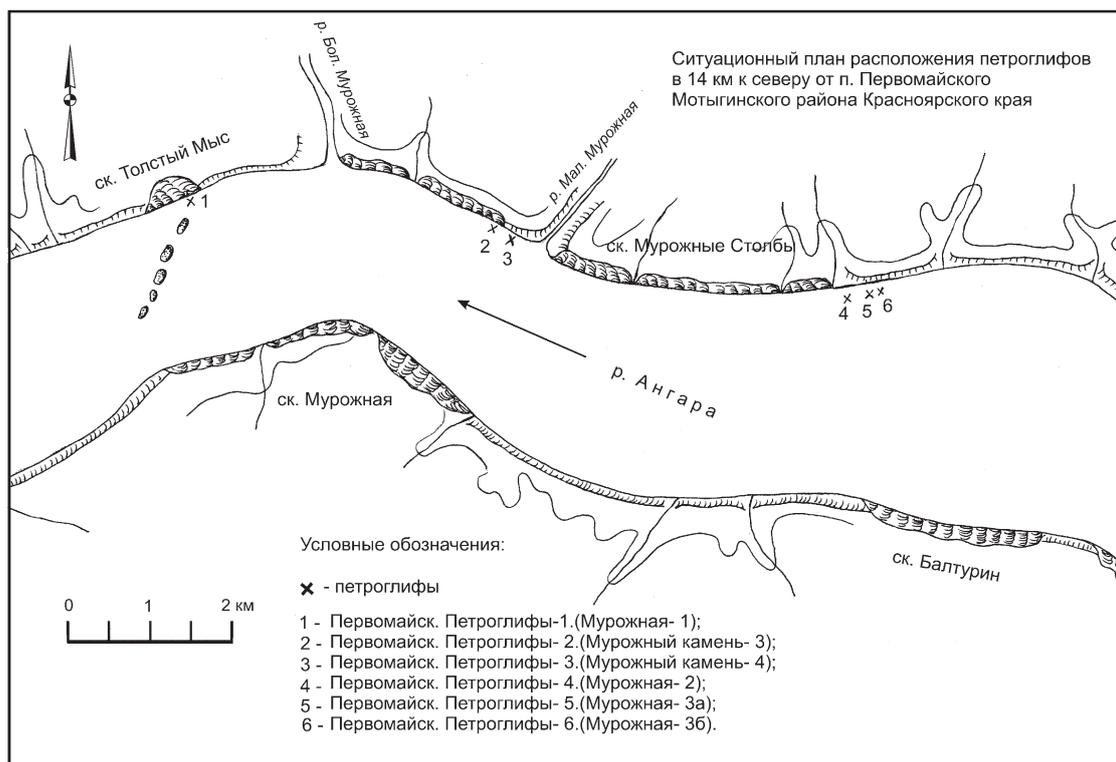

Табл. 95. Ситуационный план расположения петроглифов в 14 км к северу от п. Первомайского

Табл. 96. Мурожный камень-4:

1. Вид с СВ на раскопанную часть валуна. 2. Вид с СЗ. Работы по расчистке валуна от наносного грунта

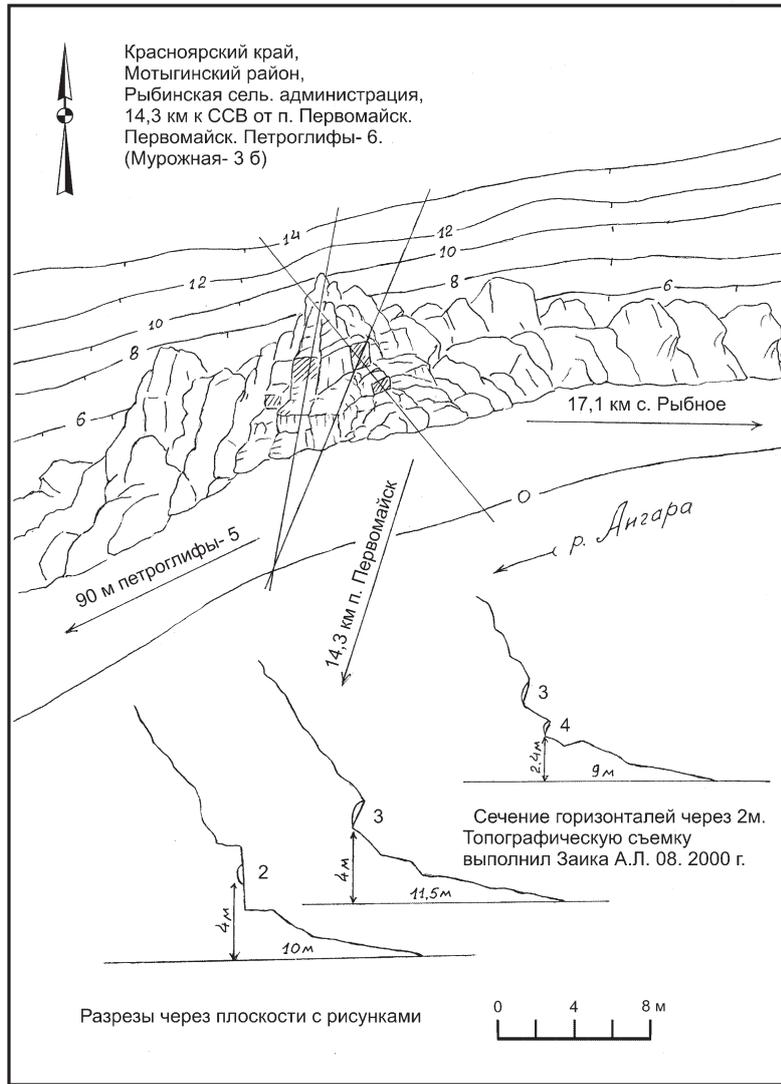

Табл. 97. Первомайск. Петроглифы-6 (писаница Мурожная-3б). Топографический план

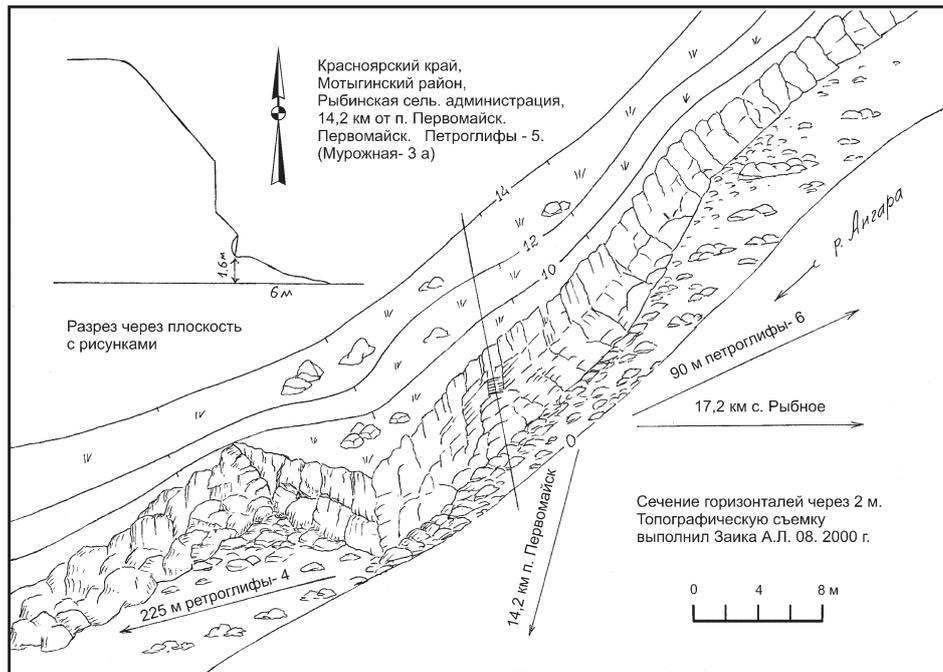

Табл. 98. Первомайск. Петроглифы-5 (писаница Мурожная-3а). Топографический план

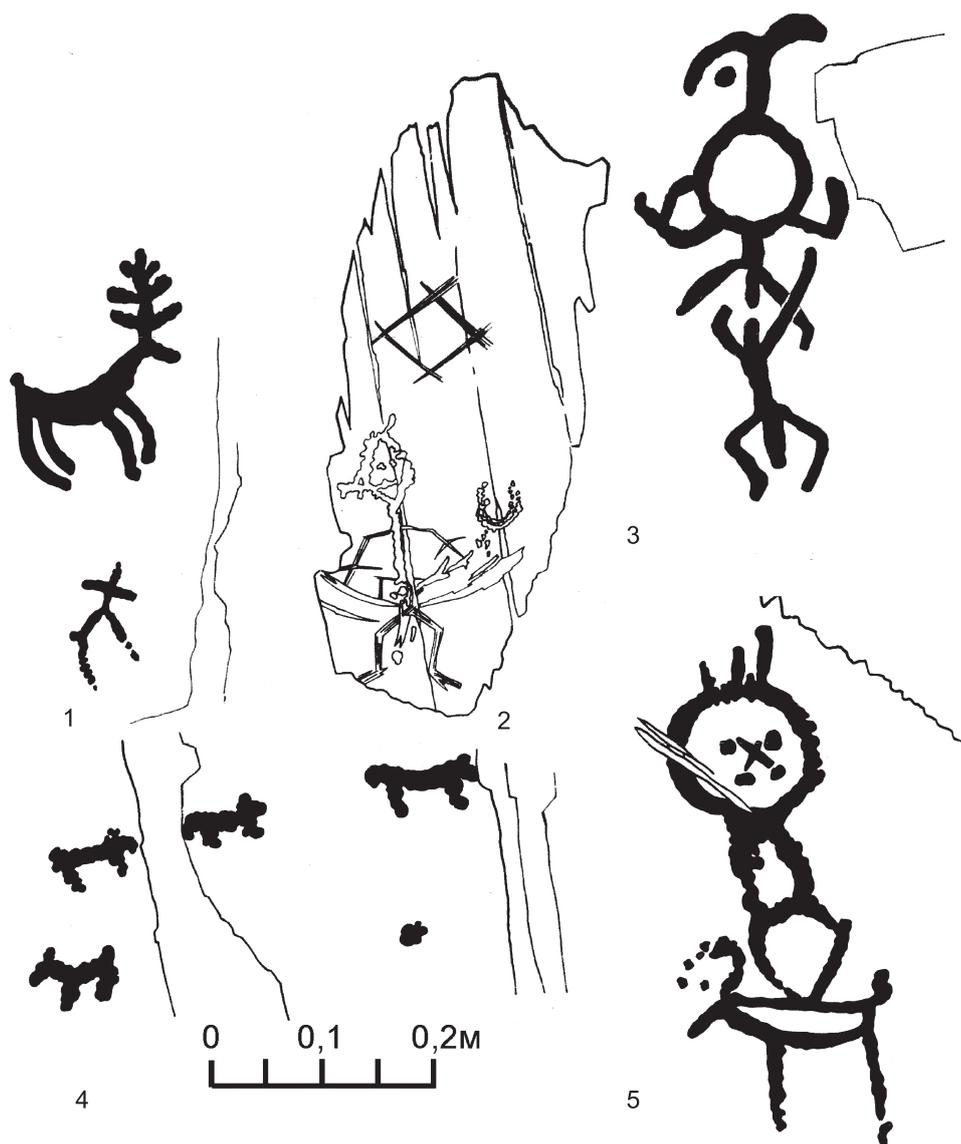

Табл. 99. Петроглифы Мурожная-3. Копии рисунков.

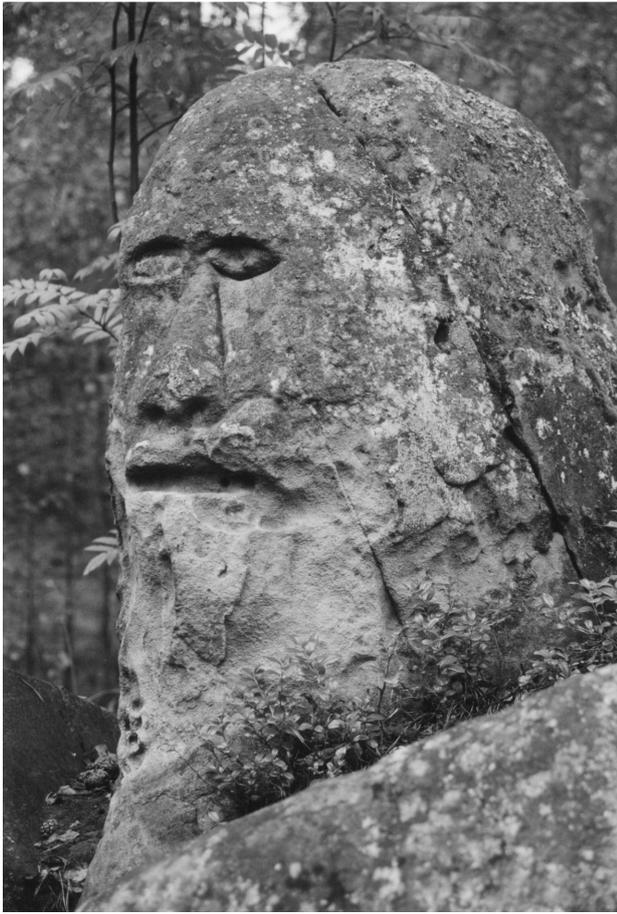
Мурожная-3а: 5 – плоскость 1; Мурожная-3б: 1 – плоскость 2; 2 – плоскость 3;
3 – плоскость 1; 4 – плоскость 4

2.13. Усть-Тасеевское изваяние

Памятник находится на левом берегу р. Тасеевой, в 4 км от места впадения ее в р. Ангару, в 10 км к СЗ от п. Первомайска, на вершине приустьевой сопки (высота 104 м от уреза воды), в 480 м от берега реки (табл. 2, № 4).

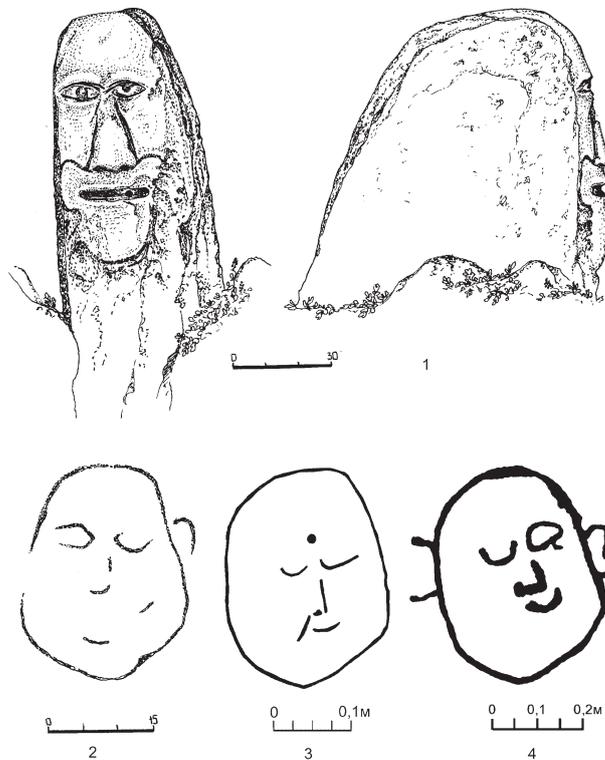
На вершине горы в естественном скальном коридоре на вертикальной глыбе песчаника путем выбивки (подтески) и прорезки рельефно оформлена лицевая часть головы человека (табл. 100, фото 1). Ориентировка лица на ВЮВ, высота изваяния – 152 см, ширина в основании – 45 см, на уровне глаз – 35 см.

Изваяние является реалистичным скульптурным изображением лица взрослого бородатого мужчины. Рельефно обозначены миндалевидные глаза со зрачками, промазанными охрой, массивный расширяющийся к низу нос с «раздутыми» ноздрями, широкий приоткрытый рот, окладистые усы и борода. Хорошо читаются объемно высеченные надбровные

1.
Табл. 100. Усть-Тасеевское изваяние:
 1. Вид с востока. 2. Вид на личину с ССВ

2.

Табл. 101. Усть-Тасеевский культовый комплекс. Копии и прорисовки изображений:
 1 – Усть-Тасеевское изваяние (по Ю.А. Гревцову);
 личина: 2 – по Ю.А. Гревцову, 3 – по А.М. Пашинову, 4 – по А.Л. Заике

дуги и линия щек (табл. 101, рис. 1). В силу рыхлости камня (известковый песчаник с вкраплениями кварцевых друз) лицевая часть изваяния пострадала от влаги и осыпалась.

Анализ микрорельефа изваяния свидетельствует о том, что первоначальный образ впоследствии испытал ряд технических доработок. Первичный рельеф лица формировался путем выбивки и подтески с последующей шлифовкой. В этой технике оформлены лоб, надбровные дуги, щеки, кончик и крылья носа, усы и борода. Следующая «редакция» образа производилась путем грубой подтески тупым орудием ударного типа и способом прорезки острым (металлическим?) орудием с углом режущего края 7–8° (частые прямые и изогнутые штрихи наносились несколько раз по одной линии, иногда не попадая друг на друга). В результате «доработки» были резко очерчены и асимметрично заужены глаза. Контуры носа ограничены двумя диагонально сходящимися глубокими бороздками. Несколькими ударами уплощена переносица, частично стесан рельеф усов и бороды. По всей видимости, позже в левой стороне полости рта появилось коническое просверленное углубление диаметром 1,5 см. Факты нанесения на зрачки красной охры пока трудно связать с каким-либо техническим этапом формирования или переоформления образа.

Рядом, в 2 м к северу от изваяния, на скальной плоскости, экспонированной на ССВ, на высоте 0,7 м от подножия находится контурное изображение человеческого лица, выполненное путем редкой неглубокой выбивки (табл. 100, фото 2). Рисунок покрыт плотным слоем лишайника. Абрис лица имеет форму неправильного овала с незаконченными контурами ушей по краям. Глаза, нос и рот неестественно смещены и сконцентрированы в правой верхней части лица. Глаза овальной формы (правый заужен с внешней стороны, левый фиксируется фрагментарно). Нос показан простой скобкой, рот – короткой горизонтальной дугой. В целом данный образ представляет собой простую реалистичную личину «портретного» типа, выполненную примитивно, неумелой рукой (табл. 101, рис. 4).

Таким образом, нами на территории региона к настоящему времени зафиксировано 155 антропоморфных образов в виде личин. Большинство их расположено на береговых утесах, реже – на береговых валунах и останцовых выходах в глубине берега. Основная масса изображений сконцентрирована в центральной части региона (петроглифические комплексы Манзя, Ивашкин ключ, Каменка, Выдумский Бык, петроглиф «Геофизик»). Единичные рисунки встречаются на восточном и западном участках Нижней Ангары.

ГЛАВА III. КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ВИДЕ ЛИЧИН

К настоящему времени разработаны и предложены различные способы и методы определения возраста петроглифов: использование археологических параллелей, стратиграфические наблюдения, стилистический анализ, сравнение степени пустынного «загара» и техники нанесения, структурный и формализованный методы, привлечение датированных изобразительных аналогий и др. [Окладников, 1979, 1966, 1974 и др.; Шер, 1980, с. 170–256; Пяткин, Мартынов, 1985, с. 113–138; Ковтун, 1993; Молодин, 1993; Дэвлет, 1998, с. 142–194; Мельникова, 2002; и др.].

Чтобы решить задачу определения датировки рисунков, необходимо весь имеющийся материал привести в определенную систему, классифицировать.

3.1. Классификация антропоморфных личин

Предметом классификации в данной работе, как уже отмечалось, являются антропоморфные изображения в виде личин, которые зафиксированы как самостоятельно, так и в качестве масок-личин антропоморфных фигур.

Под личиной в данном случае автор понимает фронтальное изображение лицевой части антропоморфного облика.

Под маской-личиной антропоморфных фигур в данном исследовании подразумеваются гипертрофированные контуры на месте головной части фигур. Внутри них обычно обозначены детали внутреннего оформления (глаза, нос, рот, элементы татуировки). К этому же разряду масок-личин относятся многие пустые или полностью заполненные контуры, которые по своей конфигурации и деталям внешнего оформления соответствуют данному типу изображений (табл. 102–105).

Беря во внимание опыт исследователей, используемый при классификации антропоморфных образов в петроглифах других регионов [Вадецкая, 1980, с. 39–49; Леонтьев, 1978, с. 89–97; Окладников, 1971, с. 77–79; Окладникова, 1979, с. 26–54; Дэвлет, 1980, с. 225–231, 1997; Новгородова, 1984, с. 49–50; и др.], рассмотрим данные изображения с учетом наличия и вида контуров личин, уровня сложности, характера внутреннего и внешнего их оформления.

По наличию и виду контура автор подразделяет личины на оконтуренные, частично оконтуренные и неоконтуренные.

Оконтуренные личины: внешний полный законченный абрис лица полностью замкнут и напоминает определенную геометрическую фигуру. В петроглифах Нижней Ангары нами выделено четыре вида контуров личин: круглые, полукруглые (параболоидные), сердцевидные, ромбовидные.

К *круглым* относятся личины с округлыми очертаниями, а также те, у которых сохранилась боковая или верхняя часть контура в виде полукруга (2 случая).

Полукруглые личины имеют вид усеченного в верхней части круга или высокой параболы, концы которой соединены горизонтальной линией¹. Характерной особенностью

¹ К этому же типу личин отнесены единичные изображения, контур которых имеет подтреугольный (1 случай) или трапециевидный (1 случай) вид. Условно в данный тип личин нами включены те личины, у которых сохранился нижний параболоидный контур (3 случая).

сердцевидных личин является типичный межглазый прогиб в верхней части контура¹. *Ромбовидные* личины имеют угловатый контур в виде вертикального ромба, в двух случаях – со сглаженными краями.

Неоконтуренные личины: внешний абрис отсутствует полностью.

Промежуточное положение в данном типологическом ряду занимают *частично оконтуренные личины*, у которых внешний контур обозначен не полностью или сохранился частично. По характеру фрагментов внешнего абриса, в целях продуктивности статистической обработки изобразительного материала, данные личины соотнесены с тем или иным видом оконтуренных личин.

По уровню сложности личины делятся на простые и сложные.

У *простых* личин глаза и рот условно показаны в виде пятен (ямок) или округлых контуров, элементы «татуировки» отсутствуют, нет деталей внешнего оформления. В большинстве своем личины данного типа зафиксированы на прибрежном валуне (петроглиф «Геофизик») в окрестностях с. Богучаны, в единичных случаях встречаются на других писаницах региона.

У *сложных* личин рисованные пятна зрачков «усилены» концентрическими кругами, окружностями с горизонтальными перемычками, контур крупного рта иногда заполнен поперечными линиями – «зубами». Часто к нижней части рта примыкают вертикальные линии – «борода». Как правило, присутствует такой элемент внутреннего и внешнего оформления, как вертикальная межглазная линия, которая в верхней части имеет боковые ответвления («древовидный отросток»). Подобные личины встречаются на многих писаницах региона и в силу своего своеобразия выделены нами в особый «каменский» тип антропоморфных изображений [Заика, Петрович, 2000, с. 135] (табл. 114).

Детали внутреннего и внешнего оформления. Детальми *внешнего оформления* в нашем случае являются:

- *вертикальная линия*, часто с боковыми ответвлениями («древовидный отросток»);
- «*Рога*», которые встречаются по два или по три в верхней части контура личин;
- радиально расходящиеся прямые *линии* – *лучи* или *дополнительный контур*, повторяющий основной.

При проведении статистического анализа *внутреннее оформление* («татуировку») личин автор разделяет на три вида:

- горизонтальное;
- вертикальное;
- комбинированное.

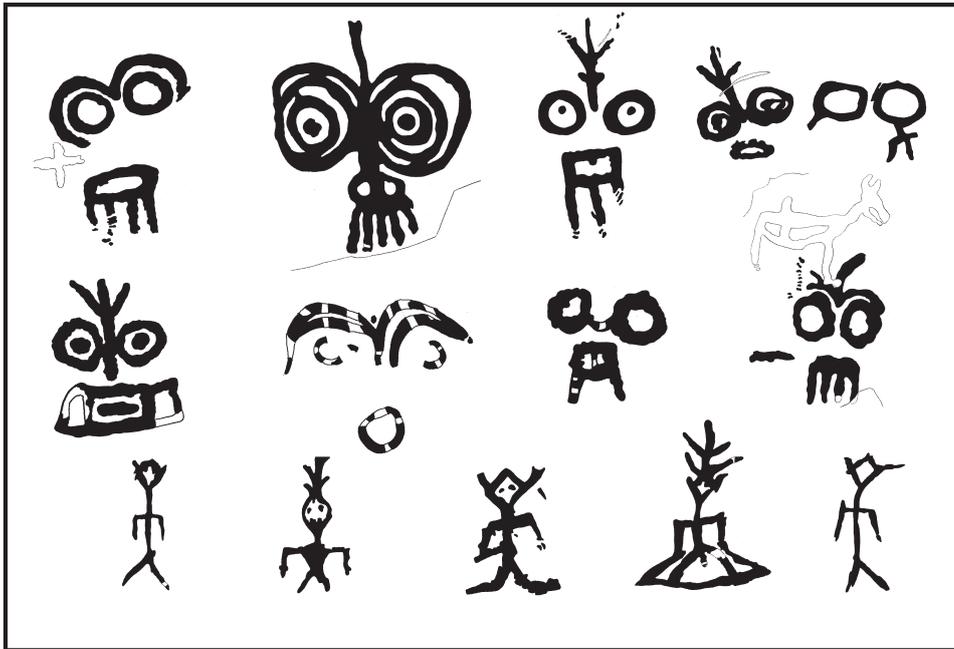
Линии «татуировки» представлены сплошной или прерывистой чертой. У рисованных изображений зафиксированы случаи полного или частичного заполнения краской нижней части контура (горизонтальный тип «татуировки»).

Приведем результаты сравнительно-сопоставительного и статистического анализа рисунков по вышеуказанным классификационным признакам². Всего выявлено на писани-

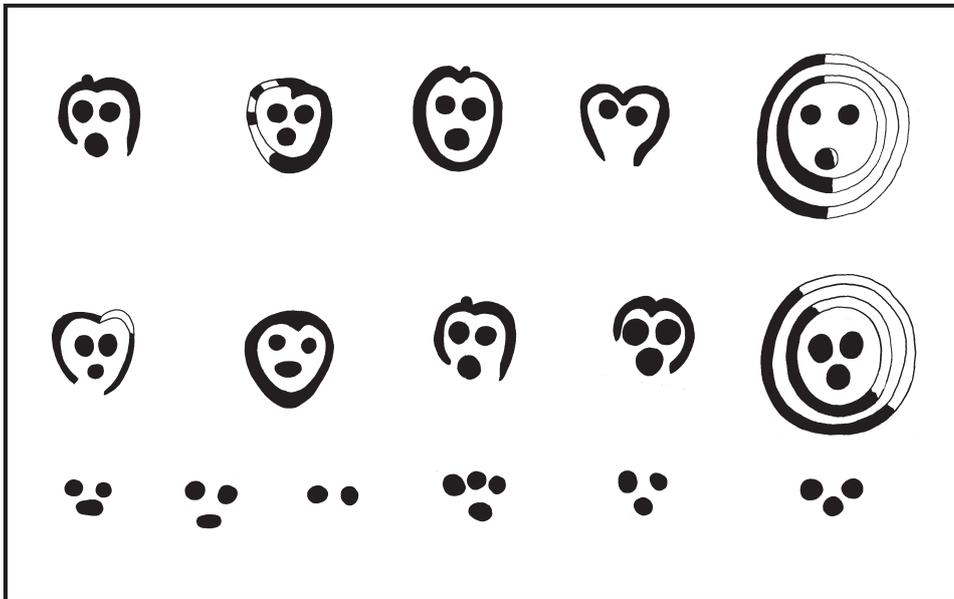
---

¹ При проведении статистического анализа в данный разряд личин автор включил изображения, у которых обозначена только верхняя часть контура сердцевидного облика (табл. 2, рис. 3, 7, 13).

² Предметом анализа стали петроглифы, выявленные автором на участке Ангары от створа Богучанской ГЭС до шиверы Мурожной. Соответственно, объекты последних исследований: два антропоморфных образа в устье р. Тасеевой и четыре в районе Аплинского порога не включены в общую статистику. Во-первых, местонахождения еще недостаточно хорошо изучены, во-вторых, петроглифы отличаются своеобразием иконографии и трудно вписываются в предложенные классификационные ряды. Более того, по мнению автора, малочисленный материал маргинальных зон не может существенно отразиться на результатах статистических исследований петроглифов региона в целом.

1

2

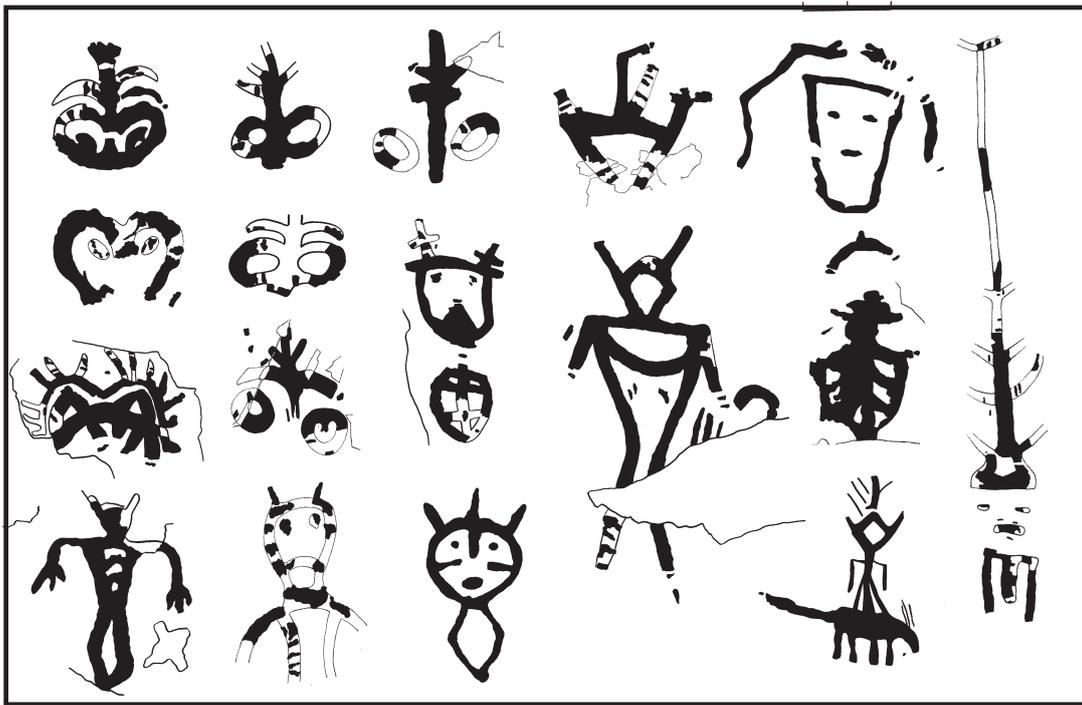

3

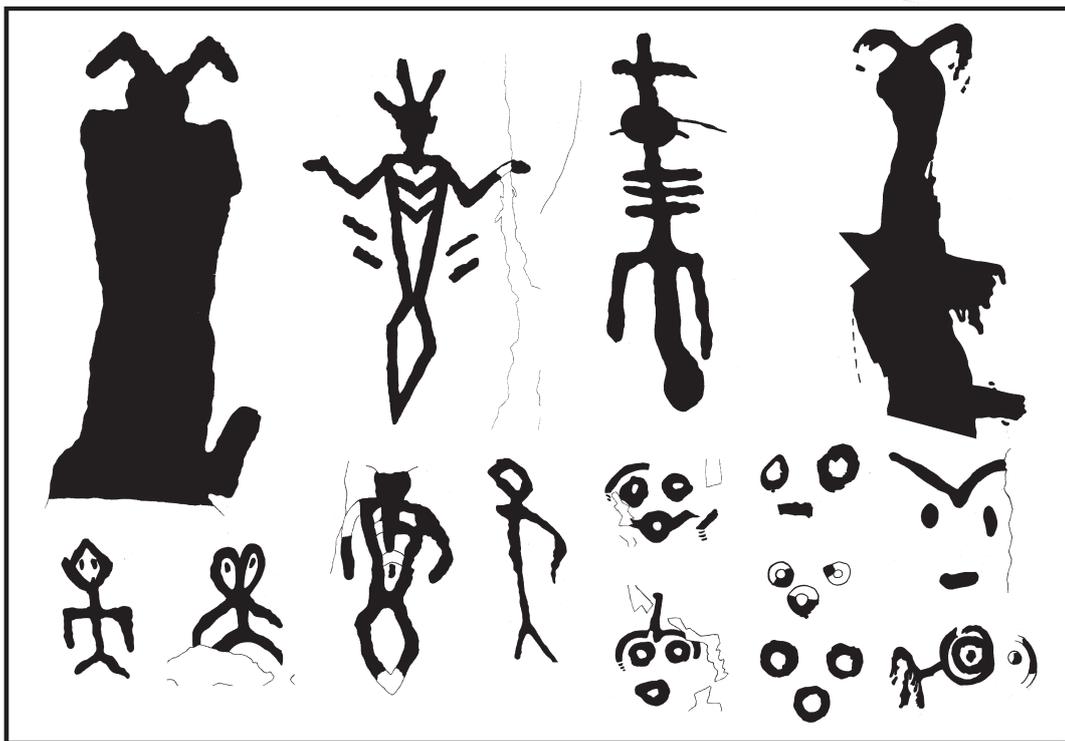
Табл. 102. Антропоморфные образы в наскальном искусстве Нижней Ангары:

1 – писаницы Ивашкин Ключ; 2 – петроглиф «Геофизик»; 3 – писаница Рыбное

цах Нижней Ангары и принято к рассмотрению 147 личин, из них 51 – рельефные (петроглифы Геофизик, Рыбное, Мурский порог, Мурожная – 3), остальные – рисованные охрой. Более половины всех личин (79) оконтурены полностью или частично. Наибольшую часть составляют личины с сердцевидным внешним абрисом (22 % от общего числа личин), в два раза реже встречаются личины с полукруглым контуром (11 %). Менее всего встречаются ромбовидные личины (7 %), в два раза чаще их – круглые (14 %) (табл. 106).

1

2

Табл. 103. Антропоморфные личины в петроглифических комплексах Нижней Ангары:

1 – Выдумский Бык; 2 – Манзя

Большинство полностью оконтуренных личин простые, являются масками-личинами антропоморфных фигур. Известны единичные случаи, когда они встречаются самостоятельно. Частично оконтуренные личины сердцевидного облика практически все сложные, встречаются, как правило, самостоятельно.

Неоконтуренных личин – 68, 41 из которых – простые, большинство – рельефные. Все сложные неоконтуренные личины – рисованные (27 или 18 % от общего числа личин), большинство из них сконцентрировано на писанице Каменка (13), одна – на писанице Ман-

зя, три – на Мурском пороге, остальные в равной степени встречаются на писаницах Ивашкин Ключ и Выдумский Бык (табл. 106).

Элементы внутреннего и внешнего оформления зафиксированы у оконтуренных и частично оконтуренных личин, а также у сложных неоконтуренных личин «каменского» типа (всего 106 личин, взятых за 100 %).

Детали внешнего оформления. *Вертикальная черта* выявлена в восьми случаях (7,5 %): четыре – у личин с сердцевидным контуром и три – у неоконтуренных личин «каменского» типа, один раз – у ромбовидной маски-личины. «*Двурогий*» *головной убор* зафиксирован в 17 случаях (16,0 %), в большинстве своем и в равной степени встречается у личин с полукруглым, ромбовидным и круглым контуром, один раз – у сердцевидной личины. «*Трехрогий*» *головной убор* встречается два раза у личин с полукруглым и четыре раза – у личин с круглым контуром. Вертикальная линия с боковыми ответвлениями («*древовидный отросток*») встречается чаще (30,1 %), характерна для сложных личин (20 случаев), реже и в равной степени (по 2, 3 раза) она зафиксирована у ромбовидных и округлых личин, выявлена у семи личин с частичным сердцевидным контуром. Реже всего встречаются личины с внешним оформлением в виде *солнечных лучей*. В единичном варианте радиально расходящиеся линии зафиксированы у личин с частично оконтуренным круглым или сердцевидным внешним абрисом; дополнительным контуром представлены у двух круглых личин на петроглифе «Геофизик». На оставшихся изображениях в виде антропоморфных личин (39 рисунков) элементы внешнего оформления не зафиксированы (табл. 107).

Манера внутреннего оформления. У многих личин не зафиксированы какие-либо элементы внутреннего оформления (пустые либо полностью залитые контуры личин) – 60 случаев (56,5 %). Чаще всего встречается *вертикальная* манера деления внутреннего контура (21 случай, 19,8 %), в равной степени зафиксирована у сердцевидных и личин «каменского» типа (10 и 11). *Горизонтальная* манера деления внутреннего контура встречается реже (15 случаев, 14,2 %) и наиболее характерна для личин с полукруглым (6 случаев) и круглым (4 случая) контуром; редко и в равной степени встречается у ромбовидных, сердцевидных и сложных неоконтуренных личин (по 1, 2 факта наличия). У ряда личин зафиксированы случаи комбинированного сочетания вертикальной и горизонтальной манеры «татуировки» (9,5 %) (табл. 107).

Многие личины являются масками антропоморфных фигур, которые подразделяются на два основных типа: фронтальные и фас-профильные (табл. 118).

У фронтальных фигур туловище и конечности развернуты в фас. У фас-профильных верхняя часть туловища показана в фас, ноги – в профиль. По форме выражения данные фигуры могут быть представлены «объемно» (с контурным или силуэтным туловищем) или линейно. В петроглифах Нижней Ангары представлена серия фронтальных фигур с контурным или силуэтным туловищем подтреугольной формы. У них, как правило, широкие плечи и сильно зауженная талия. Конечности расположены симметрично по обе стороны туловища. Руки разведены в стороны или опущены вниз, ноги согнуты в коленях и сведены вместе на уровне пяток, образуя контур ромба, или непропорционально короткие, расставлены в стороны. Данную категорию изображений автор выделяет в особый подтип, условно обозначив как фронтально симметричные фигуры (табл. 119).

Промежуточное положение между основными типами антропоморфных фигур занимают изображения «идольчиков» (термин, введенный Д.Г. Савиновым (1997), позже он его заменяет на «клиновидные фигурки» (2000) и фас-аморфные фигуры. У обозначенных фигур туловище показано в фас, конечности полностью или частично отсутствуют. У «идоль-

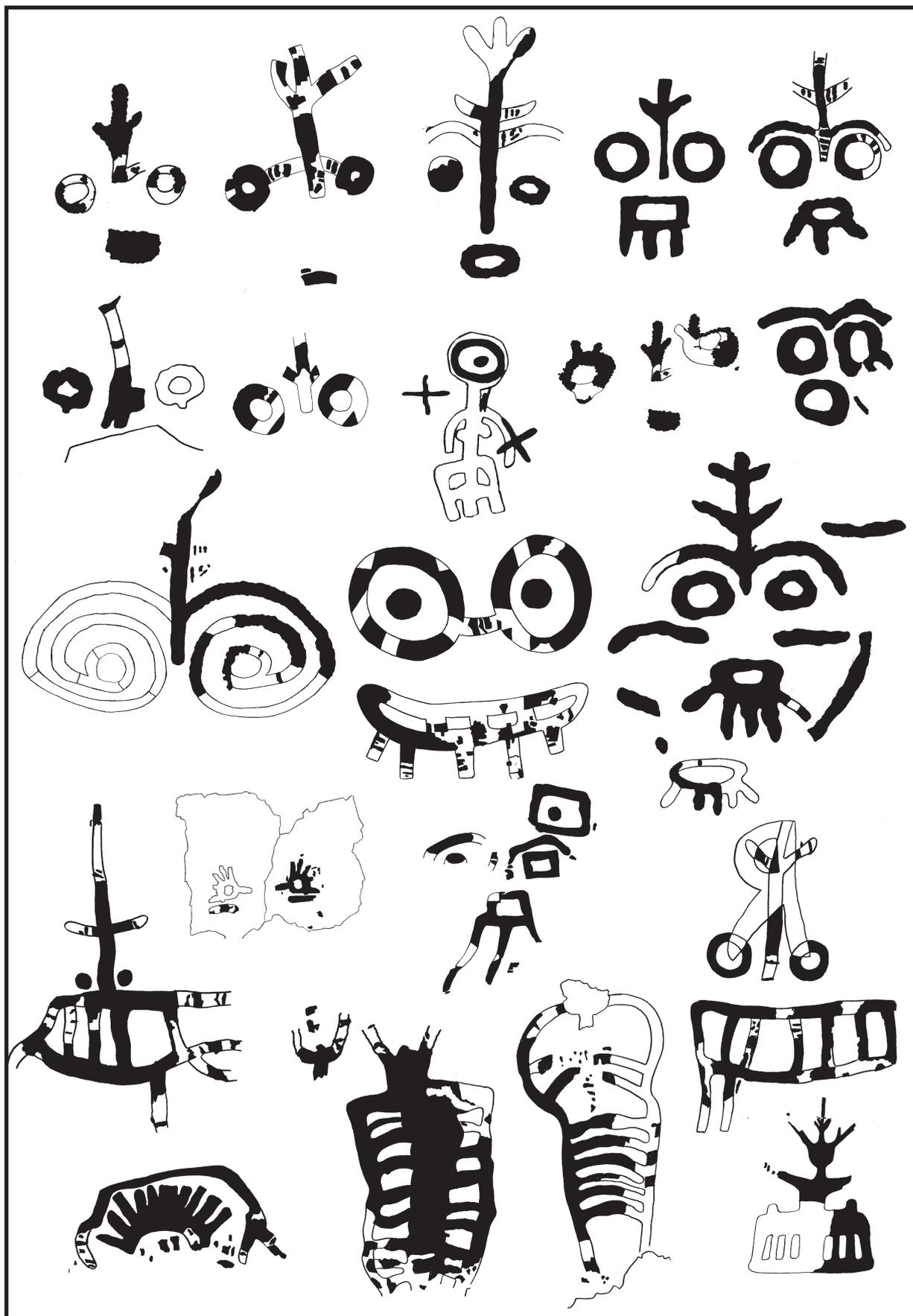

Табл. 104. Антропоморфные образы в петроглифах Каменки

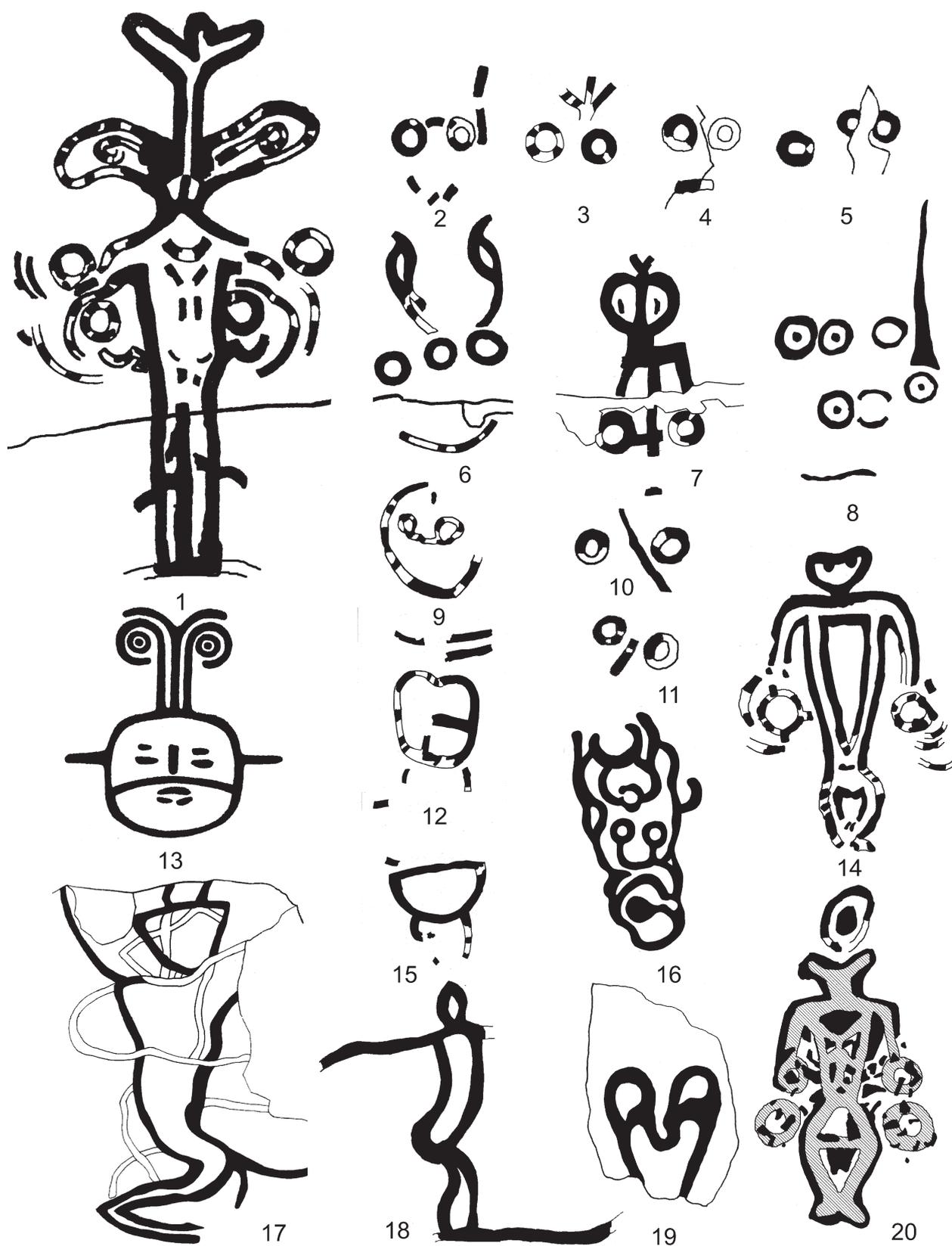

Табл. 105. Антропоморфные образы Нижней Ангары:

1-7, 9-12, 14, 15, 17, 20 – Мурский порог; 8, 13, 18 – Аплинский порог; 16 – «Тимохин камень»;

19 – река Тасеева (13 – по О.М. Леонову)

вид	о контуренные				неоконтур.		ИТОГО	%
					слож.	прост.		
	место							
Пис. камень		1	1	1			3	2
Мур. порог	2	2	3		3	5	15	10
Геофиз.		4	8			33	45	30
Манзя		5	4	2	1	3	15	10
Ив. ключ		1	3	4	6		14	10
Каменка	5	4	7		13		29	20
Шунтары	2						2	1
Выдум. Бык	6	1	5	2	4		18	12
Рыбное			1				1	1
Мурож.	1	2		2			5	4
Итого	16	20	32	11	27	41	147	100
%	11	14	22	7	18	28	100	

Табл. 106. Личины Нижней Ангары

ТИП ВИД							ИТОГО	%
ВНЕШНЕГО ОФОРМЛЕНИЯ	I			4	1	3	8	7,5
	V	6	4	1	6		17	16,0
	∇	2	4				6	5,6
	Ψ		3	7	2	20	32	30,1
			3	1			4	3,8
	○	9	1	18	5	7	39	37,0
ВНУТРЕННЕГО.	⊖	6	4	2	1	2	15	14,2
	⊕			10		11	21	19,8
	⊕		2	3		5	10	9,5
	○	11	12	16	11	10	60	56,5

Табл. 107. Виды внутреннего и внешнего оформления различных типов антропоморфных личинок

чиков» туловище имеет клиновидную форму (табл. 121), у фас-аморфных фигур – контуры туловища, как правило, нижние имеют аморфные окончания (табл. 120).

По результатам вышеприведенного анализа антропоморфных образов, привлекая факты соответствия масок-личинок различным типам антропоморфных фигур (табл. 119), автор пришел к следующим выводам.

тип						
	4	2	1	3	1	0
	2	1	1	3	0	3
	1	1	2	4	2	0
	3	3	4	4	4	1
	1	0	2	3	7	0
	0	2	0	1	2	3
ИТОГО	7+4	8+1	8+2	15+4	9+7	4+3

Табл. 108. Взаимовстречаемость личин Нижней Ангары

Ромбовидные личины встречаются редко, в большинстве своем рисованные, практически всегда являются масками-личинами фронтальных линейных фигур, не имеют «татуировки». Головной убор у них представлен боковыми «рожками», в двух случаях – «древовидным» отростком.

Полукруглые (параболоидные) личины сконцентрированы в центральной части региона, в основном рисованные. В большинстве своем являются масками-личинами контурных фас-профильных фигур и «идольчиков». Примечательно, что у них, как правило, обозначена шея. Для них характерны горизонтальная манера «татуировки» и внешнее оформление в виде двух боковых «рожек».

Круглые личины в равной степени встречаются как самостоятельно, так и в качестве масок у фронтальных контурных и линейных фигур, реже – у фигур с аморфным туловищем, в единичных случаях – у «идольчиков» и фас-профильных фигур. Для них характерна горизонтальная, реже – комбинированная манера «татуировки». Головной убор представлен в равной степени практически всех видов, за исключением одной вертикальной линии.

Сердцевидные личины зафиксированы практически на всех участках региона, чаще всего встречаются самостоятельно, в единичных случаях являются масками фронтальных антропоморфных фигур. Для них характерна вертикальная, реже – комбинированная манера «татуировки», в двух случаях – только горизонтальная. Внешнее оформление: ветвистый отросток или вертикальная линия. В одном случае зафиксировано внешнее обрамление в виде «лучей».

Неоконтурные личины «каменского» типа сконцентрированы в центральной части региона и, как правило, сопутствуют сердцевидным. Для них также характерны вертикальный ветвистый отросток и вертикальная манера «татуировки».

Считаем нужным обратить внимание на частично оконтурные личины с сердцевидным межглазным прогибом в верхней части, что послужило причиной соотнесения данного типа личин с сердцевидными. Исходя из проведенного типолого-статистического анализа

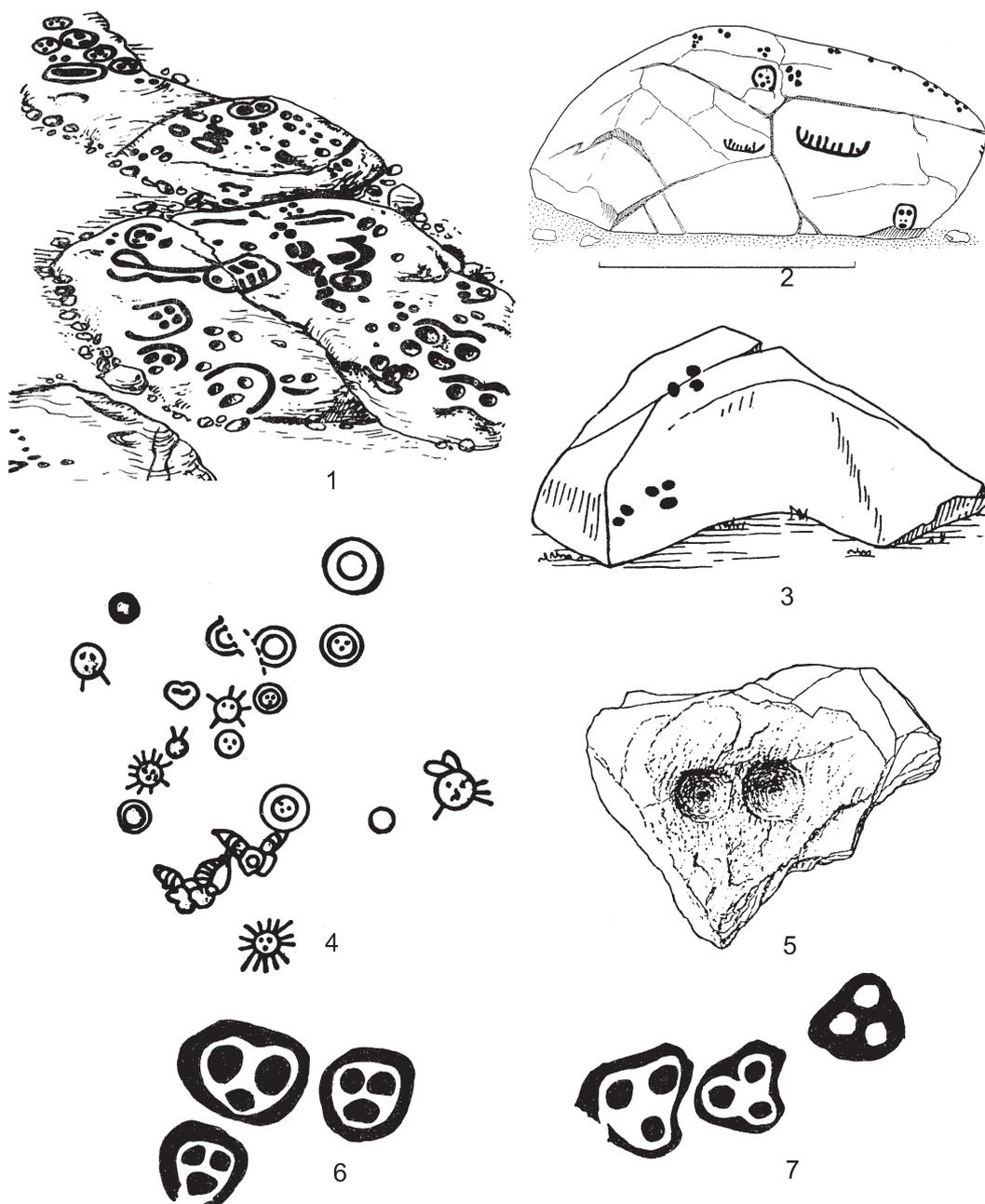

Табл. 109. Чашевидные углубления в петроглифах Азии и Америки:

1, 6 – Форт-Руперт; 2, 3, 7 – Сакачи-Алян; 4 – горы Иншань; 5 – Бойсмана-II (1, 6 – по Е.А. Окладниковой; 2, 3, 7 – по А.П. Окладникову; 4 – по В.Е. Ларичеву; 5 – по Д.Л. Бродянскому)

видно, что в большинстве своем по уровню сложности, деталям внутреннего и внешнего оформления они соответствуют «каменскому» типу неоконтурных личин. Основными элементами, маркирующими личины «каменского» типа, по мнению автора, являются:

1. Вертикальный отросток.
2. Округлое оформление глаз (в виде окружностей).
3. Вертикальные линии в нижней части рта («борода»).
4. Межглазный прогиб.

В результате анализа материалов основных местонахождений выяснилось, что у большинства личин присутствуют два признака: вертикальный отросток (74,2 %) и оформление глаз (88,5 %). Около 40 % изображений имеют линии «бороды» и межглазной прогиб сердцевидного облика. По сочетанию в одном образе вышеуказанных признаков эталонные

Табл. 110. Личины с сердцевидным контуром:

1- Писанный камень на р. Вишере (по В.Н. Чернецову); 2-5 – Томская писаница (по А.П. Окладникову, А.И. Мартынову); 5-8 – Долгий порог на Средней Ангаре (по А.П. Окладникову); 9 – Суруктах-Аан на Средней Лене (по А.П. Окладникову); 10, 11 – Сакачи-Алян на Нижнем Амуре (по А.П. Окладникову); 12 – Вознесеновка, личина на обломке неолитического сосуда (по А.П. Окладникову)

изображения данного типа, где присутствуют все четыре изобразительных элемента, составляют около 6 % от всех известных изображений. У остальных личин в большей степени присутствуют два (48,5 %) и три (28,5 %) признака (табл. 115).

Таким образом, есть все основания включить в круг распространения антропоморфных изображений «каменского» типа сложные личины с частичным или полным сердцевидным контуром [Заика, Петрович, 2000, с. 136]. Это позволяет более полно отразить и шире представить специфическую изобразительную традицию в древнем наскальном искусстве Нижнего Приангарья.

3.2. Относительная хронология петроглифов

Прежде чем перейти к вопросам датировки наскальных изображений, мы должны установить относительную хронологию рисунков. В нашем случае при определении относительной хронологии рисунков во время полевых исследований учитывались:

– *техника выполнения рисунков* (способ, инструмент, технические (у рельефных) и цветовые (у рисованных) характеристики изображений);

– *степень патинизации* каменной основы и рисунков, их соответствие;

– *планиграфия* рисунков и их композиционное построение: наиболее ранние рисунки располагались на удобных плоскостях и, как правило, в их центральной части, чистая поверхность плоскости предполагала свободное размещение фигур в композициях, более поздние изображения часто размещались на неудобных, периферийных участках плоскости. В ряде случаев древнему художнику приходилось вписывать свои рисунки между линиями более ранних изображений, часто деформируя свои и перекрывая чужие (палимпсест);

– *планиграфия плоскостей*, их высотные параметры по отношению к уровню водоема (на нижних фризах, как правило, хорошо сохраняются поздние рисунки), верхней кромке осыпей (древние рисунки либо погребены, либо находятся на недоступной высоте вследствие осыпи подножия);

– *внутренняя стратиграфия* рисунков (определяется обычно в случаях палимпсеста), а также уровень нанесения мазков охры по отношению к известковым натёкам (есть случаи, когда на общей плоскости одни рисунки перекрыты карбонатной коркой, другие – нанесены поверх нее);

– *стратиграфия плоскостей*. В нашем случае замечено, что наиболее ранние рисунки или их фрагменты находятся обычно на внешних участках плоскости (скального фриза). По причине естественного осыпания скальных пород более поздние рисунки поэтапно «перемещаются внутрь» скалы на поверхность новоявленных, чистых скальных плоскостей¹.

Проведенный анализ композиций, где зафиксированы антропоморфные изображения в виде личин, результаты типолого-статистической обработки изобразительного материала свидетельствуют о частых случаях встречаемости различного типа личин в одних композициях (табл. 108), что позволяет утверждать об относительной синхронности их появления в наскальном искусстве региона. Наиболее ярко иллюстрирует синтез элементов различных типов личин антропоморфное изображение на писанице Каменка (табл. 114, рис. 2). Фрагментарно сохранившийся сердцевидный контур делит пополам характерная для круглых и полукруглых личин горизонтальная линия «татуировки». Глаза и рот выполнены в традициях сложных неоконтуренных личин «каменского» типа. Венчает контур встречающийся у различных типов личин «древовидный отросток».

Стратиграфическое и планиграфическое положение многих личин по отношению к соседним рисункам, присутствие на поверхности древних фризов скалы, факты перекрытия мощными известковыми натёками свидетельствуют о принадлежности их к одним из архаичных пластов наскального творчества.

---

¹ Не исключено преднамеренное уничтожение предыдущих рисунков путем скалывания каменных блоков. Факты преднамеренной порчи ранних композиций путем снятия абразивом скальной поверхности с рисунками зафиксированы автором на Шалаболинской писанице при исследовании окуневских изображений [Дроздов, Заика и др., 2002].

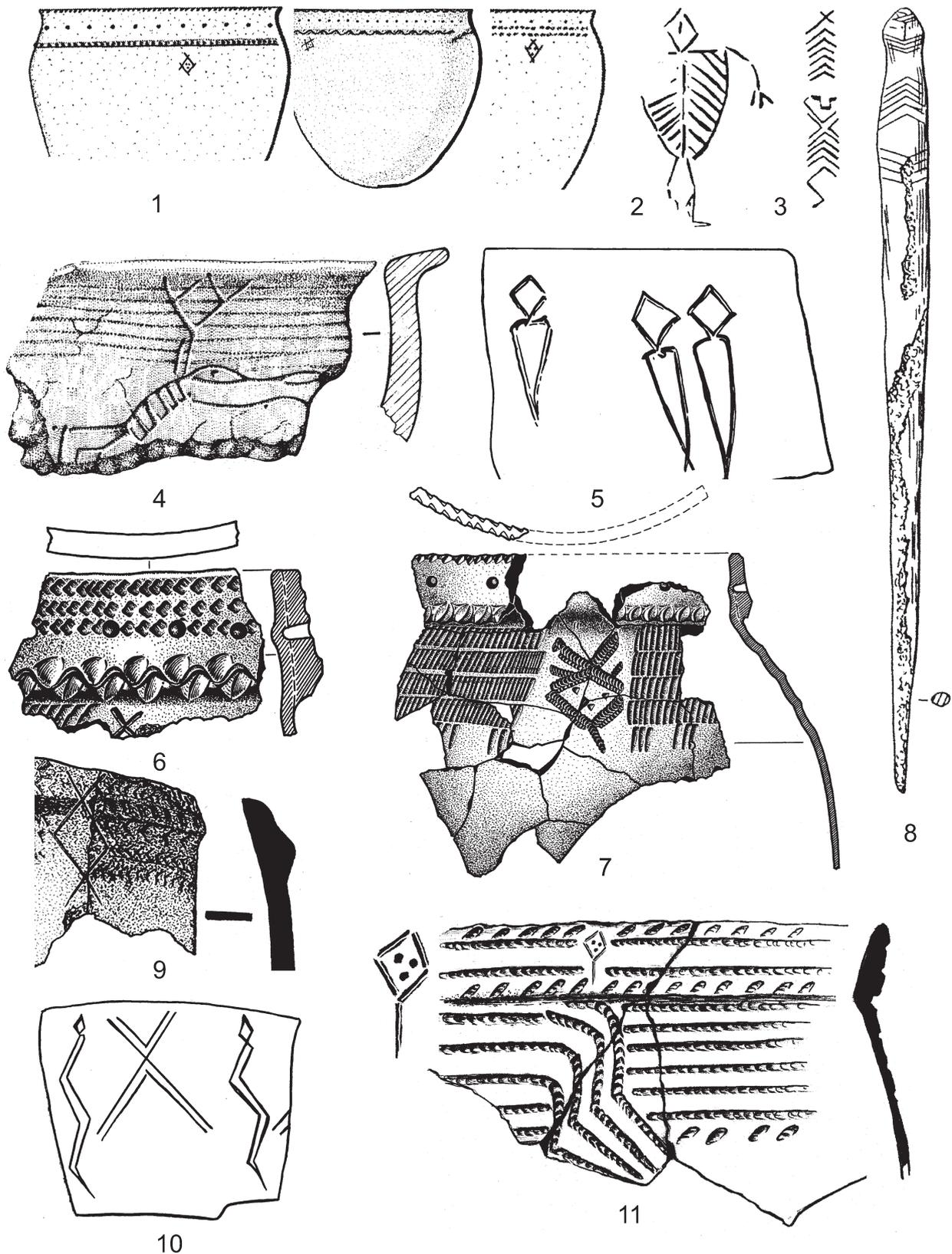
Табл. 111. Сердцевидные личины в искусстве Азии:

- 1-4 – случайные находки на Енисее и Ангаре (по В.И. Привалихину, В.П. Леонтьеву);
 5, 6, 10 – поселение Самусь-IV (по М.Ф. Косареву, И.Г. Глуцкову); 7 – японское догу,
 11 – Вознесеновка (по А.П. Кондратенко); 8 – колотушка эвенкийского бубна (по Мазину А.И.);
 9, 12 – могильник Шумилиха (по О.И. Горюновой); 13 – Парабельское культовое место (по И.В. Полосьмак);
 14 – могильник Отика (по В.И. Привалихину).
 1-4, 13 – бронза; 5-7, 10, 11 – керамика; 8 – дерево; 9, 12, 14 – кость

Табл. 112. Ромбовидные личины в петроглифах Азии:

1-3 - Чулуут; 4-8, 10, 12-16 - Нижняя Ангара; 9 - гора Укыр; 11 - поселение Торгажак
 (1-3 - по Э.А. Новгородовой; 4-8, 10, 12-16 - по А.Л. Заике; 9 - по П.П. Хороших; 11 - по Д.Г. Савинову)

Табл. 113. Ромбовидные личины на керамике и в мелкой пластике древних культур Сибири:
 1 – поселение У-Шилка; 2 – поселение Волвонча; 3 – Шигирский могильник; 4 – Кижировское поселение;
 5 – Верхняя Лена; 6 – стоянка У-Карабула; 7 – могильник Капонир; 8 – У-Белая; 9 – стоянка Стрелка;
 10 – Улан-Хада; 11 – поселение Язаевка (1, 9, 11 – Средний Енисей; 2, 3, 4 – Урал, Зап. Сибирь;
 5, 8, 10 – Вост. Сибирь; 6, 7 – Нижняя Ангара;
 1, 11 – по П.В. Мандрыке; 2, 3 – по С.Ф. Кокшарову; 4 – по Н.В. Полосьмак; 5, 8, 10 – по А.П. Окладникову;
 6, 7 – по В.И. Привалихину; 9 – по С.М. Фокину)

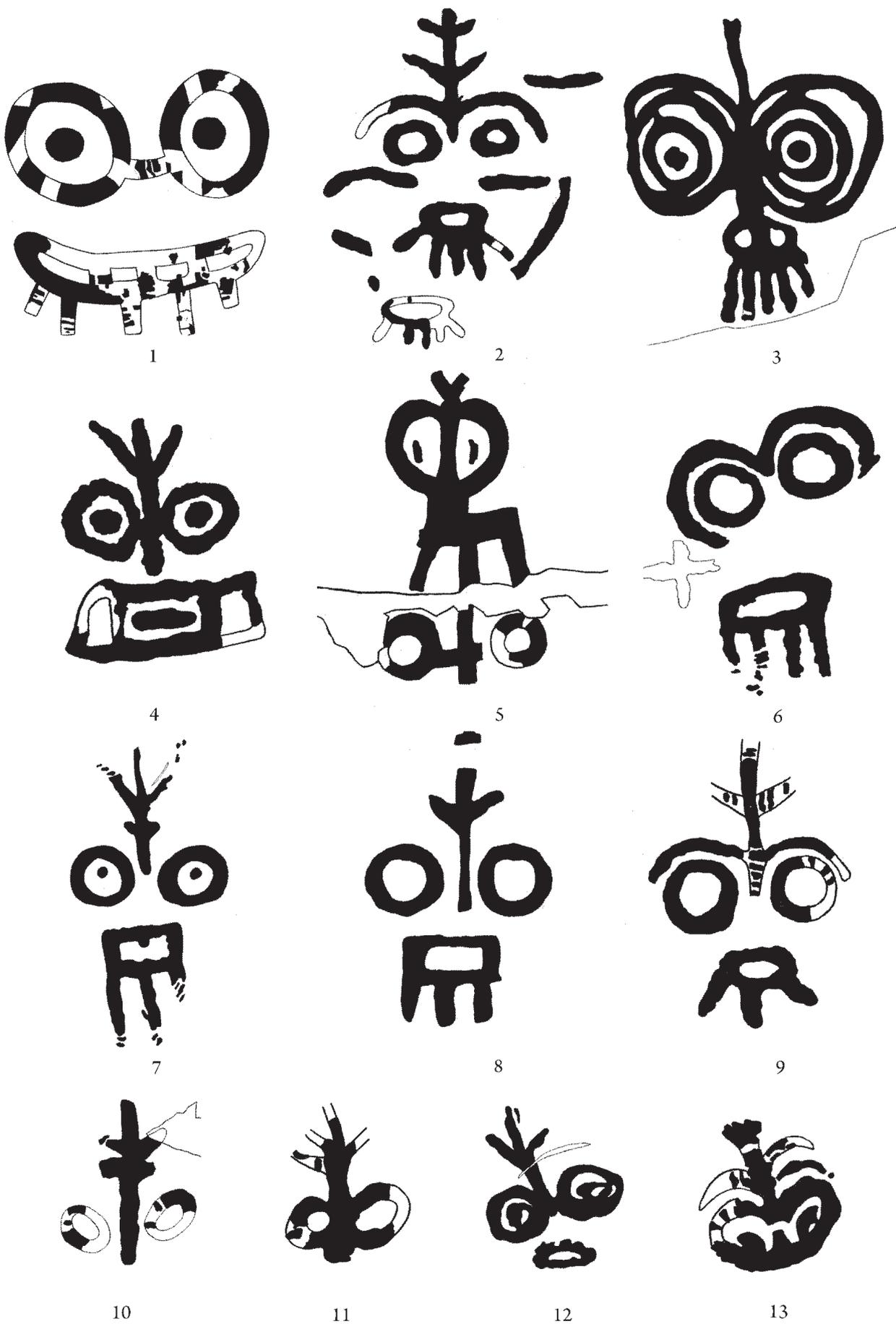

Табл. 114. Личины «каменского» типа в петроглифах Нижней Ангары:

1, 2, 8, 9 – Каменка; 3, 4, 6, 7, 12 – Ивашкин Ключ; 5 – Мурский порог; 10, 11, 13 – Выдумский Бык

МЕСТО	КОЛ-ВО	ПРИЗНАКИ				СОЧЕТАНИЕ		
		Ψ	⊙ ⊙	Π	⊕	2	3	4
МАНЗЯ	3	1	3	0	2	1	1	0
	%	33,3	100	0	66,6	33,3	33,3	0
ИВ.КЛЮЧ	8	5	8	5	2	3	4	0
	%	62,5	100	62,5	25	37,5	50	0
КАМЕНКА	16	13	14	7	3	10	3	2
	%	81,2	87,5	43,7	18,7	62,5	18,7	12,5
В.БЫК	8	7	6	2	4	4	4	0
	%	87,5	75	25	50	50	50	0
ИТОГО	35	26	31	14	11	17	10	2
	%	74,2	88,5	40	34,2	48,5	28,5	5,7

Табл. 115. Сочетание признаков антропоморфных личин «каменского» типа

Вместе с тем в ряде многофигурных композиций (Ивашкин Ключ-II, плоскость 33; Каменка-I, плоскости 2, 5, 9, 19; Каменка-IV, плоскость 2; Шунтары-I, плоскость 2; Выдумский Бык-I, плоскость 14) антропоморфные личины как одного, так и разных типов разделяются стратиграфически и цветовым контрастом рисунков¹.

Соответственно, несмотря на стилистическое сходство и частые случаи взаимовстречаемости личин в одних композициях, нельзя однозначно утверждать их культурно-хронологическое единство, синхронность, одно время исполнения. Также анализ технических приемов, используемых для нанесения изображения, выявил определенную индивидуальность в манере исполнения рисунка, показал «руку» отдельных художников, которые не могли одновременно работать на одной плоскости.

Наиболее ранними являются крупные ажурные изображения личин «каменского» типа, простые личины с округлым и сердцевидным контуром, маски-личины фаспрофильных фигур.

Наиболее поздние: лаконичные стилизованные личины «каменского» типа, параболоидные личины с обозначенной шеей у фронтальных фигур и линейные фигуры в ромбовидных масках-личинах.

Соответственно, чтобы определить более конкретно временной интервал между различными изобразительными «пластами» в наскальном искусстве, необходимо установить их реальное время исполнения, хронологические параметры рисунков.

¹ Так, изобразительный слой с фигурами в ромбовидных масках-личинах перекрывает личины «каменского» типа (табл. 47); на писанице Каменка-IV фигура с сердцевидной маской-личиной нанесена поверх фигур с полукруглыми личинами (табл. 74), изображения с полукруглыми личинами перекрывают более яркими мазками охры фигуру в круглой маске (табл. 65, рис. 1); различаются по цвету и наслаиваются друг на друга полукруглые личины (табл. 77) и личины «каменского» типа (в двух случаях личины симметрично перекрывают друг друга, оставляя общей межглазную линию) (табл. 69, рис. 2); имеют каждая свою палитру личины в центральной части писаницы Ивашкин Ключ-1 (плоскости 2, 3, 10, 18) и т.д. Планиграфическое положение «втиснутой» между антропоморфными фигурами «трехглазой» личины на плоскости 8 Мурского порога свидетельствует о ее позднем происхождении по сравнению с соседними личинами «каменского» типа (табл. 20).

3.3. Вопросы датировки и культурно-хронологической принадлежности петроглифов

С целью определения культурно-хронологической принадлежности петроглифов автор в данной работе считает нужным решить следующие задачи:

- выявление «чистых композиций» или отдельных рисунков [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 114], на примере которых представляется возможным произвести наиболее продуктивный стилистический и сюжетный анализ изображений;
- установление изобразительных аналогий с датированными петроглифами других местонахождений;
- проведение параллелей с другими видами археологических источников¹.

Анализируя взаимовстречаемость личин в композициях, автор пришел к выводу, что наиболее часты случаи сочетания различного типа личин с сердцевидными (табл. 108). Соответственно, наиболее показательны в определении культурно-хронологической принадлежности личин – сердцевидные.

Эпоха неолита

Наиболее ранними являются простые личины, представленные чашевидными углублениями, которые облечены в ряде случаев в сердцевидные, череповидные или округлые контуры. В основной своей массе они зафиксированы на прибрежном валуне в окрестностях п. Богучаны. Часть лунок и внешний абрис личин прослеживаются очень слабо, что свидетельствует об архаичности их исполнения. Подобные лунки расположены хаотично или цепочкой зафиксированы среди неолитических изображений лосей на р. Бирюсе и Мурожном камне-3 (табл. 96). Более крупные парные лункообразные углубления обнаружены на поверхности скального останца, раскопанного на территории культового комплекса Каменка-1 (табл. 53). Исходя из стратиграфической ситуации, набора артефактов, радиоуглеродных дат, можно сказать, что данный объект относится к эпохе неолита и датируется нач. III тыс. до н.э.² Находящееся в непосредственной близости неолитическое захоронение серовского времени также не противоречит этой дате³.

Чашевидные углубления – наиболее древняя форма наскального искусства (ямочные углубления зафиксированы на палеолитических памятниках Западной Европы и относятся к эпохе мустье [Столяр, 1985, с. 124–129]. Упорядочение их в тройные комбинации с последующим абрисом сердцевидного и округлого видов знаменует новую стадию в развитии мировоззрения и, соответственно, в наскальном творчестве, стадийно сменившую традицию хаотичных композиций.

---

¹ Многие исследователи отмечают, что данные археологии часто помогают выяснить некоторые спорные проблемы в датировке петроглифов. Однако, как отмечал В.И. Молодин, если в качестве датировочного эталона берутся, например, изделия мелкой пластики, то этот «заманчивый» принцип необходимо использовать очень осторожно: «сопоставление произведения пластического искусства и рисунка на скале далеко не всегда корректно и может лишь говорить об общности персонажей, тогда как стилистические особенности... могут быть... различными. Лишь в тех случаях, когда и в наскальной живописи, и в пластике мы находим общность специфических особенностей стиля, можно уверенно пользоваться этими способами для датировки петроглифов» [Молодин, 1993, с. 12]. Что касается метода использования «предметных и изобразительных аналогий из закрытых комплексов» [Советова, Миклашевич, 1999, с. 53], то, по справедливому замечанию В.И. Молодина, в отличие от предметов мелкой пластики, «наиболее приемлемыми в сравнении петроглифов с реалиями из археологических комплексов могут быть рисунки из антропоморфных и зооморфных изображений на керамике» [Молодин, 1993, с. 12].

Подобные береговые валуны с тройными ямками, облеченными в сердцевидные контуры или без таковых, зафиксированы на Нижнем Амуре (табл. 109, рис. 2, 3, 7) и относятся к архаичной «первой фазе» развития неолитического искусства, в ряде случаев – к эпохе мезолита [Окладников, 1971, с. 88]. Парные чашевидные углубления имеются на каменных плитках – «портативных петроглифах», обнаруженных на памятниках бойсмановской неолитической культуры Приморья (6500–5000 л.н.) [Бродянский, 1995, 1998, 1999, 2001] (табл. 109, рис. 5). Парные и тройные ямки, заключенные в сердцевидные и двойные округлые контуры, выявлены в петроглифах Северного Китая [Ларичев, 1985, с. 160–162] (табл. 109, рис. 4)⁴. Чашечные углубления в большом количестве обнаружены в петроглифах на побережье Северо-Западной Америки (табл. 109, рис. 1, 6), относятся к наиболее архаичным рисункам и имеют возраст более 4 тыс. л.н. [Окладникова, 1979, с. 106–108, 132].

К неолитическому времени может быть отнесена сердцевидная личина на обломке камня, обнаруженного на берегу р. Тасеевой (табл. 105, рис. 19). У нее, как и в изображениях личин на неолитической керамике Вознесенки, акцентированно выражен «каплевидный» контур глаз (табл. 111, рис. 11). Третьим тысячелетием до н.э. следует датировать ряд неоконтурных личин «каменского» типа. Стратиграфически они относятся к «нижнему пласту» многофигурных композиций с палимпсестом, перекрыты мощными известковыми

---

² При обследовании верхней площадки утеса на территории культового комплекса Каменка-1 на поверхности локального выхода скальных пород, которые часто встречаются на восточной оконечности утеса, были выявлены два слабо задернованных лункообразных углубления (табл. 51, № 1). Лунки диаметром 13–15 см и глубиной 7–9 см имеют сглаженные края и находятся на расстоянии 0,3 м друг от друга по линии СЗ – ЮВ (табл. 53, фото 1). С целью исследования данного объекта и выявления культуросодержащих слоев памятника на данном месте был заложен шурф (2 x 2 м), ориентированный сторонами по линии СЗ – ЮВ и ЮЗ – СВ (по квадратичной сетке территории памятника – в границах квадратов Т, У, Ф – 14, 15, 16) (табл. 55). Выборка грунта производилась до скальной поверхности, за ее пределами, на глубину 0,6 м, до материковых отложений крупнозернистого песка (табл. 54, фото 2).

После вскрытия грунта обнажился естественный рельефный контур останца, напоминающий большую антропоморфную личину. Клювовидный «нос» у нее был оформлен естественными трещинами (впоследствии он был выломан местными жителями), «глаза»-углубления были добавлены, по всей видимости, человеком. При выборке грунта на поверхности, в щелях и за пределами камня на различных уровнях залегания были зафиксированы каменные отщепы, пластины, мелкие фрагменты орнаментированной (сетка-плетенка) керамики, колотой и жженой кости, клык медведя, фрагменты каменных наконечников стрел с вогнутой базой.

Стратиграфия стенок шурфа отличается пестротой и неравномерностью залегания литологических слоев, которые часто выклиниваются или фиксируются в виде линз, западений и затеков грунта (табл. 56). В общем плане стратиграфическая колонка литологических слоев имеет следующий вид (м):

- 1) почвенно-растительный слой (0,03);
- 2) черная гумусированная супесь (0–0,13);
- 3) темно-коричневая гумусированная супесь (0–0,28);
- 4) коричневая супесь (0–0,27);
- 5) темно-коричневый гумусированный суглинок (0–0,25);
- 6) крупнозернистый песок рыжего цвета (0–0,25);
- 7) скальная порода.

Подобную стратиграфическую ситуацию можно объяснить непосредственной близостью к поверхности скальных выходов, рельеф которых отразился на характере покровных отложений. Вместе с тем не исключено, что данный останец в течение длительного времени периодически освобождался древними обитателями от наносного грунта. Учитывая, что следы выборки грунта фиксируются начиная с уровня материковых отложений крупнозернистого песка (западный угол шурфа) (табл. 56), где зафиксированы фрагменты керамики неолитического облика (табл. 55), можно полагать соответствующий возраст памятника. Радиоуглеродная дата по кострищу (уголь кострища 4), подстилаемого материковыми породами, составляет 5040 ± 35 лет (СОАН – 4363).

³ Радиоуглеродная дата для кострища, выявленного над каменной могильной кладкой: 4700 ± 120 лет (СОАН – 3780).

⁴ Первооткрыватели петроглифов в долине р. Байчахэ определили верхние пределы их возраста временем существования культуры «нижнего слоя Сяцзядань» [Ларичев, 1985, с. 162].

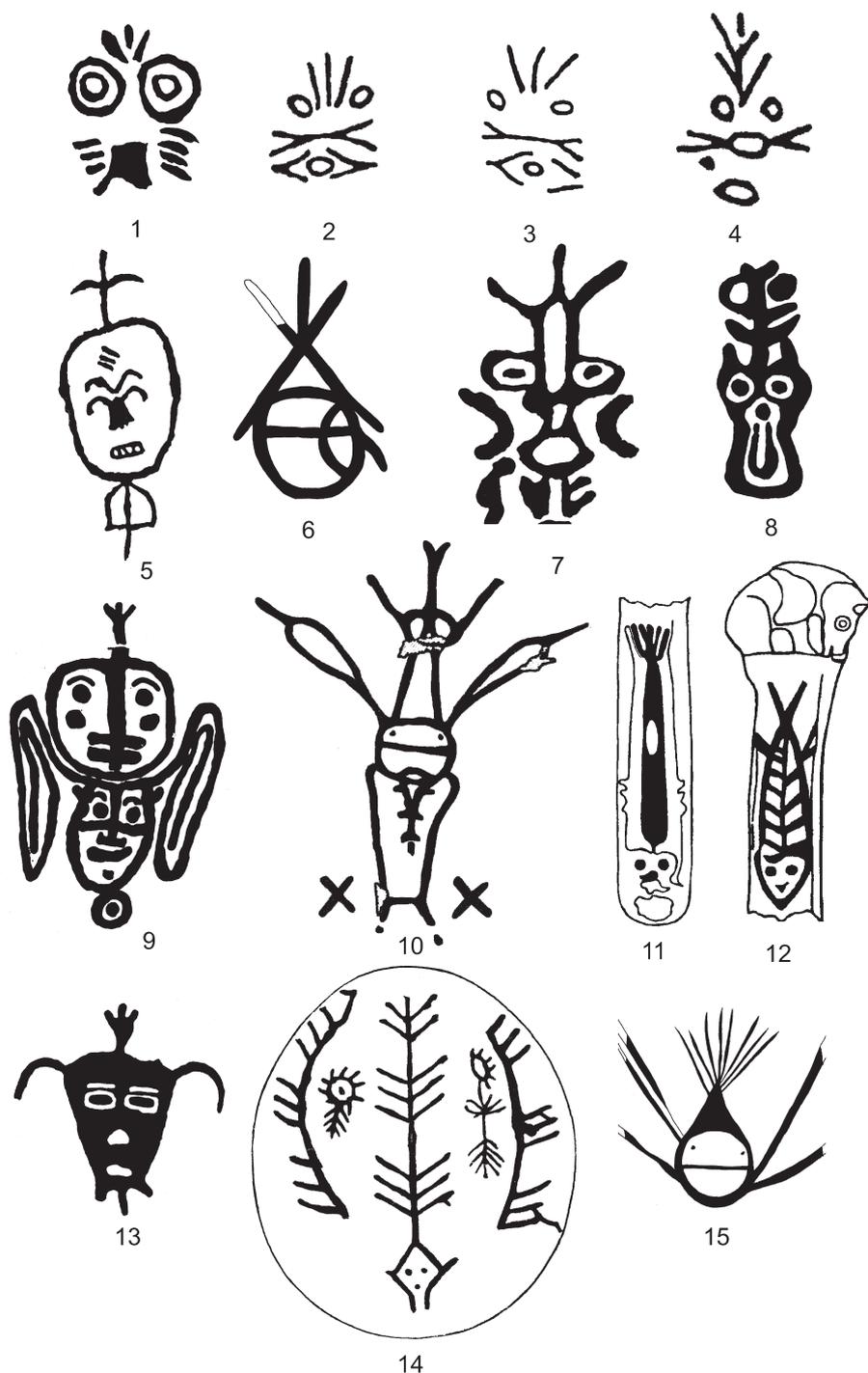

Табл. 116. Ветвистое оформление верхней части антропо- и ихтиоморфных фигур в искусстве Азии

натекамаи (табл. 29, 47, 61, 69, рис. 2). Они отличаются крупными размерами, глаза у них показаны большими, часто концентрическими окружностями. В целом иконография и стилистические особенности образов близки череповидным личинам в петроглифах Нижнего Амура (табл. 117, рис. 11, 12, 16, 18), относящихся к эпохе развитого неолита и датируемых концом IV – III тыс. до н.э. [Окладников, 1971, с. 88].

К эпохе позднего неолита (доокуневское время) относится крупная полиэйконичная фигура, выявленная на Мурском пороге (табл. 20). Она представляет собой «развернутый» вариант личины «каменского» типа [Заика, 2002]. Подобные фронтально-симметричные фигуры с ажурными кольцевидными контурами по обеим сторонам туловища зафиксированы на другой плоскости писаницы (табл. 16). У верхней фигуры голова имеет вид про-

Табл. 117. Личины череповидного облика и с полосатым оформлением в области рта в древнем искусстве Азии:

1 – Западная Сибирь; 2 – р. Мана; 3, 4, 11, 12, 16, 17 – Нижний Амур; 5, 7, 9 – Китай; 6 – р. Вишера; 8, 10, 15, 18 – Нижняя Ангара

Тип Вид фигуры					V	другие
Самостоятельно	6	5	1	29		
Профиль лин.						7 7
Фас- Профиль лин.	4	1			4 1	6
Фас- идол лин.	3	1			3	4 8
Фас- аморфный	1	3				3
Фас- полный лин.	2	5 5	1 9	2 1	5 2	3 6

Табл. 118. Сочетание масок-личи с видами антропоморфных фигур

стой оконтуренной личины сердцевидного облика. Здесь же, на Мурском пороге, выявлена терио-антропоморфная фас-профильная фигура, которую перекрывает контур крупной головы лося неолитического облика (табл. 23, 105, рис. 17). Териоморфные черты (наличие «хвостов»), иконография образа позволяют отнести данный рисунок к эпохе неолита¹.

Эпоха ранней бронзы

Как уже отмечалось, наиболее часто в композициях с другими видами личин встречаются сердцевидные и генетически с ними связанные личины «каменского» типа. Многие личины «каменского» типа имеют межглазной прогиб (34,2 %), характерный для сердцевидных личин.

Неоконтуренные антропоморфные личины «каменского» типа имеют прямые стилистические и иконографические параллели в петроглифах Северного Китая [Gai Shanlin, 1986]. У «китайских» личин также присутствует разветвленный вертикальный «отросток», акцентированно выделены контуры глаз и рта, присутствуют вертикальные линии «бороды»

¹ Нижняя часть фигуры стилистически близка трактовке задней части и ног «лежащих» неолитических лосей в петроглифах Ангары [Окладников, 1966, с. 120, рис. 36].

(табл. 116, рис. 1; табл. 117, рис. 4, 5, 7, 9). Многие исследователи соотносят данные изображения с личинами «окуневского» типа. По мнению М.А. Дэвлет, наиболее древние личины в горах Иньшань восходят к эпохе энеолита [Дэвлет, 1992, с. 40]. Неоконтурные окуневские личины «джойского» типа также имеют ряд общих черт с ангарскими личинами [табл. 116, рис. 2–4]. Изображение неоконтурной ихтиоантропоморфной личины зафиксировано на поверхности каменного грузила-стерженька составного рыболовного крючка из неолитического слоя стоянки Сергушкин-3 в Северном Приангарье [Привалихин, 1986].

Одной из «чистых» многофигурных композиций, где присутствует личина «каменского» типа, являются рисунки на плоскости 1 писаницы Ивашкин Ключ-II (табл. 44). Рисунки выполнены в одно время и одним автором: принадлежат одному стратиграфическому уровню, свободно расположены на плоскости, выполнены одним красящим пигментом и явно объединены одним сюжетом (исключение составляет прямой крест в правой части плоскости, выполненный сравнительно свежими мазками бордового цвета).

Композиционное построение фигур аналогично известным датированным изображениям на Шалаболинской писанице (камень 53) на р. Тубе и на Койской писанице на р. Мане (табл. 123).

Центральное место в данных композициях занимают антропоморфные личины, верхнюю часть – орнитоантропоморфные фигуры. В нижней части показаны человекоподобные фигуры с аморфными контурами туловищ (на Койской писанице они представлены в рогатых полукруглых масках-личинах, на Шалаболинской писанице имеют вид переплетенных линий, на которых «вырастает» личина). По мнению исследователей, вышеуказанные известные композиции датируются эпохой энеолита и относятся к кругу распространения памятников окуневской культуры [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 121–122; Савинов, 1997, с. 202–203; Заика, 1992, с. 129].

Составляющие данную композицию фигуры и сюжеты также находят соответствия в искусстве Северной и Центральной Азии.

Сюжетный и стилистический анализ рисунков. Конфигурация взаимопересекающихся линий на писанице Ивашкин Ключ-II автором трактуется как ряд профильных антропоморфных фигур в высоких островерхих головных уборах, ориентированных в правую сторону (направление движения подчеркивает наклон головных уборов). Вертикальные очертания туловища и ног фигур объединены горизонтальными линиями рук и, возможно, фаллосов¹. Схожая композиция в виде ряда «одноногих» фас-профильных человеческих фигур (голова у них показана в виде развилки «рогов») зафиксирована на писанице Шунтары-II, плоскость 2 (табл. 112, рис. 10). Они также находятся в сюжетной взаимосвязи с антропоморфными фигурами в масках-личинах.

Горизонтальный ряд сопряженных фаллических профильных и фас-профильных фигур встречается на других писаницах Ангары [Окладников, 1966], характерен для неолитических петроглифов Карелии [Савватеев, 1967], наскальных рисунков эпохи ранней бронзы в Восточной Сибири [Окладников, 1959, 1966, 1974; Окладников, Мазин, 1976, 1979; Кочмар, 1994; Мельникова, 2002]². Подобные антропоморфные фигуры в округлых масках-личинах зафик-

¹ Горизонтальный ряд профильных, сопряженных между собой фаллических фигур выявлен также на плоскости 2 писаницы Мурский порог, ряд фас-профильных «одноногих» фигур в высоких островерхих головных уборах присутствует на плоскости 17 писаницы Каменка-I.

² Профильные и фас-профильные изображения «танцующих человечков», выявленные на скалах около дд. Свирской, Средняя Буреть на р. Ангаре и на Шишкинских скалах на р. Лене (Тридцать первый Камень), А.П. Окладников относит к «концу неолитического времени» [Окладников, 1959, с. 70–71]. Этим же периодом он датировал крупное фас-профильное изображение «антропоморфного существа» (Двадцать восьмой Камень). Используя новые принципы датировки петроглифов, данные рисунки Шишкинских писаниц Л.В. Мельникова соотносит с эпохой бронзы (III – начало I тыс. до н.э.) [Мельникова, 2002, с. 20–21]. Подобные антропоморфные фигуры в полукруглых масках-личинах выявлены на писаницах Каменка-IV (плоскость 2), Шунтары-II (плоскость 2), Выдумский Бык-I (плоскость 14) (табл. 122, рис. 2, 14, 17).

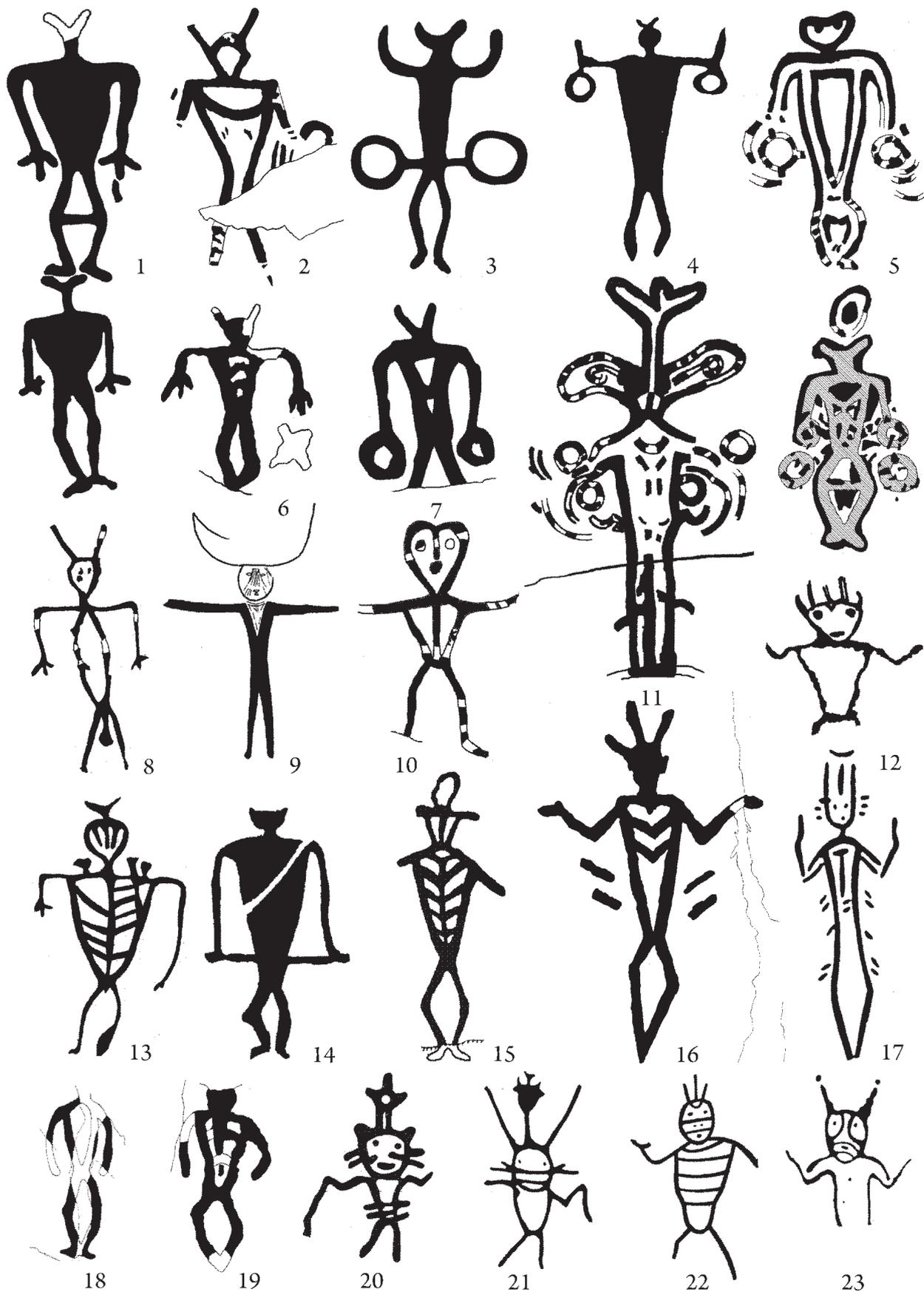

Табл. 119. Фронтально-симметричные антропоморфные фигуры в искусстве Северной Азии:

1, 2, 5, 6, 7, 10, 11, 16, 18, 19 – Нижняя Ангара (по А.Л. Заике);

3, 5, 13, 14, 15 – Прибайкалье (по А.П. Окладникову); 8 – Тинная (Сред. Лена) (по Н.Н. Кочмару);

9 – Каракол (Алтай) (по В.Д. Кубареву); 17 – Самусь-IV (по С.В. Студзицкой);

12, 20–23 – Минусинская котловина (по Э.Б. Вадецкой, Н.В. Леонтьеву)

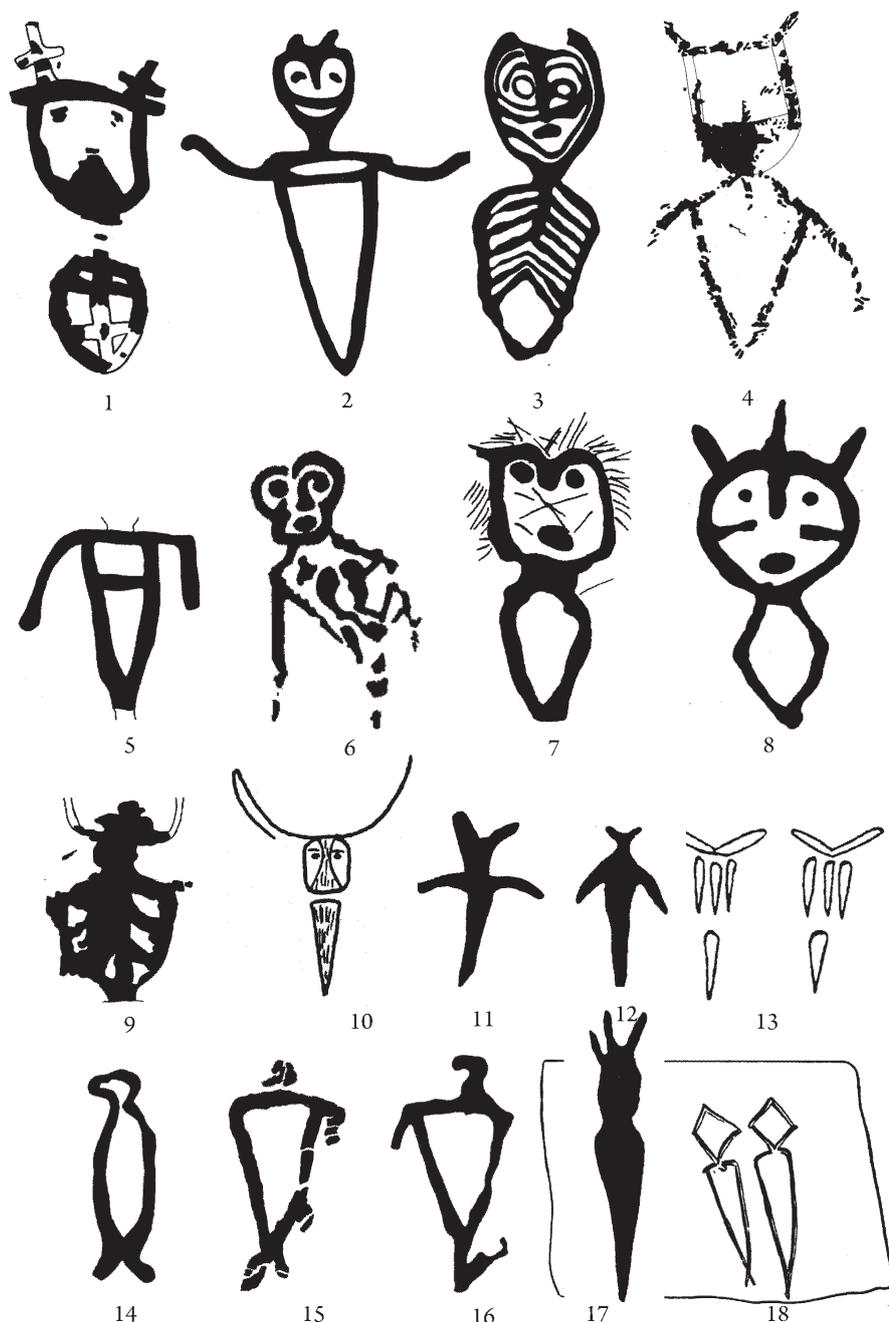
Табл. 120. *Фигуры с аморфным туловищем в петроглифах Азии:*

1, 3, 4 – Саяны; 2, 6, 12, 15 – Нижняя Ангара; 5, 7 – Минусинская котловина;

8, 10, 11, 13 – Якутия (Тинная, Токко, Чирбэ); 9, 14 – Алтай

(1–3, 6, 12, 15 – по А.Л. Заике; 4, 5, 7 – по Л.Р. Кызласову; 8, 10, 11 – по Н.Н. Кочмару; 9 – по Е.А. Окладниковой;

13 – по А.П. Окладникову; 14 – по Д.Г. Савинову)

Табл. 121. «Идолычки» и «клиновидные» фигуры в искусстве Азии:

- 1, 2, 5, 8, 9, 11, 14, 15, 16 – Нижняя Ангара (по А.Л. Заике); 3 – Амур (по А.П. Окладникову);
 4 – Алдан (по А.И. Мазину); 6 – Хакасия (по А.Л. Заике); 7, 10 – Алтай (по Д.Г. Савинову);
 12 – Туба (по Б.Н. Пяткину, А.И. Мартынову); 13 – Крохалевка (по Д.Г. Савинову);
 16, 17 – Верхняя Лена (по А.П. Окладникову)

сированы в петроглифах окуневской и каракольской культур (табл. 122). Антропоморфные фигуры в высоких островерхих головных уборах характерны для наскальных изображений окуневской культуры (табл. 122, рис. 12).

Орнитоморфные фигуры антропоморфного облика на Шалаболинской писанице Д.Г. Савинов соотносит с клиновидными фигурками на самусьской и глазковской керамике эпохи бронзы, пестикообразными фигурками «таштыпского» типа в погребениях окуневской культуры Среднего Енисея и китойской культуры неолита Ангары [Савинов, 1997, с. 203–204]. Полностью соответствуют Шалаболинским рисункам антропоорнитоморфная фигура в рогатом головном уборе на писанице Ивашкин Ключ-II (табл. 121, рис. 11). С дан-

ной категорией клиновидных и пестикообразных фигур Д.Г. Савинов проводит стилистические и в определенной степени хронологические параллели с изображениями «идольчиков» в полукруглых и сердцевидных масках-личинах на писаницах Якутии и Алтая [Савинов, 1997, с. 203–204]. Подобные алтайским и якутским фигурам изображения «идольчиков» зафиксированы на окуневских изваяниях Минусинской котловины, в неолитических петроглифах Нижнего Амура, на писаницах Нижней Ангары (табл. 121). Туловище у ангарских фигур имеет подтреугольный контур, голова представлена в виде круглых или полукруглых «рогатых» личин, конечности отсутствуют. В ряде случаев выявлены подобные изображения со слабо обозначенными конечностями и головной частью фигур. В композициях они сочетаются с фас-профильными фигурами в полукруглых масках-личинах (табл. 74, 77), в одном случае перебивают неолитическое изображение лося (табл. 22).

Фас-аморфные фигуры зафиксированы в петроглифах Присяянья, Минусинской котловины, Алтая, Якутии. В Южной Сибири они соотносятся с окуневской и каракольской культурами эпохи ранней бронзы [Леонтьев, 1976, 1985; Вадецкая, 1980; Кубарев, 1988; Заика, 1991]. В Якутии – с ымыяхтахской культурой и датируются II тыс. до н.э. [Окладников, Мазин, 1976, с. 101; Кочмар, 1994, с. 140].

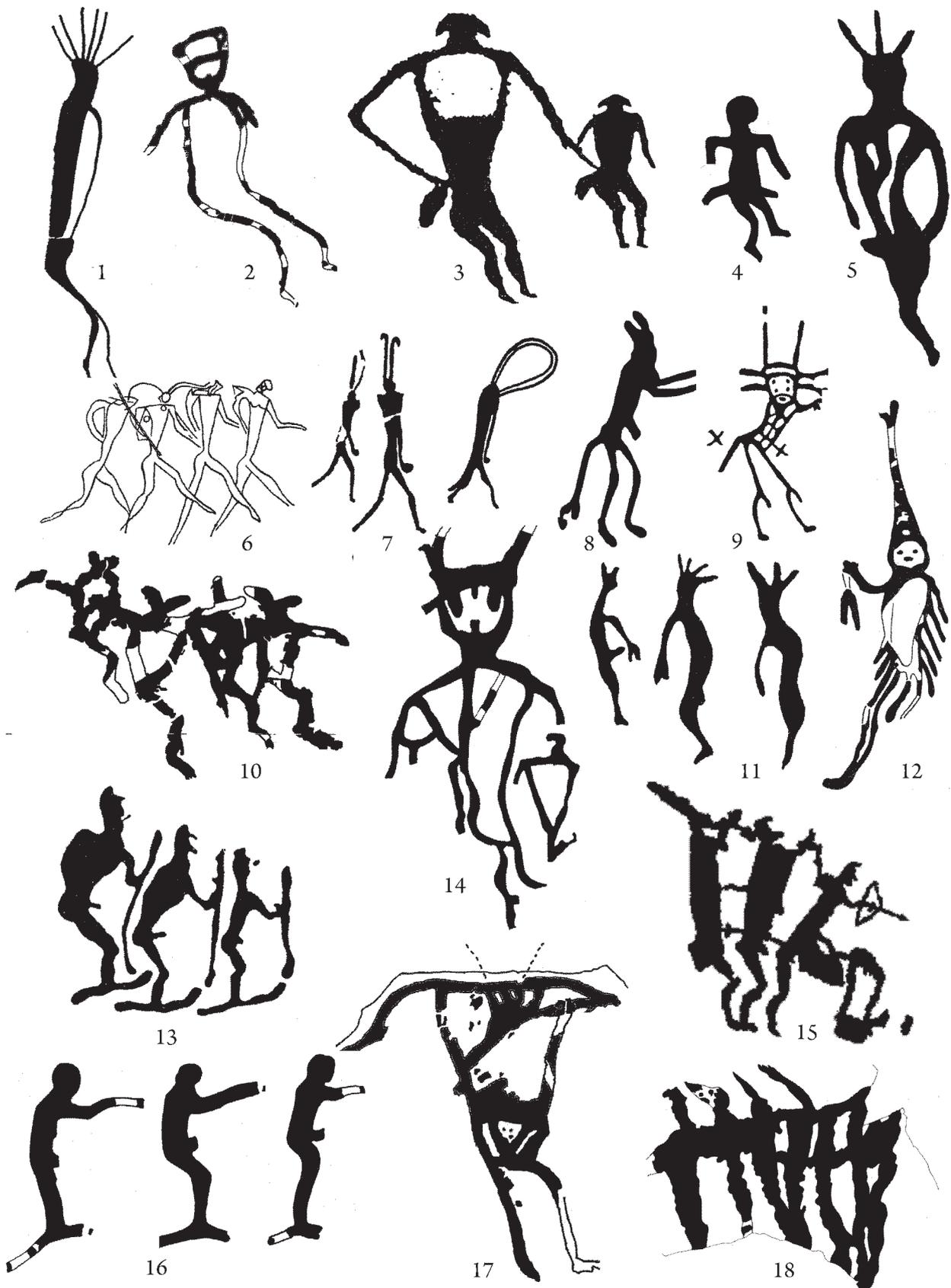
К разряду «чистых» композиций относится серия сюжетов с *вертикальным построением парных антропоморфных фигур* с ромбовидной, сердцевидной, параболоидной маской-личиной или развилкой линий на месте головы (табл. 16, 59, 63, 84). В двух случаях они композиционно связаны с крестовидными знаками. Сюжетное сочетание антропоморфных образов с крестами характерно для окуневского искусства [Молодин, 1993, с. 11, рис. 1, 4; Михайлов, 2001, с. 15–17] (табл. 12). Одно из ключевых мест в ангарских и минусинских петроглифах занимает антропоморфный образ «сеятеля» крестов (табл. 124).

Подобные *фронтально симметричные фигуры* характерны для петроглифов Саган-Забы, датируемых глазковским временем [Окладников, 1974], и других писаниц эпохи ранней бронзы Восточной Сибири, наскальных рисунков окуневской культуры [табл. 119]. «Трехпалое» оформление кистей рук присутствует у подобных антропоморфных образов на таежных писаницах Якутии и Байкала (табл. 119, рис. 8, 13). Относятся рисунки к эпохе позднего неолита и датируются II тыс. до н.э. [Кочмар, 1994, с. 138–143]. Кольцевидные контуры по обе стороны туловища фигур встречаются в петроглифах Ангары, Байкала, Верхней Лены и соотносятся с эпохой ранней бронзы [Окладников, 1966, 1974, 1976].

Фронтальные фигуры «адорантов», параболоидные и сердцевидные маски-личины на писаницах Нижней Ангары имеют прямые стилистические и иконографические параллели с изображениями на керамике самусьской культуры эпохи бронзы Западной Сибири (сер. II тыс. до н.э.). Наличие общих черт с изображениями на самусьской керамике выявила Э.Б. Вадецкая в наскальном искусстве окуневской культуры [Вадецкая, 1969, с. 270–274] и А.П. Окладников в петроглифах Байкала, бассейна р. Лены (на р. Алдан) [Окладников, 1973, с. 20–25; Окладников, Мазин, 1979, с. 68]. Это позволило исследователям в определенной степени решить вопросы датировки рисунков¹.

---

¹ Опубликованное А.П. Окладниковым антропоморфное изображение с писаницы Манзя (табл. 38, рис. 2) уже прочно закрепилось в литературе как антропоморфная фигура окуневского типа [Леонтьев, 1978, рис. 9; Дэвлет, 1997, табл. III; E. Yacobson, 1990. Fig.2, табл. 21; и др.]. Подобные антропоморфные фигуры «адорантов» в «рогатых» головных уборах зафиксированы на многих писаницах Ангары.

Табл. 122. Профильные и фас-профильные фигуры в петроглифах Евразии:
 1, 5, 11 – Верхняя Лена; 2, 4, 8, 10, 14, 16–18 – Ангара; 3, 6, 7 – Алтай; 9, 12 – Минусинская котловина;
 13–15 – Сев. Европа
 (1, 5, 8, 11 – по А.П. Окладникову; 2, 4, 10, 14, 16–18 – по А.Л. Заика; 3 – по Е.А. Окладниковой;
 6, 7 – по Д.Г. Савинову; 9, 12 – по Н.В. Леонтьеву; 13, 15 – по Ю.А. Савватееву)

Туловища антропоморфных фигур в круглых и полукруглых масках-личинах часто заполнены поперечными линиями «ребер» («скелетный» стиль) (табл. 2, рис. 8, 12). Традиционно принято считать¹, что «скелетный» стиль в наскальном искусстве Сибири зародился в эпоху позднего неолита и получил свое широкое распространение в эпоху бронзы, в рудиментарном виде сохраняясь в эпоху раннего железного века [Окладников, 1966; Формозов, 1967, 1969; Мартынов, 1971, 1997; Окладников, Мартынов, 1972; Шер, 1980; Молодин, 1993; Ковтун, 1993; Заика, 1996; и др.]

Необходимо отметить, что одним из основных элементов, объединяющих перечисленные группы антропоморфных фигур, является композиционное присутствие с ними силуэтных, реалистичных изображений копытных животных (табл. 128, рис. 6–10). По нашему мнению, они (животные) могут принадлежать одной из изобразительных традиций, существовавших на территории региона в эпоху ранней бронзы [Ключников, Заика, 2000, с. 139]. Контурные статичные фигуры копытных животных, у которых шея и круп обозначены поперечными линиями, сюжетно связаны с личинами и находят графические аналогии в окуневском искусстве [табл. 128, рис. 1–5]. Учитывая, что в ряде фигур угадывается образ быка, можно констатировать факт южного влияния на наскальное искусство региона в окуневское время [Ключников, Заика, 2002].

Таким образом, в большинстве своем антропоморфные фигуры в масках-личинах и изображения самих личин в петроглифах Нижней Ангары можно датировать концом третьего – серединой второго тысячелетия до нашей эры и отнести их к северной периферии распространения окуневских традиций в наскальном искусстве Сибири.

Эпоха поздней бронзы, железного века и средневековья

На писанице Манзя-II (плоскость 18) сюжетно связаны антропоморфные фигуры в сердцевидной и ромбовидной масках-личинах (табл. 36, рис. 2), что предполагает их общую культурно-хронологическую принадлежность. Линейные антропоморфные фигуры с ромбовидными масками-личинами выявлены в петроглифах Северной Монголии и датируются эпохой энеолита [Новгородова, 1989, с. 91–98]. Решетковидное оформление нижней части монгольских и ангарских фигур находит аналогии с окуневскими изображениями на Шалаболинской писанице (табл. 125, рис. 12). Ромбический контур головы имеют антропоморфные фигуры с подтреугольным туловищем, вырезанные на поверхности глиняного сосуда на территории жертвенника глазковской культуры близ Шишкинской писаницы на Верхней Лене [Археология СССР, 1987, с. 332, 404, рис. 125], на керамике кон. III – нач. II тыс. до н.э. с поселения Волонча на р. Конде [Кокшаров, 1990, с. 79–83], на деревянном Шигирском идоле, на костяных изделиях китойской культуры [Асеев, 2002] (табл. 113, рис. 2, 3, 5, 8).

Вместе с тем в кулайской керамике Западной Сибири и на поверхности сосудов памятников эпохи раннего железного века таежной зоны Среднего Енисея и Северного Приангарья встречаются изображения в виде ромбовидных личин в «рогатых» головных уборах, выполненные путем прочерчивания и в технике отступающей лопаточки [Плосьмак, Шумакова, 1991, рис. 14; Привалихин, 1992, 1993] (табл. 113). В погребении цэпаньской культуры Северного Приангарья (VII–II вв. до н. э.) обнаружена роговая скульптурка «женщины-шаманки» в рогатом головном уборе [Привалихин, 1984] (табл. 111, рис. 14). Это является определенным основанием для соотнесения с данной эпохой ряда личин в

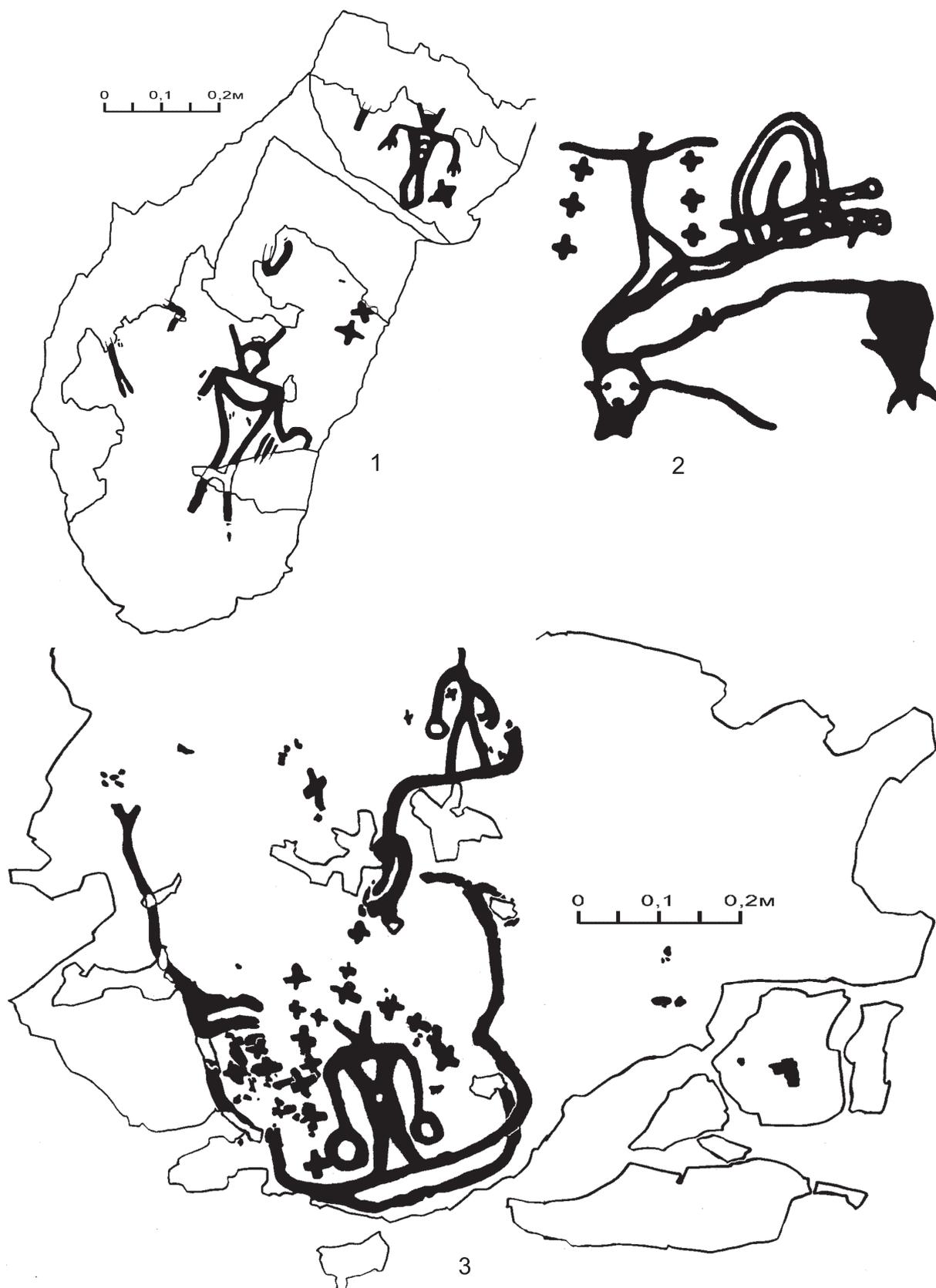
---

¹ В данном случае автор не заостряет внимания на дискуссионности вопросов определения датировки конкретных сюжетов, поставленных перед исследователями в конце 1960 – начале 1970-х и 1990-х гг.

Табл. 123. Петроглифы Среднего Енисея:

1 – Шалаболинская писаница (по Б.Н. Пяткину, А.И. Мартынову), 2 – Койская писаница (по А.Л. Зайке)

Табл. 124. Сочетание антропоморфных фигур с крестами в петроглифах:
 1 – Выдумский Бык-I, пл. 8 а; 2 – Шалаболино, камень – 53; 3 – Каменка-I, пл. 3
 (1, 3 – по А.Л. Заике; 2 – по Б.Н. Пяткину, А.И. Мартынову)

петроглифах Нижней Ангары. Судя по расположению плоскостей, сохранности и технике исполнения рисунков, иконографии сопроводительных фигур животных, характерных для петроглифов скифского времени [Ключников, Заика, 2001], к данному времени можно отнести антропоморфные изображения на писанице Мурожная-3 (табл. 99)¹. К эпохе поздней бронзы – раннего железа относятся фигуры с решетковидным оформлением нижней части тела и линейные фигуры в масках-личинах². Соответственно, находящиеся в единой сюжетной связи линейные фигуры с ромбовидными и сердцевидными личинами относятся к эпохе поздней бронзы – раннего железа.

Неоконтурные личины с сердцевидным прогибом в верхней части встречаются на бронзовых бляшках, найденных на Ангаре и в Айдашинской пещере (табл. 111, рис. 1–4). По мнению исследователей, они относятся к эпохе раннего железа и связаны с носителями кулайской культуры Западной Сибири [Молодин и др., 1980, с. 30; Леонтьев В. и др., 1996]. Сердцевидная личина зафиксирована в центре плоскости 3 на писанице Рыбное в окружении рисунков птиц, показанных в геральдической позе, знаков, копытных животных, датируемых эпохой раннего железа [Ключников, Заика, 2002].

Наиболее поздние антропоморфные образы сердцевидного облика зафиксированы в металлопластике эпохи средневековья Западной Сибири и Урала, сердцевидный прогиб имеют изображения личин на шаманской атрибутике многих народов Сибири (табл. 8, 13). Таким образом, сердцевидные личины, появившись в эпоху камня, как форма выражения консервативно сохранились до этнографической современности, не теряя при этом определенной культовой значимости в плане содержания.

Подобные факты свидетельствуют об устойчивости изобразительных традиций в духовной культуре таежных племен Северной Азии.

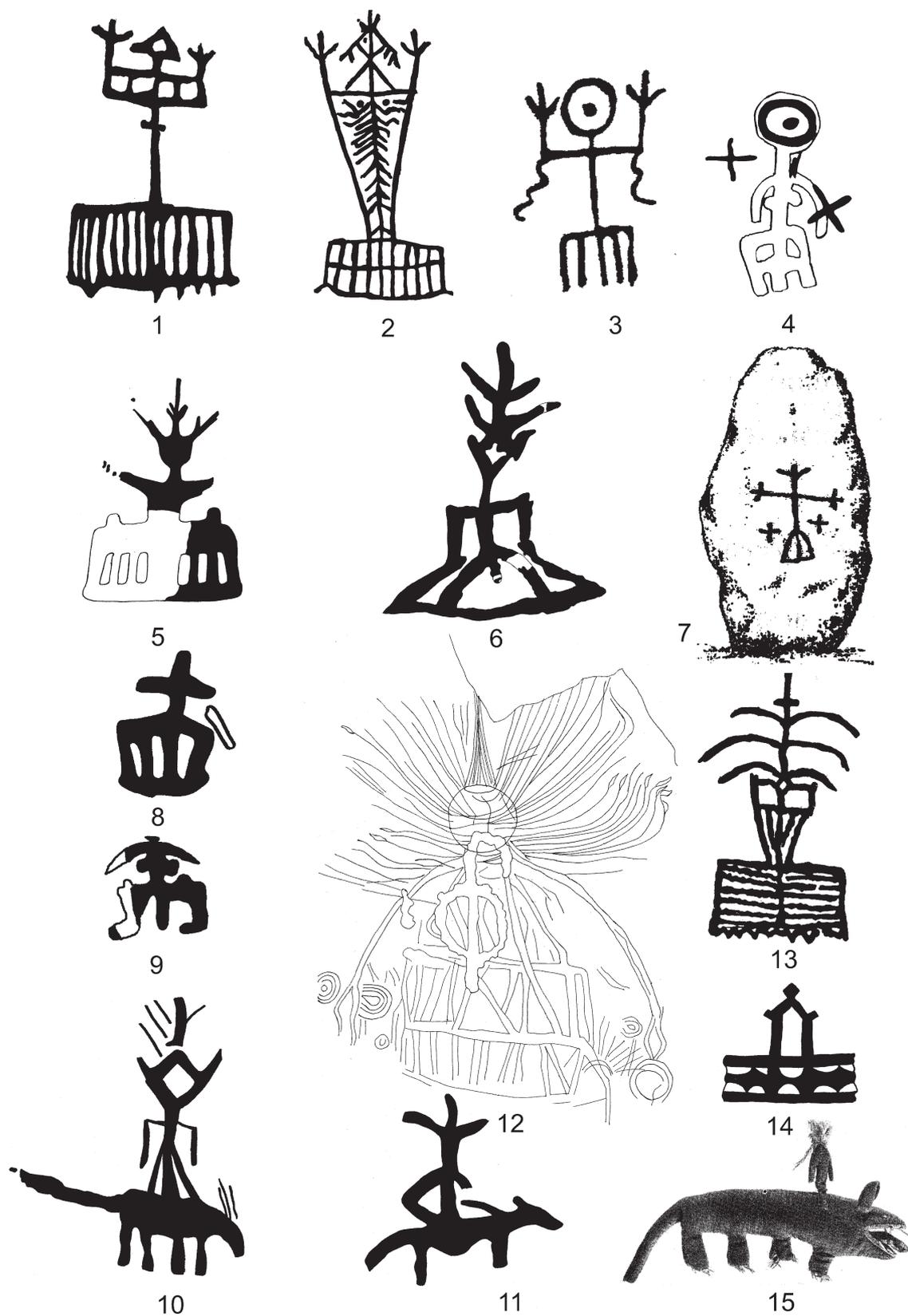
Судя по материалам жертвенника на территории Усть-Тасеевского культового комплекса к скифскому времени относится скульптурная фигура «идола» в устье р. Тасеевой [Гревцов, 1996], которая, испытав ряд трансформаций, имела культовое значение вплоть до этнографической современности³. Находящееся рядом портретное изображение человеческого лица является профанным дубликатом антропоморфной скульптуры или грубым автопортретом посетителя и по аналогиям изображений на курганных камнях в Хакасско-Минусинской котловине соотносится с эпохой позднего средневековья – этнографической современностью.

---

¹ Хорошая сохранность рисунков, выполненных на высоте 6–4 м от августовского уреза воды, отсутствие патины на ряде выбитых фигур, наличие хорошо видимых линий гравировки свидетельствуют о сравнительно молодом возрасте петроглифов. Сопряженная с личинами фигура оленя с древовидным рогом находит стилистические и иконографические соответствия с рисунками тагарской культуры (VII–II вв. до н.э.) в Минусинской котловине [Ключников, Заика, 2001].

² Решетковидные контуры имеют антропоморфные фигуры на писанице Каменка-I, где они перекрывают изображения лошадей. Кости лошади зафиксированы на территории культового комплекса Каменка-I и имеют радиоуглеродную дату 2295 ± 45 л.н. (СОАН – 4361). В многофигурной композиции (писаница Ивашкин Ключ-II, плоскость 33) изобразительный пласт с линейными фигурами в масках-личинах появился позже изображений животных, соотносимых с эпохой бронзы [Ключников, Заика, 2002]. Сопровождающие их орнитоморфные фигуры с пятнами по обе стороны тела имеют графические аналогии с фигурами на плоскости 12 (табл. 46). Там они выполнены охрой одного цвета со стилизованными фигурами лосей 4-го типа, датируемыми эпохой поздней бронзы – раннего железа [Ключников, Заика, 2000]. Находящийся рядом свастикаподобный знак также не противоречит данной датировке [Заика, 1999].

³ Исконному «европейскому» облику «идола» позже были приданы монголоидные черты: путем прорезки заужены глаза, уплощен нос, частично обколота борода и др. С приходом русского населения связано появление в ротовой полости цилиндрического углубления для курительной трубки.

Табл. 125. Антропоморфные образы с решетковидными контурами и фигуры всадников в искусстве Евразии:

1-3, 13 – Зап. Монголия; 5, 6, 8-11 – Ниж. Ангара; 7 – Италия; 12 – Сред. Енисей; 14 – Верх. Приамурье;
15 – Алтай

(1-3, 13 – по Э.А. Новгородовой; 5, 6, 8-12 – по А.Л. Заике; 7 – по Д. Селье; 14 – по А.И. Мазину;
15 – по С.В. Иванову)

3.4. Антропоморфные образы Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии

Пограничное положение региона между Восточной и Западной Сибирью, Средним и Нижним Енисеем во многом определило мозаичность этнокультурных процессов на территории Нижнего Приангарья в древности, что нашло свое отражение в наскальном искусстве. На примере рассматриваемой категории антропоморфных образов можно проследить по времени культурные взаимодействия местного населения в восточном, западном и южном направлениях.

С южными влияниями окуневской изобразительной традиции связано появление в петроглифах Ангары «рогатых» круглых и полукруглых личин с горизонтальной манерой «татуировки», «трехглазых» неоконтуренных личин, их сюжетное сочетание с копытными животными, среди которых присутствуют быки, козлы. Необходимо отметить, что неоконтуренные «трехглазые» личины появились позже личин «каменского» типа¹. По мнению А.П. Окладникова, «антропоморфные личины в наскальном искусстве Ангары – ...явное свидетельство определенных контактов древнего населения Приангарья с культурами, в круг которых входят писаницы окуневской культуры в Туве» [Окладников, 1978, с. 183].

Контактами с самусьской культурой Западной Сибири объясняется присутствие на писаницах Ангары антропоморфных фигур в параболических масках-личинах с хорошо обозначенной шеей (в подобных петроглифах окуневской культуры голова, как правило, «утопает» в плечи). Причем в ряде случаев наблюдается их более позднее появление по отношению к рисункам окуневского типа. Схожие образы на писаницах Байкала и Якутии, по всей видимости, являются следствием дальнейшего распространения данной изобразительной традиции по Ангаре на восток.

Сердцевидные личины, являясь доминирующим сюжетом в петроглифах лесной полосы Северной Азии, судя по археологическим источникам Дальнего Востока, известны в эпоху неолита. Появление их в петроглифах Нижней Ангары может объясняться, как автохтонным, стадийно-синхронным явлением в культуре, так и трансляцией данного образа в западном направлении с Дальнего Востока через Амур, Байкал и Ангару. Единичные рисунки на самусьской керамике сменяются позже устойчивыми образами сердцевидного облика в художественной металлопластике эпохи раннего железного века и средневековья Западной Сибири и Урала. С влиянием древних культур Пасифики связано появление в петроглифах Нижней Ангары личин череповидного облика (табл. 117)².

---

¹ Наиболее ярко влияние окуневских изобразительных традиций прослеживается на примере «рогатых» круглых и полукруглых масок-личин с горизонтальной манерой «татуировки». Данные личины находят близкие аналогии с тас-хазинской группой петроглифов, выделенной Н.В. Леонтьевым, как наиболее архаичной в окуневском искусстве [Леонтьев, 1978]. Но, в отличие от окуневских, у полукруглых масок-личин Нижней Ангары четко обозначена шея, что сближает их с антропоморфными образами на самусьской керамике и в петроглифах Восточной Сибири (Саган-Заба, бухта Ая, Мая и др.) и неоконтуренными личинами с «третьим глазом». В отличие от классических окуневских изображений черновского типа (по классификации Н.В. Леонтьева), ангарские личины не имеют контура, сложных деталей внутреннего и внешнего оформления, все три глаза у них расположены практически по одной линии.

² По мнению многих исследователей, данные изображения связаны с окуневскими изобразительными традициями и относятся к эпохе энеолита. По свидетельству М.А. Дэвлет, в данный период «изображения личин с сердцевидным абрисом встречаются на памятниках, протянувшихся полосой в широтном направлении с Урала до Нижнего Амура». Вместе с тем далее она продолжает: «Условная граница находок изображений сердцевидных личин проходит севернее собственно окуневского ареала...» [Дэвлет, 1997, с. 240–241; табл. 1]. Наиболее ранние изображения зафиксированы на обломке неолитического сосуда из Вознесенки [табл. 110, рис. 12].

Личины с ромбовидным контуром известны в энеолитических петроглифах Монголии. Наряду с манерой решетковидного оформления нижней части тела антропоморфных фигур данный мотив мог проникнуть на северо-запад через Прибайкалье и сохраниться как в наскальном искусстве, так и в сюжетах керамики до эпохи раннего железа Нижнего Приангарья и сопредельных территорий Западной и Средней Сибири. Срединное положение на этом пути Прибайкалья подтверждают недавние находки на территории глазковского могильника на побережье Малого моря оз. Байкал. На поверхности сосуда выявлен ряд антропоморфных фигур в ромбовидных масках-личинах [Горюнова, Вебер, 2003]. Сходство монгольских, байкальских и ангарских петроглифов в свое время отметил А.П. Окладников [Окладников, 1966, с. 139]. Устойчивость юго-восточных связей объясняет ряд стилистических, иконографических и сюжетных аналогий с древним искусством Китая (личины «каменского» типа, чашевидные углубления) [Заика, 2001 а]. Опираясь на опубликованные материалы, Е.Г. Дэвлет выдвинула предположение о прямом перемещении населения. По ее мнению, мигранты из Внутренней Монголии в древности продвигались на север несколькими волнами, достигнув Нижнего Амура и Северного Приангарья [Дэвлет Е., 1999, 2000].

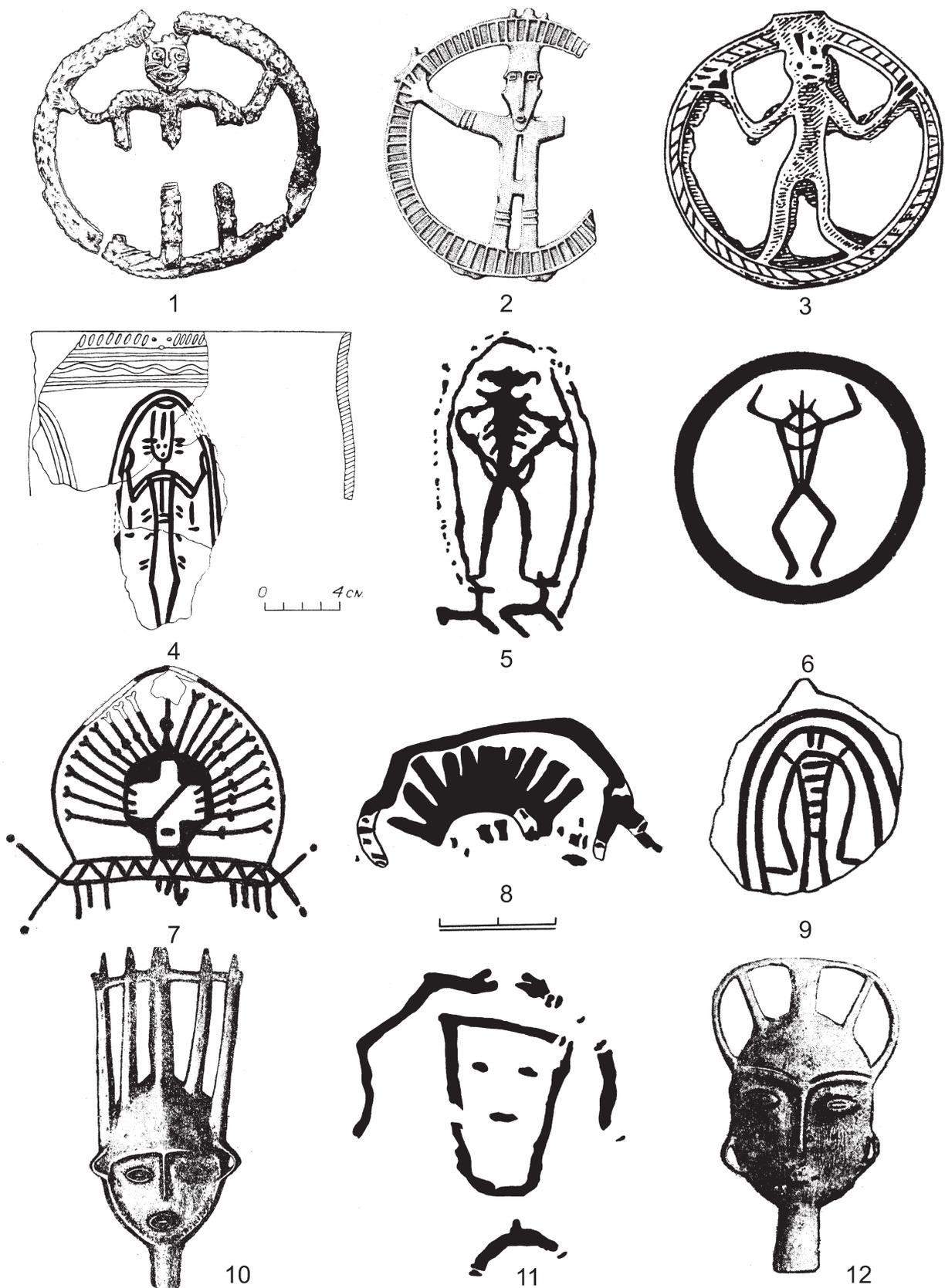
Рассматривая данные факты в контексте конкретно-исторических событий, можно прийти к выводу о прямом проникновении или частичной инфильтрации носителей окуневской культуры под давлением пришлого андроновского населения на север (до недавнего времени существует концепция о вытеснении окуневского населения в южные районы Саяно-Алтая), т.е. примерно в XIII в. до н.э. Возможно, перемещение носителей ранних форм окуневской культуры или доокуневского населения началось гораздо раньше – в III тыс. до н.э. Радикальная смена в плане стиля, сюжета, иконографии рисунков зафиксирована в петроглифах, традиционно соотносимых с окуневскими на Шалаболинской писанице [Дроздов и др., 2003]. Первичные композиции с целью подготовки плоскости для новых рисунков преднамеренно уничтожались путем скобления и шлифовки каменного полотна. Подобные факты могут объясняться как ритуальной практикой, так и варварством пришлого населения, насаждавшего новые приоритеты в духовной культуре, что могло привести к перемещению определенных этнических групп в северные районы. Во всяком случае, в серовском погребении на территории культового комплекса Каменка-1 на Нижней Ангаре под черепом находилась каменная «подушка», что характерно для погребальной практики окуневской культуры. Продвижение, скорее всего, осуществлялось по левобережным притокам Ангары (Бирюса, Тасеева), где зафиксированы петроглифы окуневского типа [Заика, 2002, 2003; Ключников, Заика, 2002]. Не исключено, что по тем же коммуникационным путям осуществлялось влияние карасукской культуры на изобразительное искусство нижнеангарского региона¹.

Вместе с тем нельзя объяснить только влиянием извне формирование и развитие наскального творчества в Нижнем Приангарье. Культурные контакты не были односторонними.

На примере териоморфных образов многие исследователи констатируют присутствие в доокуневских и окуневских петроглифах Южной Сибири «ангарской» традиции [Подольский, 1973; Шер, 1980; Пяткин, Мартынов 1985; Молодин, 1993; Советова, Миклашевич, 1999; и др.]. Существует мнение, что данная изобразительная традиция зародилась на Ангаре в эпоху неолита и была привнесена по Енисею в Минусинскую котловину ко времени распространения там афанасьевской культуры, т.е. в конце III тыс. до н.э.

---

¹ Известны находки карасукских бронз, в частности, лапчатых подвесок в бассейне рр. Бирюсы и Тасеевой [Буторин и др., 1999].

Табл. 126. Сочетание личин с дугообразными контурами в искусстве Сибири:

1 – Усть-Кова; 2 – р. Тым; 3 – Завьялово-1А; 4, 9 – Самусь-IV; 5 – Оглахты-II; 6 – р. Белая; 7 – р. Туба;

8, 11 – Нижняя Ангара; 10 – г. Киренск; 12 – г. Илимск

(1 – по В.П. Леонтьеву, 2 – по Н.В. Полосьмак, 5 – по М.А. Дэвлет, 4, 9 – по С.В. Студзицкой,

6, 10, 12 – по А.П. Окладникову, 8, 11 – по А.Л. Заике)

Табл. 127. Солярная символика антропоморфных личин в древнем искусстве Азии:
 1, 3, 13, 17, 18, 27 – Минусинская котловина; 2 – Алтай (Каракол); 4, 14, 15 – Зап. Сибирь (Самусь-IV);
 5, 6, 22, 23 – Ниж. Ангара; 7, 8, 10 – Сред. Азия (Тамгалы, Саймалы-Таш);
 9, 12, 16, 19, 20, 24 – Внутр. Монголия (горы Иньшань); 21, 25, 26 – Ниж. Амур
 (1, 3, 27 – по Л.Р. Кызласову; 2 – по В.Д. Кубареву; 4, 14, 15 – по И.Г. Глушкову;
 7, 8, 10, 16, 19, 20, 24 – по М.А. Дэвлет; 5, 6, 18, 22, 23 – по А.Л. Зайке; 9, 12 – по В.Е. Ларичеву;
 13 – по Е.Д. Паульсу; 17 – по Б.Н. Пяткину, А.И. Мартынову; 21, 25, 26 – по А.П. Окладникову
 1–3, 7–12, 16–27 – петроглифы; 4, 13, 14 – керамика)

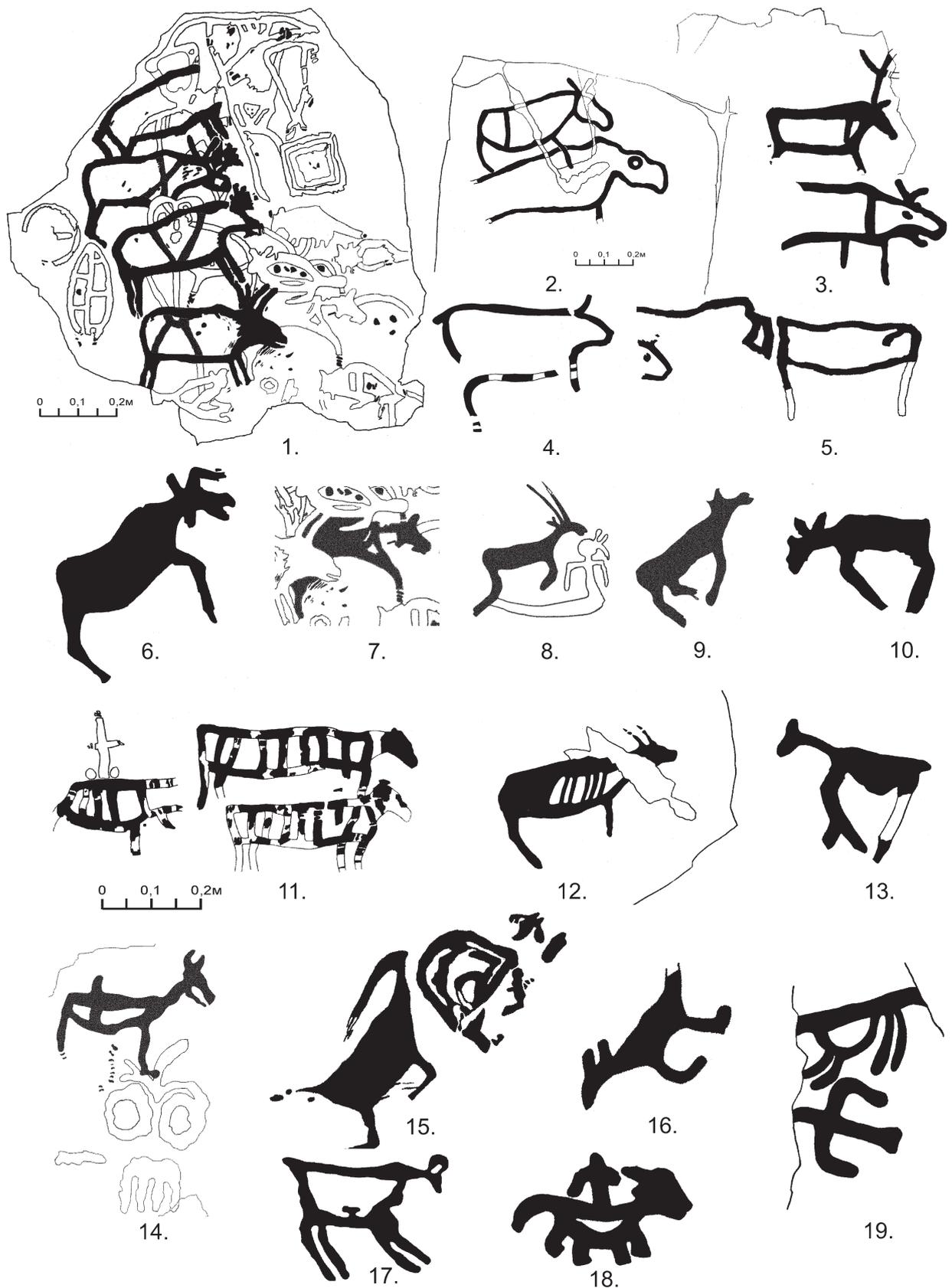
[Подольский, 1973; Шер, 1980]. Антропоморфные образы окуневской культуры также несут ряд черт, характерных для личин «каменского» типа: неоконтуренность при наличии внешней атрибутики и разветвленный головной убор присутствуют у личин «джойского» типа, тройной или многолучевой пучок линий завершает вертикальные головные уборы у личин «тас-хазинского» типа. Фронтально-симметричные фигуры в масках-личинах, фигуры «адорантов», встречающиеся в петроглифах окуневской культуры и на самусьской керамике, являются характерным сюжетом, прежде всего, наскального искусства Ангары и Прибайкалья (табл. 119). Профильные и фас-профильные «рогатые человечки» в петроглифах Минусинской котловины относятся к наиболее архаичным антропоморфным образам [Шер, 1980, с. 193–194], и появление их связано, скорее всего, также с влиянием ангарских традиций [табл. 122].

Необходимо также учитывать в наскальном искусстве (как и в любом другом виде творчества) факты ренессанса. Данный процесс реанимации (возрождения) того или иного сюжета в петроглифах определяется не только фактором времени, но и пространственными характеристиками, замкнутостью (закольцованностью) траектории движения образа на определенной территории¹. Примером подобной реверсивности образов, вернувшихся в петроглифы Нижней Ангары, является геометризованная фигура «шамана» на писанице Манзя (табл. 119, рис. 16). Данный персонаж, не теряя исходных принципов в плане иконографии (фронтальная симметричность, раскинутые в стороны верхние и сведенные вместе нижние конечности), несет черты строго стилизованных образов, известных по изображениям на керамике самусьской культуры. Соизмеримость фигуры, узкие плечи, строгость изгибов линий, формирующих образ, третий «рог», параболаидный контур головы с обозначенной шеей, развернутые в стороны кисти рук, отсутствие стоп, наличие парных линий по обе стороны туловища – вот набор признаков, характерных для самусьских изображений (табл. 119, рис. 17). Казалось бы, в данном случае удобнее констатировать факт влияния именно самусьской культуры на наскальное искусство смежной территории Нижней Ангары. Но нельзя забывать, что базовые позиции в иконографии самусьских образов (фронтальная симметричность, раскинутые в стороны верхние и сведенные вместе нижние конечности) характерны, как уже говорилось, для петроглифов Ангаро-Байкальского региона. Не исключено, что центром формирования данной изобразительной традиции является Прибайкалье, которое географически и в коммуникативном плане занимает срединное положение между Западной, Восточной и Южной Сибирью.

Отличительной особенностью личин Нижней Ангары по отношению к другим регионам (Саяно-Алтай, Минусинская котловина, Внутренняя Монголия, Якутия, Дальний Восток, Западная Сибирь) является практически полное отсутствие в них солярной символики (солнечные символы появляются в эпоху раннего железа). В ангарских петроглифах зафиксированы два случая удвоения округлого контура, полукруглый и сердцевидный контуры с радиально расходящимися линиями, солярного облика

---

² Например, ключевой образ в культуре некой этнической группы, которая веками вырабатывала для него определенные графические каноны, воспринимается населением смежной территории. Там он, не теряя своего содержания, приобретает несколько видоизмененные формы, соответствующие местным изобразительным традициям, и в этом виде возвращается на исходную территорию, где по своим эстетическим параметрам воспринимается местным населением.

Табл. 128. Изображения копытных животных в наскальном искусстве Нижней Ангары:

1-10 – эпоха ранней бронзы; 11,12 – эпоха развитой бронзы; 13-16 – эпоха поздней бронзы;

17-19 – эпоха раннего железного века.

1, 7, 11, 18 – Каменка; 2 – Аплинский порог; 3 – Писаный Камень; 4 – Мурский порог; 5 – Шивера (р.Бирюса);
6, 8-10, 12, 13 – Манзя; 14-16 – Ивашкин Ключ; 17, 19 – Рыбное

«глаз» личины (?) (табл. 127). Аналогии данным единичным образам прослеживаются в петроглифах Нижнего Амура, Северного Китая, Средней Азии, Среднего Енисея и на самусьской керамике. Появление солярных символов в искусстве Центральной и Северной Азии многие исследователи связывают с распространением в IV–III тыс. до н.э. индоевропейской идеологии (мифологии) [Шер, 1997; Дэвлет, 1997; Мачинский, 1997; Боковенко, 2000; и др.]. Соответственно, солнечные культы на Нижней Ангаре в данный период либо приняли другие формы, либо не были восприняты, обозначив тем самым доминирующую роль местных приоритетов в духовной культуре, базовых позиций мировоззренческого характера¹. В последнем случае объясняются как консерватизм таежных культур, так и степень воздействия «ангарских» изобразительных традиций на искусство сопредельных регионов.

---

¹ Связано это, скорее всего, с диаметрально противоположными представлениями о структуре мироздания. По всей видимости, именно в иконографии антропоморфных образов нашли свое отражение горизонтальная и вертикальная модели мира. Строгая фронтальная симметричность образов, вертикальная манера татуировки, сердцевидный абрис личин характерны для горизонтальной структуры, предполагающей бинарную оппозицию космогонических начал, что мы наблюдаем на Ангаре. Округлый контур личин, горизонтальная манера татуировки, многолучевой головной убор отражают вертикальную структуру мироздания, что характерно, например, для окуневского искусства. Симбиоз различных культур, совмещение разных изобразительных традиций, переходные формы смены базовых позиций в мировоззрении (возможно, троичность их противопоставления – тернарность оппозиций) графически отражают комбинированные варианты вида контура, внутренней татуировки и внешнего оформления личин.

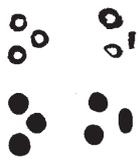
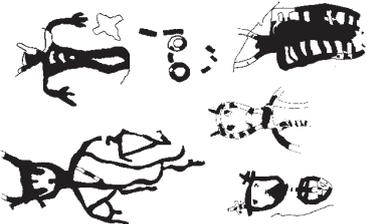
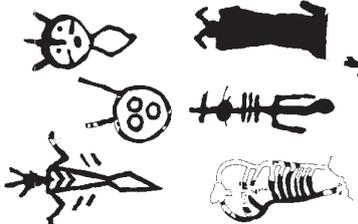
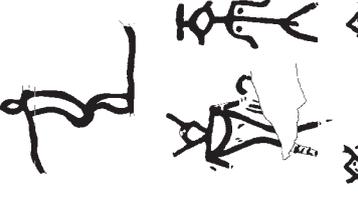
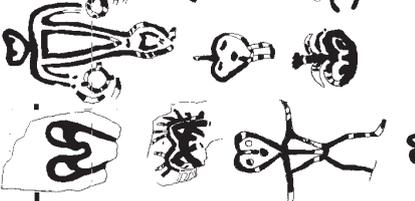
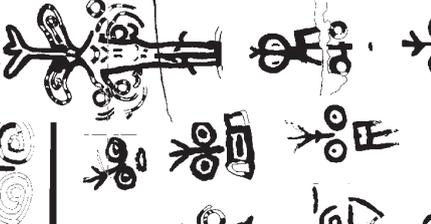
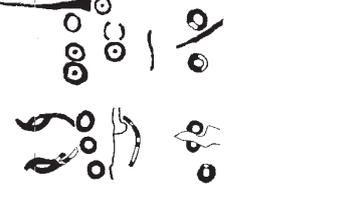
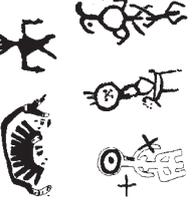
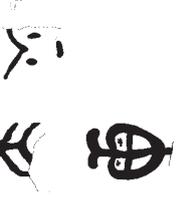
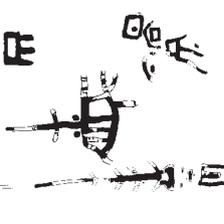
ТИП период						
Неолит (IV-III тыс. до н.э.)						
ранняя бронза (I пол. II тыс. до н.э.)						
поздняя бронза, Р Ж В (I тыс. до н.э.- I тыс. н.э.)						

Табл. 129. Таблица периодизации антропоморфных личин в петроглифах Нижней Ангары

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования петроглифов Нижней Ангары имеют длительную историю (около 300 лет), тем не менее к концу XX в. данный регион в этом отношении оставался не достаточно изученным. Используя продуктивные методы полевых исследований петроглифов, нами была получена исчерпывающая на настоящий момент информация о 42 памятниках наскального искусства.

В данной работе в полном объеме представлены антропоморфные образы, выявленные автором в петроглифах Нижней Ангары. По результатам проведенного стилистического анализа и статистических подсчетов определены основные классификационные подразделения наскальных изображений в виде личин и антропоморфных фигур в масках–личинах, выделен специфичный для региона особый вид личин «каменского» типа.

На основе проведенной классификации антропоморфных образов и привлекая различные способы и методы датирования, можно сделать вывод об их относительной синхронности в наскальном искусстве региона, установить связь с кругом распространения личин окуневского типа и основной комплекс рисунков датировать эпохой позднего неолита – ранней бронзы (III–II тыс. до н.э.). Появившись в петроглифах региона в эпоху неолита, антропоморфные личины как сюжет изобразительного искусства сохраняются в культуре местных народов вплоть до этнографической современности. Подобные факты свидетельствуют об устойчивости изобразительных традиций в духовной культуре таежных племен Северной Азии.

Многообразие образов и сюжетов в наскальном искусстве Нижнего Приангарья объясняется его межрегиональным, пограничным положением, наличием удобных коммуникаций в виде развернутой гидросистемы. Повышенная концентрация в петроглифах Нижней Ангары антропоморфных образов в виде личин (в отличие от других исследованных районов Приангарья) – явление не столько стадияльное в развитии местных древних культур, сколько следствие прямых или опосредованных взаимодействий с культурами сопредельных регионов.

Иконография и стилистические особенности антропоморфных образов маркируют присутствие изобразительных традиций неолитических культур Дальнего Востока, энеолитических культур Западной и Внутренней Монголии, окуневской и самусьской культур в эпоху ранней бронзы, карасукской – в эпоху поздней бронзы, культур скифского круга – в эпоху раннего железа. Местное население, воспринимая художественные элементы других культур, гармонично сочетало их с традиционными образами и, комбинируя их, создавало принципиально новые.

Доминирующие позиции местной художественной культуры в наскальном искусстве Нижней Ангары проявляются на примере личин «каменского» типа, у которых основные элементы образа консервативно сохраняются с эпохи неолита до раннего железного века; в фактах отсутствия у большинства личин солярной символики, преобладания у антропоморфных образов вертикальной манеры «татуировки», разветвленного головного убора. Влияние ангарских изобразительных традиций прослеживается в доокуневских и окуневских петроглифах Среднего Енисея, сюжетах керамики самусьской культуры.

Выявленный представительный комплекс петроглифов обозначает Нижнее Приангарье как один из культурных центров, очагов древнего искусства, заметно повлиявших на развитие наскального творчества и мировоззрение древнего населения соседних регионов Сибири и Дальнего Востока.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Авдеев А.Д. Происхождение театра. Элементы театра в первобытнообщинном строе. М.; Л.: Искусство, 1959. 266 с.
2. Агеева Э.Н., Ребрикова Н.Л. Памятник наскального искусства «Орсо» в Восточной Сибири. Практика консервации // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во САИПИ, 1998. С. 153–154.
3. Адрианов А.В. Письмо А.В. Адрианова в Комитет о наскальных изображениях Енисейской губернии // Изв. РКСИВА. Спб., 1904. № 3. С. 5–7.
4. Адрианов А.В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Изв. РКСИВА. Спб., 1904 а. № 4. С. 25–33.
5. Адрианов А.В. Писаницы по р. Мане // ЗОРСА РАО. Т. 9. Спб., 1913. С. 1–13.
6. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск: Крайгиз, 1936. 150 с.
7. Архипов Н.Д. Петроглифы Олекмы // АО 1969 г. М.: Наука, 1970. С. 195.
8. Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. 471 с.
9. Асеев И.В. Ландшафтно-климатические изменения и хозяйственный уклад древних обществ Юго-Восточной Сибири // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1988. С. 3–4.
10. Асеев И.В. Хронология археологических культур Прибайкалья в разработках исследователей // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 16–20.
11. Асеев И.В. Китайская культура в неолите Байкальского региона и прилегающих территорий: вопросы хронологии, районы миграции ее носителей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 2 (10). С. 59–70.
12. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 279 с.
13. Бабина М.С., Чуракова Е.В. Результаты исследования Шалаболинской писаницы в 2002 г. // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: мат-лы Всерос. (с международ. участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 22–23.
14. Бадер О.Н. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье // МИА. 1941. № 2. С. 126.
15. Бадер О.Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 46 с.
16. Баташев М.С., Макаров Н.П. Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея. Красноярск: Изд-во КККМ, 2000. 35 с.
17. Бахрушин С.В. Примечания // Г.Ф. Миллер История Сибири. Т. II. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 697.
18. Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследований (XVII – первая треть XX в.). Новосибирск: Наука, 1986. 187 с.

19. Боголюбский И.С. Исследование древностей Минусинского округа Енисейской губернии в 1881 г. // Изв. ВСОРГО. Т. 13. № 3. Иркутск, 1882. С. 43–46.
20. Боковенко Н.А. Солярная символика и крест в окуневском искусстве // Труды международной конференции по первобытному искусству. – Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 2000. Т. II. С. 56–59.
21. Бродянский Д.Л. Мобильные петроглифы предметы-знаки в археологическом контексте // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во САИПИ, 1998. С. 76–77.
22. Бродянский Д.Л. Портативные петроглифы на Дальнем Востоке // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. Вып. 1. С. 51–52.
23. Бродянский Д.Л. Дальневосточная провинция древнего искусства // Труды международной конференции по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 1999. Т. I. С. 36–41.
24. Бродянский Д.Л. Ворон, хозяйка моря и другие персонажи мифов в бойсмановском искусстве // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4 (12). С. 86–90.
25. Бродянский Д.Л. Обитатели моря в искусстве бойсмановской неолитической культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. № 1 (5). С. 60–66.
26. Бродянский Д.Л. Двусторонний петроглиф из Приморья // Вестник САИПИ. 2001. Вып. 4. С. 17.
27. Буров Г.М. Искусство Крайнего Северо-Востока Европы в эпоху неолита – раннего металла и его семантика // Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1992. С. 14–28.
28. Бурькин А.А. Этногенез эвенков и проблема этнической принадлежности неолитических культур Прибайкалья: современное состояние вопроса // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. С. 66–68.
29. Буторин В.Г., Гревцов Ю.А., Тарасов А.Ю. и др. Исследования на Бирюсе // Палеоэтнология Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. С. 45–46.
30. Вадецкая Э.Б. Древние идолы Енисея. Л.: Наука, 1967. 78 с.
31. Вадецкая Э.Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Изв. лаб. арх. иссл-ий. Вып. 6. Кемерово, 1973. С. 91–159.
32. Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
33. Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 37–147.
34. Вадецкая Э.Б. Проблема интерпретации окуневских изваяний // Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 86–97.
35. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 177 с.
36. Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Седякина Е.Ф. Археологические исследования в зоне Усть-Илимской ГЭС в 1970 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935– 1976). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1980. С. 53–75.

37. Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1988. 225 с.
38. Вдовин А.С. История организации археологических исследований на территории Приенисейской Сибири (XIX – конец 20-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1999. 35 с.
39. Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // ИВСОРГО. 1889. Т. XX. № 2. С. 1–31.
40. Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.
41. Голан А. Миф и символ. М.: Изд-во «РУССЛИТ», 1994. 375 с.
42. Голубева В.А., Прокофьев М.М. Изображения животных и рыб в искусстве охотской культуры // Наскальное искусство. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. С. 116–120.
43. Гревцов Ю.А. История открытия // Тайны Среднего Енисея. Железногорск: Изд-во МВЦ, 1996. С. 62–74.
44. Гревцов Ю.А. К проблеме интерпретации образа грифона и его подражаний // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 1. Красноярск: Изд-во КГУ, 1996. С. 116–120.
45. Гревцов Ю.А. Роговые навершия из материалов Усть–Тасеевского культового комплекса // 275 лет сибирской археологии: материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997. С. 59–60.
46. Гревцов Ю.А., Сергейкин А.А. Усть-Тасеевский комплекс (новые находки) // Молодая археология и этнология Сибири. XXXIX РАЭСК. Ч. 1. Чита, 1999. С. 121–122.
47. Гричан Ю.В. Камень с р. Дьелангаш // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 170–178.
48. Грибановский В.А. Сведения о писаницах Якутии // СА. 1996. № 6. С. 281–284.
49. Горюнова В.А. Антропоморфная и зооморфная скульптура древнего могильника Усть-Белая II // Древняя история народов ЮВ Сибири. Иркутск, 1974. Вып. 2.
50. Горюнова О.И., Вебер А.В. Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии ИАиЭт СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. С. 331–335.
51. Гурина Н.Н. Наскальные рисунки Кольского полуострова и сопредельных областей (общие и специфические черты) // Звери в камне (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1980. С. 117–135.
52. Дзюбас С.А., Друлис М.В. Костяные подвески Усть-Илирского могильника // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. С. 57–60.
53. Дроздов Н.И. Новые находки каменных рыб в Красноярском крае // Археология и этнография Восточной Сибири: тез. док. Иркутск, 1978. С. 36–37.
54. Дроздов Н.И., Макулов В.И., Ермолаев А.В. Археологическая карта нижнего течения Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск. 1989. Вып. 1. С. 190–193.
55. Дроздов Н.И. Наскальные рисунки и каменные изваяния Северного Приангарья // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 211–216.

56. Дроздов Н.И., Леонтьев В.П. Уникальная находка со стоянки Усть-Кова // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Изд-воКГПИ, 1991. Т. 3. С. 19–21.
57. Дроздов Н.И., Леонтьев В.П., Макулов В.И. и др. Наскальное искусство Северного Приангарья // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. Вып. 1. С. 46–47.
58. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Макулов В.И. Древнее искусство нижнего Приангарья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: Изд-воИАЭт СО РАН, 1996. С. 91–96.
59. Дроздов Н.И., Макулов В.И., Заика А.Л. и др. Результаты археологических исследований памятников материальной культуры р. Подкаменной Тунгуски и наскальных рисунков Нижней Ангары (по итогам работ 1999 года) // Научный ежегодник КГПУ. Вып. 1. Красноярск, 2000. С. 43–55.
60. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Макулов В.И. и др. Археологические исследования на территории Красноярского края в 2000 году // Научный ежегодник КГПУ. Вып. 2. Красноярск, 2001. С. 10–47.
61. Дроздов Н.И., Макулов В.И., Леонтьев В.П. К истории археологических исследований в Северном Приангарье // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Томск: Изд-во ТГУ, 2001 а. С. 122–124.
62. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Леонтьев В.П. и др. Результаты исследований в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2001 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001 б. Т. VII. С. 292–297.
63. Дроздов Н.И., Басаандорж Ц., Артемьев Е.В. и др. Археологические исследования в Западной Монголии (комплексная экспедиция КГПУ, ИАЭт СО РАН и Ховдинского филиала МонГУ) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2001 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001 в. Т. VII. С. 66–71.
64. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Березовский А.П. Исследования Шалаболинской писаницы (по результатам работ 2001–2002 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2002 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 309–312.
65. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Стасюк И.В. Итоги разведочных работ на правобережье Енисея // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2002 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002 а. Т. VIII. С. 313–315.
66. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Леонтьев В.П. и др. Результаты исследований памятников древнего наскального искусства в зоне затопления Богучанской ГЭС // Научный ежегодник КГПУ. Вып. 3. Т. I. Красноярск, 2002. С. 12–23.
67. Дроздов Н.И., Басаандорж Ц., Артемьев Е.В. и др. Результаты археологических исследований в Западной Монголии в 2001 г. // Научный ежегодник КГПУ. Вып. 3. Т. II. Красноярск, 2002. С. 12–23.
68. Дьяконов В.Д. Антропоморфные изображения на керамике бронзового века Якутии // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 36–39.

69. Дэвлет М.А. О головных уборах антропоморфных изображений эпохи бронзы на Верхнем Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 52–64.
70. Дэвлет М.А. К истории изучения петроглифов Енисея (начало – третья четверть XIX в.) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 80–88.
71. Дэвлет М.А. Ареалы наскального искусства Северной Азии // Некоторые проблемы сибирской археологии. М.: Изд-во ИА АН СССР, 1988. С. 54–83.
72. Дэвлет М.А. О методике полевого изучения наскальных изображений // КСИА. М.: Наука, 1990. Вып. 202. С. 83–89.
73. Дэвлет М.А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1992. С. 29–43.
74. Дэвлет М.А. О конференции «Актуальные проблемы изучения наскальных изображений» и визите Р. Беднарика в нашу страну // Памятники наскального искусства. М.: Изд-во ИЭиА РАН, 1993. С. 30–53.
75. Дэвлет М.А. Изображения на скалах Бижиктиг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники наскального искусства. М.: Изд-во ИА РАН, 1993 а. С. 79–193.
76. Дэвлет М.А. Петроглифы Енисея: история изучения (XVIII– начало XX вв.). М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1996. 249 с.
77. Дэвлет М.А. О солярных знаках, «солнцорогих», «солнцеголовых» в наскальном искусстве Сибири // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 2. С. 11–17.
78. Дэвлет М.А. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Изд-во «Петро–РИФ», 1997 а. С. 240–250.
79. Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.
80. Дэвлет Е.Г. Две личины из Внутренней Монголии // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 2. С. 25–28.
81. Дэвлет Е.Г. Некоторые орнитоморфные и антропоморфные изображения: Американско-Азиатские параллели // Международная конференция по первобытному искусству. Т. 1. Кемерово, 1999. С. 131–138.
82. Дэвлет Е.Г. Н.К. Рерих и использование культурного наследия // Рериховские чтения. 1997: материалы конференции. Новосибирск: Сибирское Рериховское общество, 2000. С. 366–375.
83. Дэвлет Е.Г. Антропоморфные наскальные изображения в рентгеновском стиле и мифологический сюжет об обретении шаманского дара // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2 (2). С. 88–95.
84. Евсюков В.В. Мифология китайского неолита. По материалам росписей на керамике культуры Яншао. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 128 с.
85. Журавков С.П., Заика А.Л. Тема «космической охоты» в наскальном искусстве Нижней Ангары // Народы Приенисейской Сибири. История и современность: материалы научно-практической конференции, г. Красноярск, 1–2 декабря 2000 года. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. С. 79–84.

86. Журавков С.П., Заика А.Л. Образ медведя в наскальном искусстве Среднего Енисея и Ангары // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 464–466.
87. Заика А.Л., Капелько В.Ф. Писаницы Ленковой горы // Проблемы скифо-сибирского мира. Кемерово: Изд-во Кем ГУ, 1989. Ч. 2. С. 92–95.
88. Заика А.Л., Гущин Е.В., Коваль А.А. и др. Писаницы Третьего Камня (предварительное сообщение) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Изд-во КГПИ. 1991. Т. 2. С. 28–29.
89. Заика А.Л. К интерпретации окуневских изображений // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск: Изд-во КГПИ. 1991. Т. 2. С. 30–34.
90. Заика А.Л., Гущин Е.В., Коваль А.А. и др. Археологические памятники р. Маны // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск: Изд-во ТГУ, 1992. С. 128–129.
91. Заика А.Л. О семантике и культурно-хронологической принадлежности решеткообразных изображений (по материалам сибирских петроглифов) // Проблемы археологии Сибири. Абакан: Изд-во АГПИ, 1993. С. 36–37.
92. Заика А.Л., Крюгер М.В., Свинцов П.В. и др. Новые петроглифы правобережья Енисея // Проблемы археологии Сибири. Абакан: Изд-во АГПИ, 1993. С. 35.
93. Заика А.Л. Культовые изображения в наскальном искусстве р. Маны // Этнос Сибири. История и современность. Красноярск, 1994. С. 79–81.
94. Заика А.Л. Наскальное искусство Среднего Енисея // Тайны Среднего Енисея. Железногорск: Изд-во МВЦ, 1996. С. 25–39.
95. Заика А.Л., Емельянов И.Н. Писаницы Нижней Ангары // Археология, палеоэкология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. Ч. 2. С. 25–29.
96. Заика А.Л., Каява А.В., Емельянов И.Н. Новые петроглифы Нижней Ангары // Дуловские чтения. Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1997. С. 122–126.
97. Заика А.Л. Новые петроглифы Енисея // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. Вып. 2. С. 97–101.
98. Заика А.Л., Емельянов И.Н. О личинах Нижней Ангары // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во САИПИ, 1998. С. 98–99.
99. Заика А.Л., Емельянов И.Н., Березовский А.П. Новые данные по наскальному искусству Нижней Ангары // Вестник САИПИ. 1998 а. Вып. 1. С. 16–17.
100. Заика А.Л., Емельянов И.Н., Березовский А.П. Результаты исследований таежных писаниц среднего Енисея // АО 1997 года. М.: Наука, 1999. С. 275–277.
101. Заика А.Л. Результаты исследования культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири. XXIX РАЭСК. Ч. 2. Чита, 1999. С. 11–16.
102. Заика А.Л., Петрович Е.В. Антропоморфные личины Нижней Ангары // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. XXXX РАЭСК. Т. 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 134–136.
103. Заика А.Л., Березовский А.П., Емельянов И.Н. и др. Петроглифы р. Бирюсы (по итогам работ 2000 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 2000 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000 а. Т. VI. С. 122–123.

104. Заика А.Л., Дроздов Н.И., Макулов В.И. и др. Археологические исследования памятников наскального искусства на территории Мотыгинского района Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 2000 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000 б. Т. VI. С. 287–291.
105. Заика А.Л., Дроздов Н.И., Макулов В.И. и др. Результаты археологических исследований на территории Богучанского района Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 2000 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000 в. Т. VI. С. 555–559.
106. Заика А.Л. О датировке петроглифов «Писаного Камня» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭт СО РАН. Декабрь 2000 г.). Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. Т. VI. С. 282–286.
107. Заика А.Л., Березовский А.П., Раицкий А.А. и др. Писаницы в устье реки Колба // География на службе науки, практики, образования: материалы VII научно-практической и методической конференции, посвященной 100-летию Красноярского отдела РГО, г. Красноярск, 26–28 апреля 2001 г. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. С. 53–54.
108. Заика А.Л. Юго-восточные мотивы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных территорий. Томск: Изд-во ТГУ, 2001 а. С. 128–129.
109. Заика А.Л. Личины Нижней Ангары (результаты стилистического анализа) // География на службе науки, практики, образования: материалы VII научно-практической и методической конференции, посвященной 100-летию Красноярского отдела РГО, г. Красноярск, 26–28 апреля 2001 г. Красноярск: РИО КГПУ, 2001 б. С. 48–52.
110. Заика А.Л. Современное состояние и проблемы сохранения петроглифов Среднего Енисея // Материалы научно-практической конференции «Проблемы борьбы с проведением незаконных раскопок и незаконным оборотом предметов археологии, минералогии и палеонтологии». Красноярск, 2001 в. С. 38–41.
111. Заика А.Л., Ключников Т.А. Древнейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам работ 2000 г.) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 432–435.
112. Заика А.Л. Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 2. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. С. 48–58.
113. Заика А.Л. О полиэпичности антропоморфных изображений в петроглифах Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 39–43.
114. Заика А.Л., Журавков С.П. О развитии мировоззрений народов Нижней Ангары в эпоху неолита и палеометалла (по материалам культовых комплексов) // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 43–45.
115. Заика А.Л. Проблемы этногенеза и развитие мировоззрения народов Нижней Ангары // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: мат-лы Всерос. (с международ. участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С. 44–47.

116. Замятнин С.Н. Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры (Грузия) // СА. 1937. III. С. 57.
117. Зубков В.С. К вопросу о реконструкции хозяйственной деятельности человека на материалах погребальных комплексов Прибайкалья (неолит – бронзовый век) // Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири. Вып. 1. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1988. С. 25–27.
118. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX вв. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 839 с.
119. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Л.: Наука. Лен. отд-ние, 1979. 839 с.
120. Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай. Иркутск: Наука, 1967. 404 с.
121. Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977.
122. Капелько В.Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов (открытие и разработка методов) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1986. С. 105–111.
123. Кашина Т.И. Семантика орнаментации неолитической керамики Китая // У истоков творчества. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. С. 198.
124. Кашина Т.И. Петроглифы Лунных гор (о древнем искусстве кочевников-скотоводов Внутренней Монголии) // Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 77–85.
125. Кистенев С.П. Родинковское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: ВО Наука; «Сибирская издательская фирма», 1992. С. 68–83.
126. Ключников Т.А., Заика А.Л. Образ лося в наскальном искусстве Нижней Ангары // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. XXXX РАЭСК. Т. 1. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. С. 137–139.
127. Ключников Т.А., Заика А.Л. Позднейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам 2000 г.) // Народы Приенисейской Сибири. История и современность: материалы научно-практической конференции, г. Красноярск, 1–2 декабря 2000 года. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. С. 85–90.
128. Ключников Т.А., Заика А.Л. Анималистические изображения эпохи бронзы в наскальном искусстве Нижней Ангары // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 63–65.
129. Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика южной Сибири (наскальные надписи Турана и Тепсея) // СА. 1976. № 1.
130. Козловская М.В. Системы питания и образ жизни первобытных и исторических сообществ охотников, рыболовов, собирателей // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11). С. 141–159.
131. Кокшаров С.Ф. О содержании и датировке одной группы писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: ИА АН СССР, 1990. С. 79–83.

132. Кондратенко А.П. К вопросу об антропоморфных личинах в керамике культуры Дземон // Семантика древних образов (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 80–82.
133. Конопацкий А.К. Уникальное произведение искусства эпохи неолита на Нижнем Амуре // Семантика древних образов (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 21–34.
134. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
135. Косарев М.Ф. Человек и живая природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // Некоторые проблемы сибирской археологии. М.: Изд-во ИА АН СССР, 1988. С. 54–83.
136. Кочмар Н.Н. Петроглифы Якутии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1992. 29 с.
137. Кочмар Н.Н. Стилль и датировка писаниц Якутии // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск: ВО Наука; Сибирская издательская фирма, 1992. С. 160–168.
138. Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1994. 262 с.
139. Кубарев В.Д. Протобуддийские символы в древнеалтайском искусстве // Рериховские чтения. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1985. С. 193–199.
140. Кубарев В.Д. Древние рисунки Каракола. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 171 с.
141. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. Новосибирск, 1992.
142. Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 43–52.
143. Кызласов Л.Р., Леонтьев Н.В. Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
144. Кызласов Л.Р. Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 294 с.
145. Ларичев В.Е. Открытие наскальных изображений на территории Внутренней Монголии, в Синьцзяне и Цинхае // Рериховские чтения. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1985. С. 149–167.
146. Лаушкин К.Д. Онежское святилище. Ч. 2: Опыт расшифровки некоторых петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. 1962. Вып. 5. С. 286–287.
147. Лебедев Д.М. География в России XVII века (допетровской эпохи). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 235 с.
148. Леви–Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 535 с.
149. Леонов О.М. Петроглифы Аплинского порога // Отчетная научно-теоретическая конференция. Археология. Этнография. Источниковедение: тез. докл. Иркутск, 1979. С. 77–79.
150. Леонтьев В.П. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. С. 16–19.
151. Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таежной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. С. 157–161.

152. Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Представления о мире у племен Северного Приангарья в эпоху железного века (по материалам могильника Усть-Кова) // 275 лет сибирской археологии: материалы XXXVII РАЭСК. Красноярск, 1997. С. 61.
153. Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Памятники железного века Северного Приангарья и их культурно-хронологическая периодизация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. III. С. 219–221.
154. Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1999. 25 с.
155. Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. К вопросу реконструкции некоторых представлений о мире у таежного населения Средней Сибири в эпоху железного века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 373–376.
156. Леонтьев Н.В. Гравированные изображения животных в могильнике Черновая-VIII // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 27–34.
157. Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. С. 88–118.
158. Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 65–84.
159. Леонтьев Н.В. Писаницы устья р. Кантегир // Рериховские чтения. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1985. С. 168–179.
160. Леонтьев Н.В. Стела с р. Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Изд-во «ПетроРИФ», 1997. С. 222–236.
161. Линевский А.М. Петроглифы Карелии. Ч. 1. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 193 с.
162. Ломанов П.В., Заика А.Л. Коллекция бронзовых предметов древнего культового литья из фондов Енисейского краеведческого музея // Культурология и история современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. С. 570–573.
163. Лоцманская карта реки Енисей от Красноярской ГЭС до устья р. Ангары. 1974.
164. Мазин А.И. Наскальные рисунки Верхнего Приамурья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973. 21 с.
165. Мазин А.И. Наскальные рисунки IV–III тыс. до н.э. таежной зоны Верхнего Приамурья // Наскальное искусство. Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1976. С. 97–110.
166. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков–ороченов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 200 с.
167. Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 260 с.
168. Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. С. 131–189.

169. Макаров Н.П. Неолит и бронзовый век Красноярской лесостепи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 26 с.
170. Макаров Н.П., Мартынович Н.В., Оводов Н.Д. и др. Комплексные исследования пещеры Еленева // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1995. С. 143–145.
171. Максименков Г.И. Могильник Черновая VIII – эталонный памятник окуневской культуры // Э.Б. Вадецкая, Н.В. Леонтьев, Г.А. Максименков Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 3–26.
172. Максименков Г.И. Сюжеты окуневского искусства // Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981. С. 34–41.
173. Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2 (2). С. 53–64.
174. Мартынов А.И. Лодки – в страну предков. Кемерово, 1966. 35 с.
175. Мартынов А.И. Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и «всемирно-исторический масштаб» // Изв. СО АН СССР. Сер.: Обществ. науки. 1971. № 3. С. 103–118.
176. Мартынов А.И. Писаницы на Томи. Кемерово: Кемер. книж. изд-во, 1987. 62 с.
177. Мартынов А.И. О датировке памятников наскального искусства Сибири // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. Вып. 2. С. 17–24.
178. Мартынов А.И. О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987 а. С. 13–25.
179. Мартынов А.И., Покровская А.Ф., Русакова И.Д. Утраченные и вновь обнаруженные изображения «Томской писаницы» // Природа: сб. статей (музей-заповедник «Томская писаница». Вып. 1). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. С. 104–111.
180. Марьяшев А.Н. Петроглифы Семиречья // Звери в камне (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 211–229.
181. Маточкин Е.П. Каменный век в творчестве Рериха // Рериховские чтения. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1985. С. 30–39.
182. Мачинский Д.А. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н.э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Изд-во «Петро-РИФ», 1997. С. 265–287.
183. Медведев Г.И., Дроздов Н.И., Пашинов А.М. Исследования петроглифов на нижней Ангаре // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 259.
184. Мельникова Л.В. Новое в изучении памятника древнего изобразительного искусства «Шишкинские писаницы» на реке Лене // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. С. 55–57.
185. Мельникова Л.В. Изображения нерп на верхней Лене (Шишкинская писаница) // Наскальные рисунки Евразии. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 69–71.
186. Мельникова Л.В. Новое в изучении Шишкинских писаниц на реке Лене // Памятники наскального искусства. М.: Изд-во ИЭиА РАН, 1993. С. 30–53.

187. Мельникова Л.В., Николаев В.С., Мандрыка П.В. Петроглифы Казачинского порога на Енисее // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. С. 69–70.
188. Мельникова Л.В. Корреляция и периодизация петроглифов Верхней Лены (на примере Шишкинской писаницы): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. 26 с.
189. Миклашевич Е.А. Петроглифы долины реки Урсул (некоторые результаты стилистического и хронологического анализа) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994–1996 годах. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. С. 38–42.
190. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 630 с.
191. Михайлов Ю.И. «Фантастический хищник» и «личина-маска» в древних памятниках Хакасии // Труды международной конференции по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 2000. Т. II. С. 173–176.
192. Михайлов Ю.И. Мирозрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 363 с.
193. Молодин В.И. Изображения на валунах с реки Казым // Звери в камне (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 247–252.
194. Молодин В.И. К семантике бронзовых антропоморфных изображений в кольце из Западной и Восточной Сибири // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. С. 33–35.
195. Молодин В.И. Еще раз о хронологии и датировке Турочакских писаниц // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 4–25.
196. Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск: Наука, 1980. 208 с.
197. Николаев В.С., Мельникова Л.В. Некоторые итоги изучения петроглифов Восточной Сибири // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во САИПИ, 1998. С. 110–111.
198. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука, 1984. 168 с.
199. Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: Наука, 1989. 383 с.
200. Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Заика А.Л. Объекты охоты древних обитателей Средней Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2002 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 161–164.
201. Окладников А.П. Каменные рыбы (к изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // СА. 1936. № 1. С. 215–245.
202. Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары // ВДИ. 1939. № 4. С. 181–186.

203. Окладников А.П. К вопросу о назначении каменных рыб из Сибири // Палеолит и неолит СССР. 1945. МИА. № 2. С. 104–108.
204. Окладников А.П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. 1948. Т. X. С. 203–225.
205. Окладников А.П. Неолит и Бронзовый век Прибайкалья. Ч. I–II // МИА. 1950. № 18. 411 с.
206. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3 Глазковская культура. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 374 с.
207. Окладников А.П. Шишкинские писаницы: Памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск, 1959. 210 с.
208. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы: Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Лен. Отд-ние, 1959. 154 с.
209. Окладников А.П. Олень – золотые рога. М.; Л. 1964.
210. Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.; Л.: Наука, 1966. 322 с.
211. Окладников А.П., Окладникова Е.А. Лики древнего Амура. Петроглифы Сакачи – Аляна. Новосибирск: Зап. Сиб. Изд-во, 1968.
212. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. Л.: Наука. Лен. отд-ние, 1969. 218 с.
213. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л.: Наука. Лен. отд-ние, 1970. 268 с.
214. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 257 с.
215. Окладников А.П. Центральное-азиатский очаг первобытного искусства (пещерные росписи Хойт-Цэнкер Агуй (Сэнгри Агуй), Западная Монголия). Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1972. 75 с.
216. Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. 124 с.
217. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. Лен. отд-ние, 1974 а. 273 с.
218. Окладников А.П. Лоси на Долгом пороге (периодизация нижнеангарских наскальных изображений) // СЭ. 1974 б. № 3. С. 53–59.
219. Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974 в. 318 с.
220. Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 319 с.
221. Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 328 с.
222. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы р. Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. 188 с.
223. Окладников А.П. Удивительные звери острова Ушканьего и периодизация петроглифов Приангарья // Наскальное искусство. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976 а. С. 47–55.

224. Окладников А.П. Петроглифы Верхней Лены. Л.: Наука. Лен. отд-ние, 1977. 322 с.
225. Окладников А.П. Новые наскальные рисунки на Дубынинском – Долгом пороге (Ангара) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. С. 160–191.
226. Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 152 с.
227. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д. Петроглифы долины реки Елангаш: юг Горного Алтая. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 137 с.
228. Окладников А.П., Молодин В.И., Конопацкий А.К. Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 40 с.
229. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д. Петроглифы горного Алтая. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 139 с.
230. Окладников А.П. Звери и знаки Ярминского порога // Звери в камне (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 96–116.
231. Окладников А.П. О работах археологического отряда Амурской комплексной экспедиции в низовьях Амура летом 1935 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935–1976 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980 а. С. 3–52.
232. Окладников А.П., Васильевский Р.С. Северная Азия на заре истории. Новосибирск: Наука, 1980. 160 с.
233. Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д. Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р. Елангаш). Новосибирск: Наука. Сиб. Отд-ние, 1982. 148 с.
234. Окладников А.П., Петрин В.Т. Палеолитические рисунки Игнатьевской пещеры на Южном Урале // Пластика и рисунки древних культур (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 47–58.
235. Окладников А.П., Окладникова Е.А. Древние рисунки Кызыл-Келя. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. 146 с.
236. Окладникова Е.А. Наскальные изображения в долине р. Дялангаш (Горный Алтай) // Наскальное искусство. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. С. 83–96.
237. Окладникова Е.А. Петроглифы Антильских островов (череповидная личина как сюжет наскального искусства тихоокеанского мира) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. С. 87–104.
238. Окладникова Е.А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 167 с.
239. Окладникова Е.А. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. Проблемы этнокультурных контактов аборигенов Сибири и коренного населения Северной Америки. СПб., 1995. 318 с.
240. Паульс Е.Д. Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Изд-во «Петро-РИФ», 1997. С. 123–127.
241. Пашинов А.М. Новые петроглифы нижнего течения Ангары // История: мат-лы 13-й Всесоюз. науч. студ. конференции. Новосибирск, 1975. С. 64–65.

242. Пашинов А.М., Дроздов Н.И. Новые петроглифы нижнего течения р. Ангары // АО 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 271.
243. Петрин В.И. Новые данные о писаницах с берегов оз. Большие Аллаки // СА. 1976. № 1. С. 153–158.
244. Петрин В.Т. Первоначальный этап исследования святилища в Игнatieвской пещере (Южный Урал) // КСИА. М.: Наука, 1990. Вып. 202. С. 95–97.
245. Петрин В.Т., Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Древнее святилище во 2-й Серпиевской пещере на Южном Урале // Семантика древних образов (Первобытное искусство). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 7–20.
246. Письмо Д.А. Клеменца Тизенгаузену из Минусинска 16 ноября 1889 года // Архив императорской Археологической комиссии. Д. 23/ 1888. Лл. 135–136 (хранится в архиве ЛОИА РАН).
247. Подольский Н.Л. О принципах датировки наскальных изображений. По поводу книги А.А. Формозова «Очерки по первобытному искусству» // СА. 1973. № 3. С. 266–275.
248. Подольский М.Л. Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 127–133.
249. Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 92 с.
250. Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. 125 с.
251. Попов Н.И. О рунических письменах в Минусинском крае // Изв. СОРГО. Т. 5. № 2. Иркутск, 1874. С. 46–49.
252. Привалихин В.И. Исследования в зоне Богучанской ГЭС и в Эвенкии // АО 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 227–228.
253. Привалихин В.И. Раскопки на острове Сергушкина // АО 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 198–199.
254. Привалихин В.И. О наличии головного убора с рожками и ушками у таежного населения Северного Приангарья в раннем железном веке // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Т. II. Красноярск: Изд-во КГУ, 1992. С. 72–76.
255. Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 24 с.
256. Привалихин В.И. Искусство таежных племен Северного Приангарья в неолите // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 1995. С. 146–149.
257. Пудовкина Е.А., Горюнова О.И. Писаницы Сарминского ущелья (оз. Байкал) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 119–122.
258. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалоболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. 192 с.

259. Пяткин Б.Н. Представления древних людей о пространстве и времени по курганным надмогильным сооружениям // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 31–37.
260. Пласковицкий. Кадинская писаница // ИВСОРГО. 1888. Т. 9. № 2. С. 28–29.
261. Пьясских М.Р. Завальские писаницы // СА. 1955. Т. XXIII. С. 84.
262. Радлов В.В. О новом способе приготовления эстампажей с надписей на камнях // ЗВОРАО. 1893. Т. 7. С. 169–181.
263. Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1902.
264. Русакова И.Д. Новый памятник наскального искусства на Енисее (писаница у д. Абакано-Перевоз в Хакасии) // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 2. С. 101–112.
265. Русакова И.Д., Баринаева Е.С. Новые петроглифы на Томи // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 2. С. 64–67.
266. Русакова И.Д., Мартынов А.И., Покровская А.Ф. Результаты работ петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» у д. Абакано-Перевоз в Хакасии (1996 г.) // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. Вып. 2. С. 118–119.
267. Русакова И.Д. Все ли мы знаем о Боярских писаницах? // Природа: сб. статей (музей-заповедник «Томская писаница»). Вып. 1. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1998. С. 111–117.
268. Русакова И.Д. Мифологические сюжеты петроглифического комплекса Абакан-Перевоз // Труды международной конференции по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 2000. Т. II. С. 94–97.
269. Савватеев Ю.А. Рисунки на скалах. Петрозаводск: Карельское книж. изд-во, 1967. 167 с.
270. Савватеев Ю.А. Залавруга. Л., 1970.
271. Савватеев Ю.А. Наскальные изображения Финляндии // Наскальное искусство. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. С. 121–150.
272. Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. СПб.: Центр Петербургское востоковедение, 1996. 105 с.
273. Савинов Д.Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Изд-во «Петро-РИФ», 1997. С. 7–18.
274. Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Изд-во «Петро-РИФ», 1997. С. 202–212.
275. Савинов Д.Г. Идея реинкарнации в наскальных изображениях Центральной Азии Южной Сибири // Международная конференция по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во СИАИПИ, 1998. С. 138–139.
276. Савинов Д.Г. Изобразительные памятники и ритуал (по материалам эпохи бронзы Южной Сибири) // Труды международной конференции по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 2000. Т. II. С. 197–206.

277. Савинов Д.Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 48–70.
278. Савинов Д.Г., Миклашевич Е.А. Географическая карта эпохи бронзы на горе Холаас // Труды международной конференции по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 2000. Т. II. С. 177–181.
279. Севастьянова Э.А. Петроглифы горы Тунчух // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 103–107.
280. Семенов Вл.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В. и др. Петроглифы Каратага и горы Кедровой (Шарыповский район Красноярского края). СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2000. 104 с.
281. Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск: Изд-во Зап.-Сиб. отделения ОГИЗ. 1933. Т. IV. 980 с.
282. Советова О.С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 33–53.
283. Советова О.С. Изучение Енисейских петроглифов вчера и сегодня // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3. С. 93–99.
284. Соловьев Л.Н. Надписи и изображения грота Агца у селения Анухва Абхазская // МИА. 1960. № 79.
285. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году (дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева) // Зап. РГО по отделению этнографии. 1882. Т. X. Вып. 1.
286. Столяр А.Д., Савватеев Ю.А. О некоторых возможностях изобразительного анализа писаницы Астувансалми (Финляндия) // Наскальное искусство. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. С. 151–156.
287. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985. 298 с.
288. Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) // СА. 1970. № 1.
289. Студзицкая С.В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре // Бронзовый век Приангарья. Иркутск, 1981. С. 38–42.
290. Студзицкая С.В. Изображение человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны Европейской части СССР // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1985. С. 100–118.
291. Рогинская А. Зараут-Сай. М.: Наука, 1950.
292. Тарасов А.Ю., Заика А.Л. Малые формы окуневских каменных изваяний (проблемы интерпретации) // Труды международной конференции по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 2000. Т. II. С. 182–188.
293. Федоров И.Г. Мессершмидт на Енисее (рукопись) // Фонды ДГМ. Р. 3. Оп. 1. Д. 6.
294. Филиппов А.Г. Наскальные рисунки и керамика пещеры Иркутской // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 123–129.

295. Формозов А.А. О наскальных рисунках эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. 1967. № 3. С. 68–82.
296. Формозов А.А. Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных источников // СА. 1969. № 4. С. 99–106.
297. Формозов А.А. Очерки по наскальному искусству. М.: Наука, 1969. 253 с.
298. Формозов А.А. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968–1972 гг.) // СА. 1973. № 3. С. 257–265.
299. Формозов А.А. Наскальные рисунки и их изучение. М.: Наука, 1987. 108 с.
300. Хороших П.П. Наскальные рисунки большого Кадинского порога // СА. 1968. № 3. С. 198–201.
301. Художественная культура первобытного общества. хрестоматия. СПб: Изд-во «Славия», 1994. 415 с.
302. Чарушин Г.В., Войлошина В.Д. Новые наскальные рисунки в Прибайкалье // СА. 1958. № 2. С. 190–193.
303. Чижова Л.В. Культурное литье лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев // Новые археологические исследования на территории Урала. Ижевск: Изд-во УдГУ, 1987. С. 121–134.
304. Шер Я.А. Алгоритмы распознавания стилистических типов на петроглифах: к теории стиля в первобытном искусстве // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 127–143.
305. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 327 с.
306. Шер Я.А. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к формализации типологического метода археологии) // СКМА. М., 1970. С. 8–24.
307. Шер Я.А. Петроглифы – древнейший изобразительный фольклор // Наскальное искусство Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. Вып. 2. С. 28–35.
308. Широков В.Н., Чаиркин С.Е. Шайтанская писаница // Шайтанская и Северская писаницы на Среднем Урале (препринт). Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1989. С. 6–47.
309. Щелинский В.Е. Исследование Каповой пещеры (к методике изучения первобытных пещерных святилищ) // КСИА. М.: Наука, 1990. Вып. 202. С. 89–94.
310. Щукин Н.С. Народные памятники в Восточной Сибири // Изв. РГО. Т. 18. Вып. 4. Спб., 1882. С. 233–244.
311. Элерт А.Х. **Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири.** Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 247 с.
312. Anati E. I metodi di analisi e di archivio dell'Arte Rupestre. «Bollettino del Centro Camuno di Studi Preistorici». Vol. 2. Capo di Pont, Brescia, 1966.
313. Anati E. Evolution and Styl Comunian Rock art. Capo di Pont, Brescia, 1976.
314. Anati E. Methods of recording and analysing rock engravings // Studi Camuni. Capo di Ponte. 1977. V. 7.
315. Clegg John. Theory and common practis in rock art // Труды международной конференции по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 2000. Т. II. С. 5–16.

316. Gai Shanlin. Petroglyphs in the Ynshan mountains. Beijing. (на китайском языке).
317. Messerschmidt D. G. Forschungreisen durch Sibirien 1720–1727. Teil I. Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725–November 1725. Berlin: Akademie. Verlag, 1986.
318. Okladnikov Alexei. Ancient Art of the Amur region. Rock drawings, sculpture, pottery. L.: Aurora, 1981. 160 с.
319. Jakobson E. The appearance of narrative structures in the petroglyphic art of prehistoric Siberia and Mongolia // Первобытное искусство. Семантика древних образов. Новосибирск, 1990. С. 92–106.
320. Seglie D. Scenes of hierogamy and sexual signs in the Rock Art of Europe's Western Alps // Труды международной конференции по первобытному искусству. Кемерово: Изд-во «НИКАЛС», 2000. Т. II. С. 227–231.
321. Strahlenberg F. J. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.
322. Witsen N. Noord en Oost Tartaryen. Ed. 1. Amsterdam, 1692; Ed. 2, 1705; Ed. 3, 1785.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГПИ – Абаканский государственный педагогический институт.
АГУ – Алтайский государственный университет.
АО – Археологические открытия.
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН.
ВООПИК – Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры.
ДГМ – Дивногорский городской музей.
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИАЭт СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
ИГПИ – Иркутский государственный педагогический институт.
ИГУ – Иркутский государственный университет.
Изв. ВСОРГО (ИВСОРГО) – Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества.
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН.
ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР.
Изв. РГО (ИРГО) – известия Русского географического общества.
Изв. РКСВА – известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях.
Изв. СОРГО – известия Сибирского отделения Российского географического общества.
ИЛАИ КемГУ – известия Лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета.
ИЭиА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН.
ЗВОРАО – записки Восточного отделения Русского археологического общества.
ЗОРСА РАО – записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества.
КАЭ КГПИ – комплексная археологическая экспедиция КГПИ.
КГПИ – Красноярский государственный педагогический институт.
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет.
КГУ – Красноярский государственный университет.
КемГУ – Кемеровский государственный университет.
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей.
КСИА – краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР.
ЛАПСС КФ ИАЭт СО РАН – Лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири Красноярского филиала ИАЭт СО РАН.
ЛОИА РАН – Ленинградское отделение Института археологии РАН.
МГУ – Московский государственный университет.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
НГУ – Новосибирский государственный университет.
ОмГУ – Омский государственный университет.
РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция.
РИО КГПУ – редакционно-издательский отдел КГПУ.
СА – советская археология.
СAAЭ КГПИ – Северо-Ангарская археологическая экспедиция КГПИ.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей наскального искусства.
СО АН РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР.
ССЭ – Сибирская Советская энциклопедия.
СЭ – советская этнография.
ТГУ – Томский государственный университет.
УдГУ – Удмуртский государственный университет.
УрО АН СССР – Уральское отделение АН СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕТРОГЛИФОВ НИЖНЕЙ АНГАРЫ	5
1.1. История изучения петроглифов Нижней Ангары	5
1.2. Методика исследований петроглифов	20
ГЛАВА 2. ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА НИЖНЕЙ АНГАРЫ.....	33
2.1. Писаница «Аплинский порог»	35
2.2. Петроглиф «Тимохин Камень»	38
2.3. Писаница «Писанный Камень»	39
2.4. Писаница «Мурский порог»	42
2.5. Петроглиф «Геофизик»	51
2.6. Писаницы у п. Манзя	53
2.7. Комплекс петроглифов «Ивашкин Ключ»	53
2.8. Писаницы у д. Каменка	64
2.9. Петроглифический комплекс «Шунтары»	74
2.10. Петроглифический комплекс «Выдумский Бык».....	93
2.11. Писаница Рыбное	95
2.12. Писаница Мурожная– 3	106
2.13. Усть-Тасеевское изваяние	109
ГЛАВА 3. КЛАССИФИКАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ В ВИДЕ ЛИЧИН	114
3.1. Классификация антропоморфных личин	114
3.2. Относительная хронология петроглифов	126
3.3. Вопросы датировки и культурно-хронологической принадлежности петроглифов	132
3.4. Антропоморфные образы Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	157
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	176

Александр Леонидович Заика
ЛИЧИНЫ НИЖНЕЙ АНГАРЫ

Монография

Редактор С.А. Бовкун
Корректор А.П. Малахова
Верстка И.В. Стасюк
Обложка А.Л. Заика

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ,
тел. 217-17-52, 217-17-82

Подготовлено к изданию 11.11.13.
Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 22,25. Заказ

Отпечатано ООО «Литера-Принт»